

Федеральное агентство по образованию Российской Федерации
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого

**К 60-летию профессора
А. В. Жукова.
Юбилейный сборник
научных трудов**

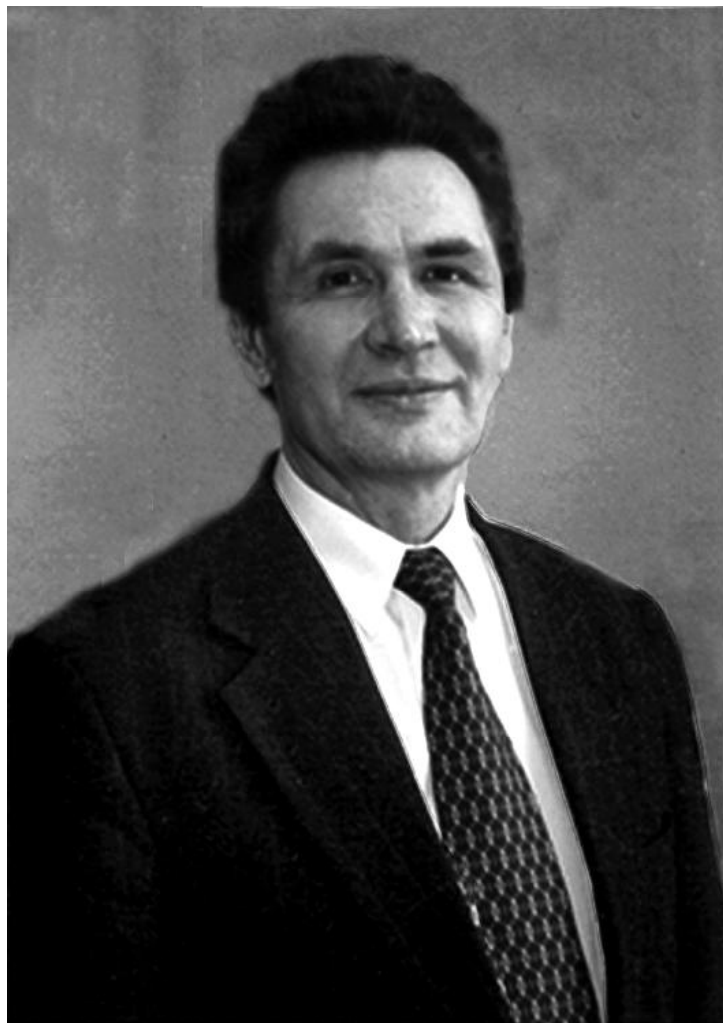
Великий Новгород
2007

Ответственный редактор
кандидат филологических наук, доцент В.И. Макаров

К 60-летию профессора А.В. Жукова. Юбилейный сборник научных трудов /
Отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ имени Ярослава Мудрого. - Великий Новгород, 2007.
- с.

Юбилейный сборник научных работ в честь 60-летия доктора филологических наук, профессора Анатолия Власовича Жукова составили статьи по лексикологии и фразеологии русского языка. Авторы сборника - видные современные лингвисты, а также коллеги А.В. Жукова по кафедре русского языка Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, которую юбиляр возглавляет в течение многих лет.

Сборник рассчитан на ученых-филологов, аспирантов, студентов, всех, кого интересуют проблемы русского языка.

*Доктор филологических наук,
профессор А.В. Жуков*

РАЗДЕЛ 1. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Н.Ф. Алефиренко
(Белгород)

ФРЕЙМОВАЯ ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ¹

Сегодня, пожалуй, уже никто не станет возражать, что в основе значений языковых единиц лежат определенные дискурсивные контексты – когнитивные структуры или блоки знаний, которые эти значения формируют, а затем обеспечивают их понимание. Такого рода когнитивно-дискурсивные контексты Ч. Филлмор назвал фреймами², которые теперь соплагаются с такими традиционными мыслительными структурами, как понятия, представления и образы. Без них немыслима современная теория фразеологической семантики, основы которой были заложены В.П. Жуковым, Й. Матешичем, В.Л. Архангельским, В.М. Мокиенко, В.Т. Бондаренко, С. Георгиевой, А.М. Мелерович и др. В настоящее время оригинальное развитие их идей находим в трудах А.В. Жуков (1984).

Однако исследователи фразеологической семантики всегда понимали, что за фраземой стоит нечто большее, чем отдельное понятие или даже представление (Жуков В.П. 1986). Нередко фразема представляет целое дискурсивно-когнитивное событие, если, конечно, под дискурсом понимать сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки). Элементами дискурса служат излагаемые события, участники этих событий и «не-события» (разного рода обстоятельства, фон, оценки и т. п.). Ср.: *балалайка бесструнная* (прост., неодобр.) – ‘очень болтливый человек, пустомеля’ (знание устройства и звучания русского народного инструмента); *оказаться у разбитого корыта* – ‘потерять все, что имел, что приобрел’. Кроме значения, за второй фраземой стоит известное дискурсивное событие, описанное А.С. Пушкиным.

Когнитивным субстратом такого значения служит фрейм – суперкатегория, объединяющая различные типы когнитивных структур, лежащих в основе фразеологического значения. Некоторые отечественные лингвисты рассматривают фрейм как особую разновидность концепта – родового понятия для образов, представлений, понятий и фреймов (сценария, скрипта, архетипа, стереотипа) (Бабушкин 1996). На мой взгляд, перечисленные образования – нетождественные когнитивные структу-

¹ Работа выполнена в рамках исследовательского проекта по Темплану Минобразования (2007 г.).

² В терминологии Ж. Фоконье и Дж. Лакофф фреймы называются ментальными пространствами, а Р. Лэнекер — когнитивными областями.

ры, представляющие разные форматы внеязыковых знаний и поэтому не сводимые к концепту. Особенно это принципиально важно для соотношения концепта и фрейма. Концепт выражает, как правило, неструктурированное или слабо структурированное знание: *сиамские близнецы* – о людях, связанных неразрывной дружбой, везде неразлучных – мыслительная картинка, связанная с представлением о родившихся в Сиаме близнецов, сросшихся в области грудины. Обычно такие концепты представляют собой гештальты (< нем. *Gestalt* – форма, образ, структура) – целостные образы, целостные структуры, формирующиеся в сознании человека как представления о воспринимаемых предметах или явлениях. Фреймы же служат «упаковкой» структурированного знания, по природе своей предполагающего репрезентацию структурно раздельнооформленными, но семантически целостными единицами языка – фразами. Например: *откладывать (отложить) в долгий ящик* – ‘переносить выполнение чего-л. на неопределенное время, надолго задерживать решение какого-л. вопроса’; *открывать Америку* (неодобр., ирон.) – ‘говорить, объявлять о том, что всем и так давно известно’. Да и сами фреймы не являются однородными сущностями, так как реалии, которые они отражают, не одинаковы по своей природе. По этому критерию под понятие «фрейм» подводятся сцены, сценарии, калейдоскопические и логически создаваемые конструкты. Ср.: *мамаево побоище* – ‘полнейший беспорядок, разгром, опустошения где-либо’ (фрейм); *как небо от земли (как небо и земля)* – ‘очень, сильно, резко (различаться, отличаться)’ (фрейм-сцена); *почивать на лаврах* – ‘добившись чего-либо, успокаиваться на достигнутом’ (сценарии, или скрипт); *называть вещи своими (собственными, настоящими) именами* – высказывать мысли, не подыскивая смягчающих слов или выражений (калейдоскопические и логические конструкты). На первый взгляд когнитивные структуры, лежащие в основании этих фразем, ничем не отличаются друг от друга. Действительно, все они являются когнитивными схемами. И все же они нетождественны. Вслед за Б.М. Величковским, когнитивные схемы будем подразделять на (а) схемы сцен, или собственно фреймы, – в них доминирует пространственная информация, и (б) схемы событий, или сценарии (скрипты) – они выражают временную информацию (ср.: Величковский, 2006, с. 48). Конструкты являются виртуальными построениями реальных или потенциально возможных денотативных ситуаций, представляемых фразами.

Следует подчеркнуть, однако, что не любой фрейм способен выполнять фразеомообразующую функцию и служить когнитивным основанием фразеологического значения. Мы различаем фреймы двух типов: (а) структурирующие знания логического характера и (б) содержащие лингвокультурную информацию. Первые являются ментальными структурами, выделяемыми в различных областях науки и объективируемыми терминами; вторыми оперирует обыденное этноязыковое сознание, которое, подключив лингвокреативное мышление, порождает для их «языкования» соответствующие фраземы. Фразеомообразующий потенциал фреймов второго типа заложен в их ментальной природе. По данным Г.А. Захаровой (2004, с. 147) такой фрейм формируется вокруг некой «сильной» (т.е. ценностно акцентированной) точки сознания, от которой расходятся ассоциативные векторы. Наиболее актуальные для носителей языка ассоциации составляют ядро лингвокультурного фрейма, менее значимые — периферию. Четких границ фрейм этого типа не имеет, поскольку по мере удаления от ядра происходит постепенное затухание ассоциаций. Его именем служит слово, объективирующее основной когнитивно-дискурсивный смысл, архисему отдельной фраземы или целого синонимического ряда. Так, слово

льстить, указывающее на архисему нескольких фразем, служит названием соответствующего лингвокультурного фрейма, поскольку с помощью этого слова актуализируется центральная смысловая точка фрейма. Дифференцирующие семы выражаются разными словами в структуре дефиниций отдельных членов синонимического ряда. Ср.: «**Льстить**» > *делать (отпускать) комплименты* кому — ‘**восхвалять** кого-л., льстить кому-л.’, *мазать по губам* кого (прост., ирон.), *мазать елеем* кого (прост., ирон.), *точить льстивые (медовые) речи* (прост.) — ‘**неумеренно восхвалять, превозносить** кого-л., льстить кому-л.’, *рассыпаться мелким бесом* перед кем — ‘всячески угождать, льстить кому-л.’, *вилять хвостом (хвостиком)* перед кем — ‘**заискивать** пред кем-л.’. Такого рода фреймы как дискурсивно обусловленные когнитивные структуры моделируют культурно-обусловленные, канонизированные знания, которые являются общими для всего этнокультурного сообщества.

Будучи своеобразным культурно-когнитивным контекстом, такие фреймы обуславливают денотативную специфику фразеологического значения. Если по данным Ч. Филлмора, лексическое значение слова отражает отдельный объект денотативной ситуации, то значение фраземы — всю денотативную ситуацию. При этом нельзя не видеть того, что в процессе фразеологизации наше языковое сознание в целостном фрейме выделяет разные коммуникативно-прагматические «перспективы» или фокусировки внимания на отдельных элементах фрейма. В результате такой дискурсивной деятельности в сфере фраземики развиваются парадигматические отношения: полисемия (*с сердцем* — 1) сердито, в раздражении (сказать или сделать что-л.); 2) возмущаясь, негодуя, в гневе (сказать или сделать что-л.), синонимия (*молочные реки и кисельные берега* (фолькл.) — о сытой привольной жизни; *дом — полная чаша* у кого, *птичьего молока недостает (не хватает)* (шутл.) у кого — о полном довольстве кого-л., изобилии у кого-л.) и антонимия (*душа в душу* — (жить) в полном согласии, дружно и *как кошка с собакой* — (жить) в постоянной ссоре, вражде). Возможность такой детализации и даже противопоставления содержится в самом фрейме, который является не целостным монолитом, а определенным способом структурированным набором свойств и признаков отражаемой денотативной ситуации. Причем выделение и репрезентация отдельных признаков (свойств) денотативной ситуации синонимическими или антонимическими фраземами приводит к фоновому представлению всего фрейма: *сводить с ума* — 1. ‘приводить в состояние крайнего раздражения, волнения, потери способности здраво рассуждать’; 2. ‘сильно увлекать, пленять, очаровывать’.

Когнитивная природа фреймов такова, что они служат не только фразеомообразованию, но средством отбора наиболее подходящих для данного речемыслительного акта фразем; при необходимости определяют векторы их окказиональной модификации. «Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию, понять высказывание своего собеседника и т.п., выбирает в своей памяти некоторую структуру данных, которая сформировалась у него в ходе предшествующей познавательной деятельности» (Шиленко, 1986, с. 137). Частота, с которой данная структура актуализируется, будучи извлеченной из долговременной памяти, может быть как высокой, так и низкой. Ср. фраземы и экспрессивные высказывания типа «приветствия» при встрече или «пожелания» счастливой дороги отъезжающему: *вставать с левой ноги* — ‘быть без причины в плохом настроении, раздраженном состоянии’ и *ни пуха ни пера!* (разг.), *в добрый путь!* (разг.). Каждое очередное воспроизведение фрейм-структуры вносит в содержание фразеологического значения новые смысловые элементы. Такие элементы, порой бывают достаточно значительным, меняющими образный

остов и внутреннюю форму фраземы, а вместе с ними и ее смысловую палитру: *выбивать (вышибать) из седла* кого – ‘лишать кого-л. положения в жизни или уверенности, убежденности в чем-л., душевного равновесия’ и *выбивать почву из-под ног* кого, чьих, у кого – ‘лишать кого-л. уверенности, поддержки, опоры в каком-л. деле, начинании и т.п.’. Кстати, смысловые элементы, проецируемые дискурсивной средой, могут оставлять образ и содержание фраземы без изменений: *дрожать (трястись) как овечий (заячий) хвост (хвостик)* (прост., ирон.) – ‘испытывать глубокий страх, вызывающий дрожь, трепет’. И все же такого рода фреймовые структуры являются достаточно эффективным способом понимания некоторых устойчивых речемыслительных ситуаций, знаковыми репрезентантами которых в языковом сознании человека выступают фраземы и другие знаки косвенно-производной номинации.

Каждая такая номинативная единица является аналогом фрейма, который обычно имеет форму пропозиции или набора пропозиций. Структура фрейма состоит из сети узлов и терминалов, которые обычно располагаются в двух уровнях. Верхние уровни фрейм-структуры (узлы) содержат концептуальную информацию интенционального характера, нижние (терминалы) – вариативную информацию, привязанную к той или иной коммуникативно-прагматической ситуации. Узлы, или слоты, как облигаторные компоненты характеризуются речевой (ситуативной) зависимостью и поэтому могут быть выражены в языке разными способами.

Лингвокультурные фреймы имеют сетевидную организацию: состоят из разноуровневых узлов, между которыми устанавливаются устойчивые иерархические отношения. Такая организация фрейма способствует формированию фраземного знака как раздельнооформленного семиотического образования. Каждый узел имеет двойную референцию. Во-первых, он является репрезентатором определенной информации о том или ином фрагменте известной для данной этнокультуры денотативной ситуации. Во-вторых, в процессе ассоциативного мышления узлы фрейма определяют выбор компонентного состава фраземы. При этом происходит взаимодействие именования и формирования семантической структуры фраземы: выделение опорного лексического компонента фраземы одновременно со структуризацией элементов фразеологического значения: выдвижение смысловой доминанты и ранжирование дифференциальных сем. В результате такой иерархизации окончательно вырисовывается и затем определяется ядро и периферия фраземного знака, его интенционал и импликационал. Причем динамической основой такой архитектуры фразеомообразования выступает фрейм, точнее, его структурная организация. Иерархический принцип организации фрейма, подлежащего фразеологизации, состоит в следующем. Верхний узел обычно представлен лексическим компонентом или структурной моделью фраземы, обозначающими денотативную ситуацию в целом. В процессуальных фраземах таковым обычно выступает глагол (*дрожать как осиновый лист, поджилки трясутся*), в атрибутивных – имя прилагательное (*первая ласточка*). Во фраземах адverbиального типа верхний узел фрейма чаще всего представляет их предложно-падежная модель: *в двух словах* – ‘кратко’. Узлы нижележащих уровней, или терминалы, заполняются лексическими компонентами, представляющими информацию, связанную с приспособлением фрейма к конкретной коммуникативной ситуации. Ср.: *мороз по коже (по спине) дерет (поддирает, продирает, пробегает, идет)* – ‘ощущается озноб, вызываемый чувством сильного страха, волнения, возбуждения и т.п.’. Причем связи такой информация с соответствующими терминалами весьма неустойчива. И это не ущербное свойство фразе-

мы, поскольку используется оно во благо креативного познания действительности и стилистической гибкости высказывания. Ср.: Да и России не век же **сидеть на сырьевой игле** – нужно развивать «экономику мозгов» (АиФ, № 8, 2007 г., с. 2). В нужный момент информация того или иного терминала может быть вытеснена более адекватными для данной ситуации сведениями. Ср.: По ходу разговора обратил внимание, что она *ведет себя*, мягко говоря, *не совсем адекватно* и временами **«несет пургу»** (Экспресс газета, № 7 (628), 2007 г.). Чтобы такого рода сведения стали более адекватными, чем предыдущие, они должны соответствовать вполне конкретным условиям – простым и сложным. Простые условия обеспечивают репрезентацию сведений отдельными терминалами (как правило, они указывают на лицо, действие и т.п.). Более сложные условия служат взаимодействию между разными терминалами фрейма. Речемыслительный механизм при этом работает следующим образом: (а) после выбора соответствующего фрейма для представления-ситуации, терминалы заполняются информацией, в соответствии с условиями порождения высказывания в целом и фраземы как его важнейшего коммуникативно-прагматического компонента. Разумеется, основными условиями порождения высказывания служат речевые интенции субъекта речепорождения, которые играют здесь, пожалуй, определяющую роль. Дело в том, что для адекватного восприятия высказывания, недостаточно выделить (а) составляющие фрейм узлы и терминалы и (б) отношения между ними в процессе порождения высказывания. Не менее важно правильно определить интенции отправителя высказывания, согласно которым данное высказывание порождается. Поэтому фреймы важны как для субъектов, порождающих текст, так и для его реципиентов, поскольку структуры знаний, называемые фреймами, представляют собой пакеты информации, хранимые в памяти или создаваемые в ней по мере необходимости из содержащихся в памяти компонентов, обеспечивающих обработку типичных денотативных ситуаций. В свернутом виде информация о первичном и вторичном денотате фраземы хранится концептом вокруг которого собственно и выстраивается фрейм. С фреймообразующим концептом, как раз и ассоциируется основная, типичная и потенциально важная информация (ср.: Дейк 1989, с. 16), которая в когнитивном сознании выражается фрем-структурой, в языковом сознании – значением фраземы. Фразеологическое значение в итоге приобретает полевою организацию: его ядро по своему генетическому источнику соотносится с концептом, а периферия – с фреймом. Соотносимое с концептом ядро фразеологического значения представляет собой его интенционал, а соотносимая с фреймом периферия – импликационал. Так, ядром значения идиомы во всю ивановскую выступает концепт «со всей силой», обобщенно представляющий вторичную денотативную структуру. С первичным денотатом генетическими узлами связан импликационал (периферия фразеологического значения) «делать что-л. очень громко». Его денотативными коррелятами являются две устойчивые ситуации: а) «звонить во все колокола колокольни Ивана Великого в московском Кремле» и б) «кричать во всю Ивановскую площадь, оглашая царские указы». Именно эти денотативные ситуации служат аферентно-ассоциативными источниками фразеологической коннотации первой степени: «очень громко кричать», «очень сильно храпеть» и т.п. Позже уже на основе ингерентных ассоциаций формируются фразеологические коннотации второй степени: а) «очень быстро передвигаться (мчаться, бежать, гнать)»; б) «во всю мочь, что есть силы (вести огонь, бить)». Выделенные коннотации находятся между собой в определенных смысловых связях (генетических, парадигматических, эпидигматических), образуя таким образом импликациональную структуру фреймового типа.

С коммуникативно-прагматической точки зрения говорящий при выборе идиомы опирается на концепт, передающий основной смысл (интенционал) коммуникативного акта; фрейм обеспечивает понимание не только фразеологического значения, но и соответствующей коммуникативно-прагматической ситуации. Иными словами, концепт служит смыслообразующим фактором, а фрейм – когнитивной основой понимания фразеологического значения и смысла всего фразеоцентрического высказывания. Концепт и фрейм соотносятся друг с другом как когнитивные механизмы *порождения и понимания* смысла идиомы. В силу такого их когнитивного статуса они «вынуждены» дублировать свою структуру для достижения необходимого в коммуникации взаимопонимания.

Использование фреймовой методики позволяет представить разные способы фразеологической репрезентации денотативных ситуаций в виде фасет (см.: Золотых 2006, с. 19). Способы эти связаны с двумя «взглядами на мир», двумя пониманиями мира пространственных свойств и отношений. В одном случае этот взгляд представляется главным образом фразами, которые обозначают то, что подсказывает человеку его совокупный чувственный опыт (то есть чувственно-наглядное восприятие и представление предмета): *родиться в сорочке (в рубашке), родиться под счастливой звездой* – ‘быть удачливым, во всем счастливым’. В другом случае мы имеем дело с повышенной абстракцией, связанной с выделением топологических признаков «мерных предметов». Видимо, поэтому такое видение пространственных свойств и отношений фраземикой фиксируется крайне редко: *не бог весть какой, не ахти какой* – ‘не очень-то, не особенно хороший; посредственный; не имеющий какого-л. качества в достаточной степени’; где наше не пропадало! – ‘рискнут!’.

Фреймовый подход позволяет пролить свет на выбор того или иного признака, выступающего внутренней формой фраземы. Благодаря механизмам аккомодации и ассимиляции в языковом сознании завершается переработка чувственного восприятия действительности в когнитивно-прагматическую доминанту сознания, формирующую узлы фрейма. Она сопоставима с принципом доминанты А.А. Ухтомского, представляющей собой своеобразный след некогда пережитого впечатления – *важного и существенного* для данной денотативной ситуации признака. Одновременно с актуализацией господствующего очага возбуждения, подчиняющего себе всю систему текущих реакций организма, происходит отторжение всего, что для данного момента является второстепенным или и вовсе индифферентным (см.: Алевиренко 2007). В конечном счете, когнитивно-прагматическая доминанта сознания формирует внутреннюю форму фраземы, выступающую своего рода опосредствующим звеном между значением фраземы и обозначаемой денотативной ситуацией.

Фреймовая семантика во фразеологии – это методика исследования взаимодействия фразеологической семантики (фразеологических значений) и структур знания, того когнитивно-дискурсивного пространства, в котором рождается и функционирует фразема. Она позволяет моделировать характер отражения каждого фрагмента денотативной ситуации в структуре фразеологического значения, а также средства активации общих пресуппозиций, обеспечивающих понимание фраземы в устном общении или в письменном тексте. Такой подход не является чисто лингвистически, поскольку постоянно находится на грани между фразеологическими значениями и обыденным сознанием. Его преимущества в том, что он позволяет исследователю свободно «перемещаться» из области языковой семантики в мир предметно-чувственного опыта и наоборот.

Подводя итоги, хотелось бы развеять сомнения тех, кто впервые сталкивается с

фреймовым подходом к осмыслению фразеологической семантики. Не является ли он лишь способом изложения в новых терминах и понятиях известных фактов и закономерностей? Разобраться в этом помогает история лингвистических учений, которой известны ситуации, когда новая научная концепция, исходя из небольшого числа исходных принципов, открывала новые грани ранее известных фактов и эмпирических закономерностей. Данный подход открывает новые перспективы не только в приращении знаний о фразеологической семантике, но и в решении других проблемных вопросов современной теоретической фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко Н.Ф.* Фразеологическое значение: природа, сущность, структура // Грани слова: Сборник науч. статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: «Элпис», 2005. – С. 21-27.
- Алефиренко Н.Ф.* Когнитивно-дискурсивная синергетика языка // AUSPICIA. – Ceske Budejovice, 2007 (в печати).
- Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996.
- Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. / Т. А. ван Дейк – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
- Жуков А.В.* Фразеологическая переходность в русском языке. – Л., 1984. 93 с.
- Жуков В.П.* Русская фразеология. – М: Высш. школа, 1986. – 310 с.
- Захарова Г.А.* Понятие «фрейм-концепт» в современной когнитивной лингвистике // Современная филология в международном пространстве языка и культуры. – Астрахань, 2004. – С. 147–149.
- Золотых Л.Г.* Семиотика культуры и формирование фразеологической семантики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки» № 3 (16), 2006. – С. 15-20.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. - М., 1996.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988. – С. 87-93.
- Шиленко Р.В.* Опыт фреймовой интерпретации экспрессивных высказываний // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста. – Калинин, 1986. – С. 137–141.
- Johnson M.* Philosophical Implications of Cognitive Semantics // Cognitive Linguistics. – Berlin - NY, 1992. – Vol. 3. – № 4. – P. 345-366,
- Langacker R. W.* Concept, Image and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. – N.Y., 1991.
- Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites. – Stanford, 1987. – 368 p.

С.В.Асабина
(Гродно, Беларусь)

О НЕКОТОРЫХ УЗУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.ЛЫНЬКОВА)

Исследуя фразеологию в целом, а также занимаясь изучением фразеологических единиц в языке отдельного писателя, некоторые лингвисты поверхностно, в общих чертах упоминают о стилистической роли фразеологизмов, не показывая их индивидуального проявления в каждом конкретном случае. Например, А.С.Аксамитов отмечает: «Фразеологические единицы являются ярким стилистическим средством. Кроме называния того или иного явления объективной реальности, они передают и определенные отношения (неодобрение, ирония, фамильярность, одобрение и т.д.) говорящего к этому явлению... Писатель при помощи фразеологизма, меткого крылатого выражения, пословицы, поговорки создает художественный образ, рисует действие, украшает речь персонажа, делает язык произведения более красочным, убедительным, выразительным, разнообразным» (Аксамітаў 1978, с. 27).

Под стилистическими функциями фразеологизмов, как писал А.И.Ефимов, «следует понимать их изобразительную роль, их целевое назначение, обусловленное идейным содержанием произведений и своеобразием слога автора. Раскрывая стилистические функции, мы, таким образом, определяем, с какой целью и для достижения каких результатов используются выразительные средства языка» (Ефимов 1957, с.15).

Изучая особенности использования фразеологизмов в произведениях известного белорусского писателя М.Лынькова, можно видеть, что чаще всего эти языковые единицы употребляются без изменений, в своем стандартном виде, значительно реже – трансформируются или обыгрываются с определенной стилистической целью, а в некоторых, правда, очень редких случаях неоправданно используются с немотивированными отклонениями от нормы. Ср., например, употребление фразеологизма *браць (узяць) у свае рукі* (каго) в следующих отрывках: 1) Трэба, аднак, *узяць у рукі* гэтых газетных пісак, якія так недарэчы выступаюць са сваёй пісанінай (т. 2, с. 458) [здесь и далее в скобках после примеров из произведений М.Лынькова указывается том и страница]; 2) «Усё сяло так, браце, *у рукі возьмем*, пішчом пішчэць будуць, аж пацячэ з іх...» І ён сціскаў свой валасаты кулак і распускаў пальцы, паказваючы Цыбалу, як то яно цекчы будзе (т. 3, с. 452); 3) Хвядос-стараста колькі раз папікаў Сілівона-брата: «Што ты вот кабеціну *да рук не бярэш*, глядзі, і кіне цябе зусім» (т. 3, с. 357). В первом отрывке употребление фразеологизма соответствует норме, при

этом выражение, как будет показано далее, выполняет ряд стилистических функций. Во втором отрывке намеренное использование слов *кулак*, *пальцы* на фоне фразеологизма *браць у рукі* создает определенный эффект, а стилистическая роль фразеологической единицы как бы удваивается. В третьем случае нарушена норма фразеологизма: русскую фразеологическую единицу *прибратъ к рукам* автор ошибочно перевел как *браць да рук*, хотя в белорусском языке существует свое соответствующее этому фразеологизму выражение – *браць у рукі* (в 1 значении) или, как зафиксировано в РБС-82 (Русско-белорусский словарь), *прыбраць да рук*.

Фразеологизмы, употребляясь в своей обычной форме и нормативно закреплённом за ними содержании, всегда выполняют различные стилистические функции.

Впервые стилистические функции фразеологизмов систематизировал и классифицировал И.Я.Лепешев, выделив при этом функции узуального и окказионального характера (Лепешаў 1984, с. 76). В основном придерживаясь этой классификации, рассмотрим только узуальные стилистические функции фразеологических единиц в произведениях М.Лынькова. Это общие, постоянные, «природные» функции, «внутренне свойственные самим фразеологизмам» (Лепешаў 1984, с. 76), они сами по себе реализуются в речевом контексте. К ним относятся функции: номинативная, лаконизации речи, образного высказывания, оценочная, эмоциональная, экспрессивная. Здесь будут рассмотрены лишь три первых функции.

Номинативная функция. Фразеологизмы, являясь строительным материалом для предложений, вступают в семантическую и синтаксическую связь со словами и так же, как и слова, обозначают, называют те или иные понятия, т.е. выполняют номинативную функцию. Она свойственна почти всем фразеологическим единицам. Так, фразеологизмы могут обозначать: человека (*раба божая, лішні рот, наш брат*), предмет (*дах над галавой, гусіныя лапкі, брат-сястрыца*), явление (*залаты фонд, жывое слова, дамоклаў меч*), признак (*вецер у галаве ў каго, на галаву вышэй, востры на язык*), действие (*гуляць у жмуркі, праціраць вочы, адкрываць дарогу каму, куды*) и др.

Не являются членами предложения и не выполняют номинативной функции только междометные фразеологизмы (они выражают определенные эмоции, не называя их: *барані божжа, што вы, дзе там*), а также модальные, при помощи которых передаются отношения носителя языка к содержанию высказывания: *адным словам, чаго добрага, між іншым*.

Понятно, что номинативная функция далеко не основная и не главная, ради которой в речи используется определенный фразеологизм. Одновременно он выступает с рядом других стилистических функций. Например, в отрывке: «Што ж ты *мокрай курыцай* стаіш? Цябе ж і баба паваліць, а яшчэ казак!» (т. 6, с. 136) – целевое назначение оборота *мокрая курыца* не только и не столько в том, чтобы обозначить ‘слабовольный, бесхарактерный человек’, сколько в выявлении и передаче чувств говорящего, а также в оценке того, о ком ведется речь.

В языке есть незначительное количество фразеологизмов, которые являются единственным названием для обозначения определенных реалий (например, *бабіна лета* в 1-м значении – ‘ранняя осень с теплыми ясными днями’; *вочная стаўка* – ‘одновременный перекрестный допрос обвиняемого и свидетелей’). Номинативная функция для таких фразеологизмов – основная, но не единственная: фразеологические единицы одновременно выступают и как экспрессивные средства высказывания. Почти то же можно сказать и о фразеологических оборотах как параллельных обозначениях явлений растительного и животного мира, несравнимо чаще употребляе-

мых, чем научные обозначения тех же явлений: *божая кароўка* – ‘жучок красной, желтой или белой окраски с пятнышками’; *зязюльчын лён* – ‘однолетнее травянистое растение семейства гвоздичных преимущественно с розовыми цветами и ядовитыми семенами’; *воўчае лыка* – ‘ядовитое кустовое растение с лилово-розовыми цветами’; *брат-сястрыца* – ‘травянистое трехцветное растение семейства фиалковых’ и др.

Функция лаконизации речи. Многие фразеологизмы характеризуются тем, что своим небольшим компонентным составом передают богатое смысловое содержание, делают речь сжатой, но ёмкой, лаконизируют ее. Например, 6 раз употребленное М.Лыньковым выражение *замятаць сляды* обозначает ‘ловко уничтожить или скрывать то, что может быть доказательством вины’. Такие фразеологизмы, как и аллегорические пословицы, «дают наибольшую концентрацию мысли при наименьшей затрате словесного материала» (К. Крапіва 1963, с. 250). О них можно сказать, что у них «словам тесно, а мыслям просторно».

Существует и языковой показатель, который в отношении ко многим фразеологизмам позволяет однозначно говорить о их повышенной познавательной ценности. А.В.Жуков поделает фразеологизмы на 3 группы: а) с нормальной (стандартной) познавательной ценностью (у них количество слов в объяснительном минимуме равно количеству компонентов фразеологизма), б) с пониженной познавательной ценностью (у них количество слов в объяснительном минимуме меньше количества фразеологических компонентов), в) с повышенной познавательной ценностью (у них количество слов в объяснительном минимуме больше количества компонентов фразеологизма) (Жуковы 2006, с.27-32).

В произведениях М.Лынькова находим множество фразеологизмов с повышенной познавательной ценностью, которые лаконизируют речь; например: *націскаць на ўсе педалі* ‘прикладывать все усилия для достижения чего-либо’; *з карабля на баль* – ‘на неожиданное занятие сразу после приезда откуда-либо’; *заплюшчваць вочы* (на што) – ‘нарочно не замечать чего-либо значительного’; *не паласа* – ‘рискованно и опасно для кого-либо’.

Среди фразеологизмов этой группы можно отдельно выделить такие, которые образуются по модели предикативных словосочетаний, имеют открытую, незамкнутую структуру и вместе с показателем их конструктивной ограниченности называют не понятие, а суждение. У М.Лынькова встречаем достаточно многочисленную группу таких фразеологизмов: *язык заплятаецца* (у каго, чый) – ‘кто-либо не может выразительно говорить, сказать что-либо’; *сэрца заходзіцца* (у каго) – ‘кто-либо переживает большую радость или сильную тревогу, волнение’; *свет не мілы* (каму) – ‘кому-либо всё надоело, ничего не нравится в связи с плохим настроением, нестерпимой болью и пр.’; *рукі кароткія* (у каго) – ‘нет права, возможности сделать, осуществить что-либо’ и др.

В белорусском литературном языке существует около ста фразеологизмов, образованных на базе пословиц, чаще всего аллегорических, в результате их сокращения. Употребление таких фразеологических единиц также лаконизирует речь, потому что почти всегда они «воспринимаются как бы сквозь призму более широкого контекста» (Лепешаў 1984, с. 80) – пословичного. У М.Лынькова насчитывается более 10 «обломков» пословиц; например: *хата з краю* (из пословицы *Мая хата з краю, нічога не знаю*), *мора па калена* (из пословицы *П’янаму мора па калена*), *закон не пісаны* (каму), *далёка не заедзеш* (на чым), *у лес не ўцячэ* и пр.

Краткостью и лаконичностью определяются некоторые использованные М.Лынь-

ковым фразеологизмы, которые «по сфере первоначального употребления являются цитатами из художественных произведений – крылатыми выражениями, особенно если их связь с конкретным произведением еще улавливается носителями языка. Такие выражения, употребленные в речи, дают значительный стилистический эффект, потому что несут с собой «сферу образов и идей из творчества цитируемого писателя» (В.В.Виноградов)» (Лепешаў 1984, с. 79). К таким бывшим крылатым выражениям, а сегодня обычным общеязыковым фразеологизмам нужно отнести, например, 14 раз употребленный М.Лыньковым оборот *людзьмі звацца* ‘быть свободными, независимыми, счастливыми’ (происходит из известного стихотворения Я.Купалы «А хто там ідзе?»), а также *мёртвыя душы* (из одноименного произведения Н.В.Гоголя), *у футляры* (из рассказа А.П.Чехова «Человек в футляре») и т.д. Употребленный писателем оборот *панургаў статак* ‘толпа, которая слепо идет за своим вожаком’, кроме передачи заключенного в нем смыслового содержания, ассоциируется с одним смешным сюжетом, описанным в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф.Рабле.

Некоторые фразеологизмы, возникшие из крылатых выражений, не всегда подходят под упомянутую выше мерку «повышенной познавательной ценности», но всё равно выступают как средство лаконизации, потому что характеризуются «большой аккумуляцией мысли и экспрессии, что идут от источника их возникновения» (Лепешаў 1984, с. 79). Например, объяснительный минимум для фразеологизма *свінтус-грандыёзус* – ‘позорный человек’ или ‘нахал’. Но в следующем примере, как и в любом другом, на это значение наслаивается еще дополнительное значение и образный рисунок с известной комедии К.Крапивы «Хто смяецца апошнім»: «Гэта запрашэнне *свінтус-грандыёзус...*, забыўшыся на яго, перадаў толькі ўчора, калі ў цябе ўжо, відаць, пачалося вяселле» (т. 8, с. 354).

Функция образного выражения. Во многих трудах утверждается, что образность – основа многих фразеологических единиц, что «фразеологизмы принадлежат к ярким средствам образности и выразительности» (Янкоўскі 1978, с. 144), «фразеологизмы – это образные средства языка» (Аксамітаў 2000, с. 296), «решающим фактором закрепления фразеологизма всегда является его образность» (Шмелев 1977, с. 291).

Но на самом деле далеко не все фразеологизмы являются образными. Б.А.Ларин писал, что «метафорическим или образным фразеологизм остается до тех пор, пока не разрушаются соотношения первого и второго смыслового плана, иначе говоря, «прямого» и «переносного» значения». И еще: «Чем дальше зашла внутренняя и внешняя деформация или перестройка первичного выражения, тем меньше образности, тем бледнее и отвлеченнее его значение. Ну что, например, осталось от былой образности в идиоме как пить дать, ставшей синонимом наречий неминуемо, обязательно?» (Ларин 1977, с. 155, 148).

Функцией образного высказывания владеют только фразеологические единства – выражения, имеющие живую внутреннюю форму, или образное представление, сопутствующее фразеологическому значению. В.В.Виноградов характеризовал фразеологические единства как «крепко спаянные группы, которые легко расшифровываются как переносные выражения... В фразеологическом единстве слова подчинены слитности общего образа или внутренней целостности общего значения... Значение целого здесь абсолютно не разложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них – и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантической слитности» (Виноградов 1977, с. 128, 131).

Подобные фразеологизмы (типа: *скакаць пад дудку чыю, плысці па цячэнні, тры-*

маць камень за пазухай, асінае гняздо) при их употреблении в речи способны вызывать в сознании человека наглядное представление об определенных явлениях, предметах, реалиях. Они соотносятся со свободным сочетанием слов и на его фоне создают метафорический и семантический эффект. Образность в отношении к фразеологическим единицам определяют как «совмещенное видение двух картин» (Лепешаў 1984, с. 82), потому что образ, который лег в основу фразеологизма, как бы «просвечивается» сквозь семантику фразеологической единицы. Например, фразеологизм *хадзіць на задніх лапках* (перад кім), что значит ‘угодать кому-либо, подхалимничать’, образовался в результате метафоризации аналогичного свободного словосочетания, связанного с повадками собаки, и не потерял связи с первоначальным образом, заложенным в его основу: «Ага, спужаўся высокага начальства, пачнеш на задніх лапках перад ім хадзіць» (т. 3, с. 187). Так же фразеологизм *пэўкаць рукі* (аб каго, аб што) – ‘связываться с кем-либо, впутываться в что-нибудь низкое, неприличное’ имеет выразительную связь со своим прототипом – свободным словосочетанием: «Шкада рукі пэўкаць аб тваю пысу, паганка ты гэтакая!» (т. 4, с. 182).

Некоторые исследователи образность, свойственную фразеологическим единицам, отождествляют с метафоричностью. Например, В.П. Жуков пишет: «Практически образность (метафоричность) устанавливается путем «наложения» (апликации) фразеологизма на переменное словосочетание такого же лексического состава» (Жуков 1967, с. 12). Или ср. заглавие статьи того же автора: «Роль образности (метафоричности) в формировании целостного значения фразеологизма» (Жуков 1967а, с. 103). Думается, что образными нужно считать не только фразеологизмы, образованные в результате метафоризации свободного словосочетания, но и те, которые возникли путем метонимического переноса, основанного на соотносительности двух явлений, непосредственно связанных постоянными отношениями (*вынесці ўперад нагамі каго, паціраць рукі, біць кулакамі ў грудзі*), а также те, которые возникли в результате синекдохического переноса (когда по названию части называется целое); например: *у адны рукі, пад адным дахам, дах над галавой* и пр. Но наибольший «коэффициент образности» (В.П. Жуков) имеют все же обороты метафорического характера.

В произведениях М. Лынькова можно выделить ряд наиболее распространенных групп фразеологизмов, выполняющих функцию образного высказывания. Это фразеологические единства:

1) образованные из соответствующих свободных словосочетаний метафорическим путем (*закасваць рукавы, зламаць хрыбет каму, расправіць крылы, гуляць у маўчанку*), метонимическим (*махнуць рукой на каго, на што, ламаць сабе рукі, паціскаць плячыма, вярнуць нос ад каго, ад чаго*), синекдохическим (*з рук у рукі, на галаву, язык доўгі у каго, перад носам*) и др.;

2) в основе которых – нереальный образ, иногда построенный на гиперболе или литоте: *варочаць горы* <з кім, з чым>, *сядзець на шыі* (чыёй, у каго, каго), *кошкі на душы скрабуць* (у каго, чыёй), *малочныя рэкі з кісельнымі берагамі* и пр.;

3) которые происходят из сравнительных оборотов: *як скрозь зямлю праваліўся, як з ланцуга сарваўся, як у хрыста за пазухай, нібы арышын праглынуў* и под.;

4) с компонентом *хоць*, которые основываются на реальном или нереальном образе и имеют уступительно-повелительную конструкцию: *хоць трава не расці, хоць да раны прыкладвай, хоць скрозь зямлю праваліся, хоць вока выкалі* и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксамітаў А. С.* Беларуская фразеалогія. Мінск, 1978.
Аксамітаў А. С. Прыказкі і прымаўкі. Мінск, 2000.
Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., 1957.
Виноградов В. В. Избр. труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.
Жуков В. П. Роль образности (метафоричности) в формировании целостного значения фразеологизма // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967.
Жуков В. П. Фразеологизм и слово (на материале современного русского языка): Автореф. ... доктора филол. наук. Л., 1967.
Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология. М., 2006.
Крапіва К. Збор твораў: У 4 тамах. Т. 4. Мінск, 1963.
Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
Лепешаў І. Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы. Мінск, 1984.
Лынькоў М. Поўны збор твораў: У 8 тамах. Мінск, 1981–1985.
Шмелев Д. Н. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
Янкоўскі Ф. М. Беларуская мова. Мінск, 1978.

А. Г. Балакай
(Новокузнецк)

БУДЬ/ТЕ ЗДОРОВ/Ы ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Чем чаще обращаешься к словарям, тем более укрепляешься в мысли: классики не преувеличивали, когда говорили, что каждое слово, каждая фразеологическая единица достойны стать объектом научной статьи или монографического исследования [Л. В. Щерба, Б. А. Ларин].

Одной из таких фразеологических единиц, имеющих глубокие культурно-исторические корни, широкую «крону» значений и смысловых оттенков, деривационные, парадигматические, синтагматические связи и отношения с родственными и синонимичными словами и выражениями, является формула русского этикетного пожелания *Будь/те здоров/ы*.

В настоящей статье мы попытаемся лишь в самых общих чертах представить основные ситуативные значения *будь/те здоров/ы*, ограничившись краткими комментариями и некоторыми (возможно, не учтёнными ранее и уже потому небеспользованными) языковыми фактами. Допускаем, что и сами подходы, и интерпретация фактов могут быть иными.

Знакомство с этикетной формулой *Будь/те здоров/ы* следовало бы начать с её происхождения, однако единица эта на протяжении своей многовековой истории обрела разными значениями, так что говорить о её происхождении вообще, то есть в совокупности всех присущих ей значений и употреблений, было бы, на наш взгляд, опрометчиво.

Семантическая структура выражения *будь/те здоров/ы* в том виде, в каком она сложилась в общенациональном русском языке на сегодняшний день ставит под сомнение уже само единство и тождество этого выражения. Во всяком случае достаточно отчётливо выделяются по меньшей мере две группы значений и функций:

I. *Будь/те здоров/ы* – этикетная формула благопожелания, известная с древнейшей поры как в славянских, так и неславянских языках. Ср. лат. *vale* (“будь здоров”, “будь силен”, “будь крепок”), которым древний римлянин приветствовал равного себе при расставании – формула прощания, закрепившаяся впоследствии в европейских языках и через посредство французского вошедшая в русский светский эпистолярный стиль XVIII – XIX вв. («В конце письма поставить *vale* ...»). Такое *Vale* не могло быть адресовано ни женщине, ни малознакомому, ни официальному адресату в деловых письмах. Это дружеское *Vale. Vale, добрейший Михаил Иванович, до*

будущей беседы (М. Бестужев. Письмо М. И. Семевскому 19 августа 1869 г.).

II. *Будь здоров* – собственно русская просторечная идиома с предикативно-оценочными (преимущественно положительными) значениями, употребляемая в функции сказуемого или определения: *Бабёнка – будь здоров! Дом отгрохал – будь здоров. Всыпал ему будь здоров* и т. п.

Далее мы будем говорить лишь о первой формуле – благопожелания, вторую рассматриваем как частный случай конверсии знака речевого этикета – омонимичную идиому [Балакай: 2004].

Корневое (исходное, опорное) слово. Этимологию *здоровый* учёные связывают со словом *дерево*: «Здоровый – общеслав. Первоначальное *sъdorogъ (> *здоров* после развития полногласия *or* > *oro* и озвончения *s* перед *d* в з после падения редуцированных) является префиксальным производным от *dorvo «дерево». ... *Здоровый* буквально – «похожий на дерево» (по высоте или / и крепости) [Шанский, Боброва: 1994, 97]; нельзя исключить, что слово **dorvo* в общеславянскую эпоху имело более конкретное значение (не всякое дерево, а рослое, крепкое, пригодное для строительства; бревно). Ср. лат. *robustus* «дубовый, крепкий, здоровый» от *robur* «древесина дуба, дубовое дерево» [Фасмер: 1986, т. 2, 90].

Характерно, что по количеству значений и смысловых оттенков общеслав. *здоровый* и ц.-слав. *здравый* не вполне совпадают (см. **Таблица 1**).

Семантика(словарное значение; контекстуально независимые, устойчивые элементы значения) этикетной формулы *будь/те здоров/ы* – пожелание физического здоровья, силы, крепости (тела, ума и духа), целостности и сохранности, благополучия адресату.

Обычай вербального (благо-/зло-) пожелания относится к древнейшим лингвокультурным универсалиям и связан с первобытными верованиями. «В этих поговорах, являющихся иногда остатками старинной магии и религии, можно порой отыскать более глубокий смысл, чем тот, который в них вкладывается теперь, или найти действительный смысл в том, что теперь кажется нелепостью» [Тэйлор: 1939, 50].

В известном утверждении В. Гумбольдта: «Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а сама деятельность (*energeia*)» нашло отражение отношение к языку (речи) как к действию. О воззрении на язык как на действие писал И. А. Бодуэн де Куртенэ: «Слова молитвы могут заменить жертву... Оскорбление словом, обида, клевета считаются более или менее равносильным оскорблению действием...» [Бодуэн де Куртенэ: т. 2, 83]. Применительно к ритуальным языковым формулам эту мысль находим у известного этнографа, фольклориста, литературоведа А. Н. Афанасьева: «По глубокому убеждению первобытных племён, слово человеческое обладало чудодейственной силой: на этой основе возросло верование, доселе живущее у всех индоевропейских народов, что слово благословения, доброго пожелания и приветствий (здравий, т. е. пожеланий здоровья при встрече и на пиру при “здравных” кубках) призывает на того, кому оно высказывается, счастье, довольство, крепость тела и успех в делах; наоборот, слово проклятия или злого пожелания влечёт за собою гибель, болезни, разные беды. <...> даже похвала, если она высказана неискренно, с дурным чувством зависти, тайной злобы и худого желания, может изурочить человека, почему матери, слыша похвалы своим детям от посторонних, обыкновенно сплёвывают для отвращения порчи» [Афанасьев: 1865, т. 1, 427-428].

Таблица 1

Сл. РЯ XI–XVII вв.		МАС	
ЗДОРОВЫЙ	ЗДРАВЫЙ	ЗДОРОВЫЙ	ЗДРАВЫЙ
1. Здоровый (не больной, не раненый), целый, невредимый. Здоровымъ животомъ – в добром здравье. Добрь здравь – в добром здравье, в целости и сохранности. По здорову – благополучно.	1. Здоровый (не больной, не раненый), целый, невредимый. По здраву – благополучно.	1. Обладающий здоровьем; противоп. больной. Выражающий здоровье, свидетельствующий о здоровье. <i>Здоровый вид.</i>	2. Устар. То же, что здоровый (в 1 знач.).
2. Крепкий, прочный, ничем не поврежденный (о предметах).	2. Крепкий, прочный, целый (о предметах)	3. <...> <i>Обл.</i> Крепкий, очень прочный, исправный (о предметах).	
3. Полезный для здоровья; целебный.	3. Полезный для здоровья; целебный.	2. Полезный для здоровья. <i>Здоровая пища.</i>	
4. Рослый, сильный, крепкого сложения.		3. <i>Прост.</i> Крепкого сложения, сильный, могучий.	
	4. Настоящий, истинный (не ложный). <i>Здравая вѣра.</i>	1. <...> перен. Правильный, разумный. <i>Здоровое начало. Здоровая критика.</i>	1. Разумный, правильный. <i>Здравый ум. Здравые суждения.</i>
	5. Здравый (об уме).		
	6. Сильный, большой (по степени проявления). <i>Здравъ золь – очень зол.</i>	5. <i>Прост.</i> Значительный по размерам, силе своего проявления. <i>Мороз здоровый.</i>	
		3. <...> <i>Прост.</i> Значительно превышающий обычную для данного предмета величину, объём и т.п.; большой.	
		4. в знач. сказ., с неопр. или на что. <i>Прост.</i> Не утомим, ловок, искусен делать что-л. <i>Здоров врать.</i>	

Ситуативные значения формул благопожелания будь/те здоров/ы, будь здрав.

1. Благопожелание в ситуации приветствия при встрече.

Будь/те здоров/ы употребляется сравнительно редко как формула обиходного

приветствия или ответа на приветствие, и то обычно в форме *Здоров/ы будь/те!* Ср.: [Дуня (вносит чай):] *Здравствуй, Вассушка.* [Васса:] *Здорова будь.* М. Горький. Васса Железнова (Мать).

Чаще в ситуации встречи употребляются другие приветствия-пожелания с компонентом «-здоров- / -здрав-»: *Здравствуй/те. Здравствуй/те вам. Здравствовать (тебе, вам)! Желаю здравствовать. Желаю (вам, тебе) здравия. Здравия желаю. Здравия! Здорово. Здоровы будем. Доброго здоровья (здоровьица, здоровьечка). Здоровья (вам, тебе) на многие годы (лета)! Многолетнего здравия (вам, тебе)! Хозяину (хозяевам) желаем здравствовать, всех нас перездравствовать! Празднику честному злат венец, а хозяину здравствовать! Здравствуйте, с кем не видались (не виделись, кого не видел)! Здравствуйте о Христе Иисусе! Путём-дорогой здравствуйте! Здравствуй, здравствуй, свет мой ясный (друг прекрасный...)! Здравствуй ты, многолетствуй я, ночевать пусть к своей милости (Шутл.). Здравствуй ты, здравствуй я, здравствуй, милая моя! (Шутл.) и мн. др.*

Ср. также шутливые ответы на приветствие с компонентами «здравствуй», «здорово»: *Здравствуй, здравствуй, садись (проходи) да хвастай. Здравствуйте, коли (если) не шутите (Здорово, коль не шутишь). Здорово, шишка елова и т.п.*

Архаичное приветствие *Здрав будь (буди)* отмечено в реконструкции древнейшего дохристианского памятника письменности славян «Велесова книга», происхождение и сам факт существования которого у многих учёных вызывают сомнения. *Иувидел он [Богумир] в вечерних сумерках, что к нему подъезжают три мужа на конях. И сказали они: «Здрав будь! Что ищешь ты?» И поведал им Богумир о печали своей [Бус Кресень: 1993, 257, 271].* Ср. также в поморских говорах: *В полночь вздохнуло море <...>, послышался крик гусиный и голос Олешин: «Здрав буди, Кирик, брате и господине!»* (Б. Шергин. Любовь сильнее смерти).

Формула с иным порядком слов *будь здрав* употребляется в основном как форма архаично-шутливого прощания (см. ниже, п. 5).

Примечательно, что и древнерусское *гой еси* в составе фольклорных формул приветствия при вежливых обращениях (*Ты гой еси, добрый молодец! Уж ты гой еси, мой да родной батюшко!*) означает «будь здоров»: *гой* – повел. накл. глагола *гойти* – «здороветь, хорошо жить, здравствовать»; *еси* – форма связки быть во 2 л. ед. ч. *Гой еси* – буквально значит «Здоровей, будь здоровым!» [Бирих, Мокиенко, Степанова: 1998, 118].

Русский этикет предписывает при встрече с родственником, знакомым, а также в письмах, после приветствия спрашивать о его здоровье или здоровье близких. Вот лишь некоторые устойчивые формулы вопросительных обращений при встрече: *Здоров ли ты? (Здоровы ли Вы?) Все (ли) (живы-) здоровы? Как живы-здоровы? Как здоровье (здоровьице, здоровьечко)? Все ли в добром здоровье (здоровьице, здоровьечке)? По здоровью ли живёшь (поживаешь)?* и т. п.

2. Благопожелание в ситуациях застолья (краткий тост).

Будь/те здоров/ы – краткий тост, адресованный виновнику торжества или тому, кто угощает. [Михайла (наливает чаики и подвигает матери, а потом и прохожему):] *Пей и ты.* [Прохожий:] *Приношу чувствительную благодарность. Будьте здоровы. (Выпивает.)* (Л. Толстой. От ней все качества). «*Ладно, выпей: давай-ка посуду... Да пока принесут... Пей, кому говорю.*» – «*Будь здоров!*» – «*Обязательно буду*» (В. Высоцкий. Встреча).

Будем здоровы – краткий тост при совместном выпивании вина в дружеской

неофициальной обстановке. *Григорий присел к столу... Оставшееся в бутылке Степан разлил поровну в стаканы, поднял на Григория задёрнутые какой-то дымкой глаза. «За всё хорошее!» – «Будем здоровы!» Чокнулись. Выпили. Помолчали* (М. Шолохов. Тихий Дон).

Ср. также формулы кратких тостов с компонентом «здоровье»: *За (ваши, твоё) здоровье. Ваши (твоё) здоровье. Здоровье (адресата).*

Регулярное употребление компонента *здоровье* в составе формул тостов привело в XIX в. к расширению семантики существительного *здоровье* – в значении «тост». По-видимому, под влиянием французского *porter une sante* – «поднимать тост», букв. «подносить, подавать здоровье». Ср. также немецкое *auf-j-s Gesundheit trinken* – «пить за чьё-л. здоровье». В «Протоколе» на празднование 25-летия Царскосельского лицея лицеисты записали: «Собрались вышеупомянутые господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом: 1) обедали вкусно и шумно, 2) выпили три здоровья (по заморскому toasts): а) за двадцатипятилетие лицея, б) за благоденствие лицея, с) за здоровье отсутствующих...» (Цит. по кн.: «Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники». – М.: Правда, 1984. – Т. 1. – С. 315).

На основе самой употребительной формулы тоста-здравницы *За (ваши, твоё, чьё-л.) здоровье!* образовалась универсальная модель (фразеосхема) тоста: «За + существительное или местоимение в вин. п. со значением объекта»: *За встречу! За дружбу! За всё хорошее! За успех (чего-л., чей-л.)! За тебя (вас)! За тех, кто... За родителей, вырастивших и воспитавших... За цветущий миндаль* и т.д. и т.п. (тут, как говорится, «народу русскому пределы не поставлены...»).

В свою очередь, на основе формулы *Будь/те здоров/ы*, а также модели «За + существительное или местоимение в вин. пад. со значением объекта» в русском просторечии сложилось неисчислимо множество шуточных тостов-прибауток. Как известно, балагурство – одна из национальных русских форм смеха – постоянный спутник дружеского общения, тем более – праздничного застолья. *Будь здоров на сто годов, а что жил, не в зачёт! Будь здорова, моя черноброва! За здоровье того, кто любит кого! За здоровье тех, кто любит всех! За здоровье глаз, что пленили нас! За здоровье лошадей, что возят милых гостей!* и т.д. и т.п.

Энтальцев <...> подкидывает меня под потолок и шепчет мокрыми усами в ухо: “Мальчик милый, будь счастливый... за твоё здоровье, а там хоть... в стойло коровье!” Дает мне попробовать из рюмки, и все смеются, как я начинаю кашлять и морищиться (И. Шмелёв. Лето Господне).

3. Благопожелание в ситуации поздравления. *Дорогой Анатолий Власович, поздравляю Вас с настоящим мужским юбилеем. Будьте здоровы и счастливы! «С днём рождения, Игорь!» – спокойно сказал Иван Иванович Карцев. – Будьте здоровы! Это главное!»* В. Липатов. Игорь Саввович. Ср. диалектное пожелание имениннику: *Здравствуй в новый год!*

4. Благопожелание чихнувшему.

– *Будь/те здоров/ы.*

– *Спасибо.*

Некоторые блюстители этикета рекомендуют в ответ на пожелание отвечать «Извините». Извиниться перед соседями нечаянно чихнувшему действительно следует (не так, конечно, как чеховскому чиновнику), но в ответ на благопожелание всё-таки принято прежде всего отвечать благодарностью.

С чиханием у разных народов связано множество суеверий, примет и обычаев, отразившихся в языке, в том числе и речевом этикете. Здесь нет необходимости на этом останавливаться. Ограничимся лишь некоторыми пословицами и поговорками из словаря В. И. Даля: *Чихнувшему здравствуй, обычай. Спица в нос, не велика – с перст* (на чиханье). *На всякое чиханье (или чех) не наздравствуешься. К слову чихнул, правда! Чох на правду. На правду чихается, на сон позевается* (вм. *позевывается*). *Если трудно больной чихнет, будет жив. Чихнуть в понедельник – корысть на неделе. На чох лошади здравствуй ей – и обругай* (ну, будь здорова, волк тебя ешь!) *В чох, да в жох, да в чет, не больно верь. Не верю я ни в сон, ни в чох, а верю я в свой червленной вяз*, Кирша.

Пожелания здоровья чихнувшему имеются в разных языках. В данном случае представляет интерес история выражения *Салфет вашей милости*, употреблявшегося, по свидетельству мемуаристов, при Петре I как формула галантного приветствия чихнувшей особе.

Русский писатель и этнограф П. И. Мельников (Андрей Печерский) в повести «Старые годы» пишет: «Чихнул губернатор. Встали и поклон отдали. Привстал и князь. И все в один голос сказали: “Салфет вашей чести”. При дворе, – прибавляет автор, – говорили *салют* (*Salut*) *вашей милости*; в провинции салют переделали в *салфет*. В глухих городах *салфет* до сих пор водится». М. Михельсон поясняет этимологию: *Салфет* – латинск. *salvete* (< imper. к *salveo*) – «будьте здоровы». Латинско-русский словарь И. Х. Дворецкого отмечает для *salveo* и частные значения: «посылать кому-л. привет, приветствовать кого-л.» или «желать кому-л. здоровья (при чихании)».

В настоящее время выражение *Салфет вашей милости* стало шутливо-манерным пожеланием чихнувшему человеку, который также шуткой отвечает: «*Красота вашей чести*».

– *Салфет Вашей милости!*

– *Красота Вашей чести! Премного Вам благодарны!*

– *Не стоит благодарности за такие малости!*

В картотеке словаря русского речевого этикета есть пример расширительного употребления *Салфет вашей милости* как шутливого приветствия при встрече со знакомым: *Он долго злился на своего соседа, долго с ним не разговаривал, даже кулаком ему грозил из дому, из-за шторки, когда тот не видел. А однажды подошёл к нему сзади неожиданно <...> и, не показывая своей ненависти и злобы к нему, мирно поздоровался, будто ссоры между ними и не возгоралось: – Салфет вашей милости. – Здравствуй, – ответил Ефим Прокопьевич, вздрогнув от неожиданности, и почему-то сконфузился* (Б. Фёдоров. Салфет вашей милости).

Замечание П. И. Мельникова о том, что «в глухих городах салфет до сих пор водится», ещё раз подтвердилось почти через сто лет. В уральских говорах в 1976 г. отмечено выражение *Салфет в уста* как «шутливое пожелание чихнувшему; будьте здоровы!»

– *У нас Лукавочка – чихну, а она: – Салфет в уста! Роза на плечах! Благодарю ты на речах* (Словарь русских народных говоров. Вып. 36).

Не исключено, что здесь мы имеем дело с вторичным знаком, образованным путём контаминации ФЕ *Салфет вашей милости!* и простонародных шутливых пожеланий типа *Сахаром в уста! Спица в нос!*

Другой путь образования производных этикетных знаков на базе ФЕ *будь здоров* – это путь «наращивания» (экспликация, по В. М. Мокиенко). Так порождаются

шутливо-балагурные пожелания, употребляемые обычно взрослыми в адрес чихнувшего ребёнка: *Будь здоров!* > *Будь здоров, расти большой!* > *Будь здоров, расти большой, да не будь лапшой!* > *Будь здоров, расти большой, да не будь лапшой, тянись верстой, да не будь простой!*

5. Благопожелание в ситуации прощания при расставании.

Выражения *Будь/те здоров/ы. Бывай/те здоров/ы. Бывайте живы-здоровы. Оставайтесь живы-здоровы* нередко употребляются совместно с формулами прощания (до свидания, до встречи, прощайте, пока, гуд бай и т. п.): *Прощай, любезный Александр; не замешкайся, будь здоров, помни о своём милом семействе, а иногда и обо мне. / Верный твой / А. Грибоедов. Письмо А. В. Всеволожскому, 8 авг. 1823.*), но чаще метонимически используются как самостоятельные формулы прощания: *[Матвеевна:] Спешат все... доспешатся... Будь здорова. [Нюра:] До свидания* (В. Розов. В день свадьбы).

Здесь, как и в вышеприведённых ситуациях, широко представлены шутливо-балагурные выражения, образованные путём экспликации этикетной формулы «*будь/те (бывай/те) здоров/ы*»: *Будь здоров, не кашляй. Будьте (Бывайте) здоровы, живите богато (а мы уезжаем до дому, до хаты). Будьте (Бывайте) здоровы, живите богато, насколько позволит ваша зарплата (А если зарплата вам не позволит, то не живите – никто не неволит)* и т. п.

В основном как форма прощания (в современном языке – шутливая) употребляется архаичная формула *будь здрав*. Ср.: *Прощай. / Будь здрав. / Верный твой А. Г. (А. Грибоедов. Письмо Ф. В. Булгарину, янв.-февр. 1825). [Королевич:] Так вот, Коленька, не защищай позиции Ипполита. Не поддерживай его понапрасну. (Улыбнулся. Обнял его.) Ну, будь здрав. Ларочку свою поцелуй от меня... Лялю, естественно, тоже. [Двойников:] Передай своей жене, что я очень по ней соскучился* (А. Арбузов. Выбор).

О регулярном употреблении *будь здоров* в дружеской или обиходно-бытовой ситуации прощания свидетельствуют следующие факты:

а) В ситуации прощания, в устном обиходном общении регулярно употребляются просторечные формы прощания *Будь!* и *Бывай!*, образованные в результате эллиптического стяжения (редукции) этикетных формул *Будь здоров! Бывай здоров!* Например: *Истекало время его увольнения, и катер был готов отвалить от причала, и надо было прощаться. Мы обнялись. – «Ну будь!» – «Будь!»* (В. Сафонов. Николай Рубцов). *Егор затоптал окуроч, поднялся. – «Ну, бывай. Забегай».* – «*Будь здоров. Сам заходи*» (В. Шукшин. Любавины). В других ситуациях *Будь!* и *Бывай!* встречаются крайне редко.

б) На базе этикетной формулы *будь здоров* образовалась просторечная (неэтикетная) фразеологическая единица *и будь здоров*, употребляемая в предикативном значении: «о том, кто быстро исчез, уехал, улетел (исчезнет, уедет, улетит)». Ср. синонимичное выражение *и поминай как звали*.

Таковы в общих чертах основные ситуативные значения этикетной формулы благопожелания *Будь/те здоров/ы*. Продолжение исследования отдельно взятой единицы лексико-фразеологического гнезда в синхронном и особенно диахроническом аспектах уводит всё дальше в систему русского речевого этикета, избыточную единицами с компонентом *-здрав-/здоров-*, в том числе в систему форм русских благопожеланий (шире – традиционных благо- и зло- пожеланий), к её образно-

идеологической (аксиологической) основе. Заманчивые ответы на вопросы: «что, как, почему и с какой целью вербально желают русские в типовых коммуникативных ситуациях?» лишь отчасти лежат в словарно-фразеологической сфере; невидимая, малоизвестная или вовсе не известная часть этого айсберга скрыта в глубинах истории языка, культуры и национального менталитета. Конечно, многообразие и употребительность этикетных формул пожелания здоровья (что бы ни говорилось о десемантизации и условности этикетных знаков) в значительной мере объясняются издревле почти повсеместным признанием здоровья одной из высших ценностей земной жизни. Одной, но не единственной. Древние по происхождению и некогда распространённые формулы благопожелания *Мир вам!* (< ц.-сл. миръ, греч. εἰρήνη). *Радуйся! Радоваться* (кому) (< ц.-сл. радоватис# < греч. χαίρειν) всё ещё напоминают об иных ценностях в иных измерениях времени и пространства. Но это, как говорится, уже другая история.

ЛИТЕРАТУРА

- [Афанасьев: 1865] Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. – М., 1865, 1868, 1869.
- [Балакай: 2004] Балакай А.Г. О конверсии знаков речевого этикета в русском языке // Ad libitum. Филология: Научно-публицистический альманах. 2004 (1) – Новокузнецк, 2004.
- [Бирх, Мокиенко, Степанова: 1998]. Бирх А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
- [Бодуэн де Куртенэ] Бодуэн де Куртенэ И.А. Язык и языки // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию В 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- [Бус Кресень: 1993] Бус Кресень (А.И. Асов). Велесова книга // Мифы древних славян. – Саратов: «Надежда», 1993. См. также: Гаврилов Д. Правда и вымысел велесовой книги. <http://www.kurgan.kiev.ua/gavrill.html> Что думают ученые о «Велесовой книге» / Сост. А.А. Алексеев. - СПб.: Наука, 2004. – 238 с.
- [Тэйлор: 1939] Тэйлор Э. Первобытная культура. – М., 1939.
- [Фасмер: 1986] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. / Под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986 – 1987.
- [Шанский, Боброва: 1994] Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: «Прозерпина» ТОО «Школа», 1994.

С.Я. Гехтляр,
А.П.Василенко
(Брянск)

МОДИФИКАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ СОБСТВЕННО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОРПУСА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Б.ПАСТЕРНАКА

Среди проблем современной фразеологии, касающихся использования фразеологических единиц (ФЕ) в речи, важное место занимает вопрос о закономерностях возникновения модификаций именно в речи поэтической, наиболее предрасположенной к различного рода коммуникативным метаморфозам.

В анализированных нами произведениях Б.Пастернака особый интерес представляют различные модификационные процессы среди единиц *собственно фразеологического корпуса*, отличительным признаком которых является свойственная им *генетическая воспроизводимость*.

В числе таких единиц прежде всего – целостные, семантически неразложимые сочетания слов, значение которых условно и произвольно, так называемая *лексическая идиоматика* (далее – ЛИ), и раздельнооформленные устойчивые единицы с узкой сочетаемостью, *аналитические лексические коллокации* (АЛК). Например:

Все в крестиках двери, как в Варфоломееву

Ночь. Распоряженья пурги – заговорицы:

Заваливай окна и рамы заклеивай,

Там детство рождественской елью топорищится. [I, 77, 1]

Исходная форма подчеркнутого ЛИ-М (М – здесь и далее: модифицированная единица) *варфоломеевская ночь* [ФСРЯ: 287] в силу привычного следования компонентов ФЕ акцентирует внимание на ‘характере находящегося в постпозиции предмета’, поэтому первоначальными выступают качественные (*варфоломеевская*) показатели объекта (*ночь*) (ср., например, синтагматику имени прилагательного *теплый* в словосочетаниях *теплый дождь* при доминанте ‘синоптическое явление’ и *дождь теплый* – ‘термический индикатор’). Кроме того, в структуре данной ЛИ-М, как представляется, происходит усиление квалификативных показателей, где форма *варфоломеева* обозначает ‘лицо (родительный падеж имени собственного) и его непосредственное отношение к объекту’, в то время как компонент *варфоломеевская* – ‘признаки лица (именительный падеж имени нарицательного) и его косвенное отношение к объекту’.

Среди выявленных в текстах ФЕ *разряда ЛИ* можно обнаружить несколько разновидностей, которые различаются отклонениями от исходной формы.

Собственно фразеологическая модификация ЛИ представляет случаи *количественного* изменения состава компонентов, замену одного компонента на другой, а также смешанные преобразования.

Наиболее типичными являются именно случаи *комбинированного характера*:

Разочаровалась? Ты думала – в мире нам

*Расстаться за **реквиемом лебединым**?*

В расчете на горе, зрачками расширенными

В слезах, примеряла их непобедимость? [I, 197, 1]

Реквием лебединый – результат совмещения компонентной (замена элемента *песня* на элемент *реквием*) и синтаксической (замена порядка следования ‘признак предмета’ на ‘предмет и его признак’) модификации ФЕ *лебединая песня* ‘последнее проявление таланта, способностей’ [ФСРЯ: 318].

В компонентах *песня* и *реквием* [ТСРЯ: 514, 675] необходимо отметить их общую сему ‘вокально-инструментальное музыкальное произведение’. Но за счет присущей *реквиему* коннотации ‘траур’ подчеркивается мрачная характеристика факта; лексическая инверсия (препозиция смыслового элемента) акцентирует ‘общее негативное настроение’, а творительный объекта – пространственно-временной ориентир для завершения начатого по тексту ‘неужели расстаться (после ...)’.

Иначе происходит в случаях *компонентной модификации*:

Пока, как запах мокрых центифолий,

Не вырвется, не выразится вслух,

Не сможет не сказаться поневоле

*Созревших лет **перебродивший дух**.* [I, 420, 9]

Выделенная ЛИ-М по своей семантической организации близка к ФЕ *бунтарский дух* ‘состояние поиска нового’ [ТСРЯ: 63], однако сема бунтарства в процессе модификации осложняется компонентами значения «*отнесенность к прошлому*», «*успокоенность*». В модифицированной форме обращает на себя внимание не просто отход от темпорального плана исходной формы (прилагательное *бунтарский* – неактуальное, постоянное время, причастие *перебродивший* – прошедшее).

Особенно важна здесь приставка *пере-*, которая обозначает ‘прекращение длившегося действия’ [ТСРЯ: 499], в то время как в *бунтарском* явные признаки темпорального показателя отсутствуют, но зато есть указание на ‘признак по действию незавершенного характера’. С другой стороны, именные компоненты *дух* в обоих случаях находятся в одинаковом положении: *дух (душа)* – категория эмоциональная.

Можно предположить, что мена компонентов переносит некогда ‘актуальное эмоциональное проявление’ в плоскость ‘былой чувствительности’ (ЛИ-М), – отсюда противопоставление ‘завершенность/незавершенность состояния’.

Встречаются в анализированных текстах и случаи *численного варьирования* состава ФЕ:

И оба – вон, очаковец за Шмидтом,

*Невпопад, **не в ногу** из дневного понемногу в ночь.*

Наугад куда-то, вперехват заката,

По размытым рывинам садовых гряд. [I, 320, 4]

Выделенная ЛИ-М имеет строго антонимическое отношение к ЛИ *в ногу* ‘в такт, одновременно с другими’ [ТСРЯ: 283], благодаря вставке частицы *не* возникает не просто отрицание, а резкое противопоставление, своеобразный ‘эталон синхронного перемещения в пространстве’ (*нога*) перестает быть действенным в структуре деривата.

Другой пример количественной модификации:

Ни зги не видать, а ведь этот посад
Может быть в городе, в Замоскворечьи,
В Замостьи, и прочая (в полночь забредший
Гость от меня отшатнулся назад). [I, 76, 3]

ЛИ-М *ни зги не видать* представляет собой четырехкомпонентную структуру, образованную от ЛИ *ни зги* [ФСРЯ: 173]. Опираясь на одно из существующих толкований, можно предположить, что *ни зги* в ситуации плохой видимости (где *зга* – кроха, капля, искра, малость чего-либо [ТСЖВЯ: I, 675]) изначально могло транслировать ‘отсутствие одного из наблюдаемых ориентиров даже в предельно малом количественном проявлении’. В случае *ни зги не видать* акцент смещается на ‘зрительный анализатор субъекта (лицо) и неспособность определить положение объекта (зга) в пространстве’. Производная единица *ни зги не видать* смешивает два понятия: усилительная частица *ни* и отрицательная *не* увеличивают плохие показатели перцепции. В результате можно определить повышение ‘степени проявления признака’: даже крохи, которая могла бы быть, и той не видно.

Несобственно-фразеологическая модификация ЛИ представлена, в первую очередь, разными морфологическими изменениями в компонентном составе ФЕ:

Давно ковры трясут и лампы тушат,
Не за горой заря, но и скорей
Их четвертует трескотня вертушек,
Кроит на части звон и лязг дверей. [I, 341, 9]

В производящей ЛИ-С *не за горами* [ТСРЯ: 116] главный компонент имеет форму множественного числа, в производной – единственного. Интересно, что изначально образное отрицание множественности становится фактором ‘скорого, незатяжного наступления чего-либо’ или ‘нахождение на не очень отдаленном расстоянии’. А вот авторское «уменьшение» количества гор до одной в ЛИ-М *не за горой*, вероятно, подчеркивает возможность ‘скорейшего, незамедлительного наступления чего-либо’: *мало* (одна гора) – значит *очень скоро*.

Другой пример:
Все смолкло, сразу впав в немилость,
Все стало гулом: сосны, мгла...
Все громкой тишиной дымилось,
Как звон во все колокола. [I, 378, 36]

Производящей основой данной ЛИ-М является ЛИ *звонить во все колокола* [ФСРЯ: 112], где стержневой компонент глагол *звонить* – ‘производить звуковое действие’. В когнитивной записи данный сегмент принимает вид: ‘X (некто) каузирует Y-ка (колокол), чтобы получить Z (звон)’. Если рассматривать производную единицу, то она лишена глагольного форманта *-ить*: *звон во все колокола*. Значит, в когнитивной цепочке выпадает агент (X) и его акция, направленная на Y-ка. Причем сам Y как элемент, создающий Z, остается и, более того, переводит ЛИ из разряда «действие» в разряд субстантивированного «процесс» (ср., например, *спать* – сон, *гулять* – прогулка, *летать* – полет).

Есть случаи, где происходит изменение чисто графического характера:

О воздух после трюма
И высадки триумф!
Но в этот час угрюмый
Ничто нейдет на ум. [I, 330, 5]

Слитное написание отрицательной частицы *не* с глагольным компонентом в ЛИ-М нерасторжимо с обязательным фонетическим изменением: появление [j]: *не идет – неидет*. Можно видеть в этом долю акцентологического приема, направленного на сохранение стихотворного размера, и считать его второстепенным, тем более, что авторский вариант в отличие от ЛИ *не идет на ум* [ФСРЯ: 180] тяготеет к разговорно-бытовому стилю, где гласный верхнего подъема [и] переходит в среднеязычный [j], – что и фиксируется на письме. Тем не менее, возможно считать это особым видом модификации, так как изменение несет стилистическую нагрузку, позволяет идентифицировать данный фрагмент текста как несобственно прямую речь, носящую оттенки просторечия, даже фамильярности.

В этой же связи в исследуемом материале можно рассматривать фразеологизмы с морфемными изменениями:

Булки фонарей и пышки крыши, и черным

По белу в снегу – косяк особняка:

Это – барский дом, и я в нем гувернером.

Я один – я спать уснул ученика. [I, 60, 2]

Как представляется, в особенностях организации ЛИ-М (стандартная ФЕ *черным по белому* [ФСРЯ: 519]) тоже прослеживается элемент просторечия, что, несомненно, привлекает внимание в пределах данного отрывка. Это может усиливать эффект внезапного появления индивидуальных характеристик одного объекта на фоне другого (-их), и, скорее всего, именно архаичная звуковая оболочка выступает главным критерием оценки такой ситуации (см. по тексту: *фонари, снег, крыши*; и тут «черным по белому» *косяк*) и подходящим приемом для реализации особой яркости, броскости, внезапности, неожиданности.

Акцентологическое своеобразие отчетливо просматривается в ЛИ-М с особенностями синтаксической организации компонентов. Например:

Как ткнуться? Что сказать? Перебрала оттенки.

«Я – confidentка Шмидта? – Я – его дневник?»

Я – крик его души из номеров Ткачки,

Вот для него цветы и связка старых книг?» [I, 329, 2]

Дистантное расположение компонентов, спровоцированное появлением притяжательного местоимения, частично изменяет содержание мотивирующей основы *крик души* «невольное и сильное выражение сокровенных чувств, мыслей» [ТСРЯ: 306]. В этой связи отметим, что эмоция сама по себе может возникать и существовать только в сознании (идеальное представление), а ее реализация (*крик души*, или материальное выражение) происходит в результате действия субъекта, который использует некий «инструмент». Так *Идеальное* посредством инструмента переходит в *Материальное*, и наоборот.

В исследуемом четверостишии (по тексту: *я* (материальное) *есть крик* (инструмент) *его* (адресат) *души* (идеальное)) видно, что «реальное воплощение прилагается к идеальному представлению», причем немаловажная роль отводится компоненту *его*. Он указывает на «принадлежность лицу», тем самым индивидуализируя *крик* (= это воплощение *его* боли и страдания), что, как представляется, усиливает эффект подачи исходного значения.

Рассмотрим другой разряд собственно фразеологического корпуса, отличительной особенностью которого является наличие в структуре ФЕ компонентов с прямым значением.

Так же, как в отношении оборотов разряда ЛИ, Б. Пастернак часто прибегает к модификации АЛК:

*Вы брались **рукой умелой** –
Не для лести и хвалы,
А с холодным знанием дела –
За ружейные стволы.* [П, 43, 5]

Как представляется, АЛК-М *рукой умелой* восходит к ЛИ *рука набита* ‘обладать достаточным умением в каком-либо деле’ [ФСРЯ: 395]. Замена страдательной формы глагола *набита* на качественное прилагательное *умелой* позволяет, на наш взгляд, подчеркнуть семантический компонент «характер становления навыков». Если ассоциативно-образный комплекс *рука набита* предполагает насильственное ‘приобретение навыков’ в жестких условиях: *рука набита* – т.е. такая, которая подвергалась какому-то давлению, может быть, даже физическому воздействию (*набили*, побили, избили). Следовательно, само лицо, получившее такую *руку* (опыт работы), обязательно проходило этапы непростой «закалки».

Иначе дело обстоит с образом *умелая рука*, которая уже минует сам этап становления, представляет изначально готовый вид (может, врожденный?), но, по крайней мере, без видимых признаков тренажа (ср.: *я умею читать* – ‘лицо называет вид доступной для него деятельности и не уточняет способ его приобретения’). Таким образом, качественные показатели АЛК-М имеют признаки «приложенности», у исходного ЛИ – «приобретенности».

Среди модифицированных АЛК выделяются результаты количественных и комбинированных изменений, или такие, в которых произошли *собственно фразеологические преобразования*.

В следующем четверостишии произведена замена компонентов:

*Ты в них врезался тем заметней,
Что их **одним прыжком** достиг.
Твой выстрел был подобен Этне
В предгорье трусов и трусик.* [П, 391, 5]

Значение ‘одномоментности, одноактности’ равно содержится в исследуемом деривате и его мотивате *одним махом* ‘сразу, очень быстро’ [ФСРЯ: 239]. Отметим, что образные основы у двух структур разные, значит, будет различаться их коннотативная составляющая: *мах* = ‘движение’ + ‘инструмент’ + ‘однофазисность’; *прыжок* = ‘движение’ + ‘инструмент’ + ‘скорость’ + ‘точка опоры’ [ТСРЯ: 346, 629]. ‘Движение’ и ‘инструмент’ совпадают по той причине, что в обоих случаях указывается как на перемещение объекта в пространстве (ср.: *мах* – по определенной траектории, *прыжок* – к заданной точке на плоскости), так и на способ перемещения (ср.: *мах* – движение *крылом, рукой, хвостом*; *прыжок* – движение *телом, ногой, лапами*). Семы ‘однофазисность’ и ‘скорость’, присущие разным компонентам, могут классифицироваться как имплицитные и наличествующие у обоих ФЕ, т.к. *прыжок* и *мах* – действия одноразовые, а при реализации этих действий прикладывается некая скорость. Единственная различительная коннотация – ‘точка опоры’. Она свойственна только структуре с компонентной модификацией и, значит, вся структура приобретает не только качественно-временные параметры, но и качественно-пространственные: ‘перемещение по твердой поверхности’.

Встречаются АЛК с собственно *количественной модификацией*:

*Он наблюдал их, трогаясь игрой
Двух крайностей, но **из того же теста**.
Во младшем крется будущий герой.
А старший был мятежник, то есть деспот.* [П, 357, 35]

По данным [ФСРЯ: 475], существует сочетание нормативной и факультативной форм, принимающих вид *из одного <и того же> теста*, который дает полное количественное представление о ФЕ. Употребленный в полном объеме, данный вариант, как представляется, содержит две взаимно-дополняющие семы. Во-первых, 'наличествующий материал' (*тесто*) имеет одинаковые массовую долю (состав) и определенное местоположение в пространстве (об этом: лексема *один* – 'количество' и 'отдельность' [ТСРЯ: 445]). Во-вторых, компонент *и того же* повторно демонстрирует предыдущую, но уже качественную составляющую материала: указательное местоимение *тот*, усилительная частица *же*, соединительный союз *и*.

Итак, возникает когнитивное прочтение: 'есть некая субстанция X, которая повторяет пространственно-количественные параметры Y-ка (одно тесто) и является собственно качественно-обстоятельственным Y-ком (то же тесто)'. Другое, АЛК-М: 'есть некая субстанция X, которая повторяет Y-ка по внешней форме (на вид – *одно тесто*) и внутреннему содержанию (на вкус – *то же тесто*)'.

В первом случае происходит дублирование семного набора и получается значение, возведенное в квадрат ('одно тесто и такое же тесто есть другое тесто и точно такое же тесто'). Отметим, что такая зависимость не сохраняется в производной единице *из того же теста*. Здесь утрачивается признак первой части мотивирующей основы АЛК, поэтому идет идентичное указание либо на пространственно-количественные, либо на качественно-обстоятельственные характеристики.

А вот как может выглядеть *комплексная модификация*:

Воспоминание о полувек

Пронесшейся грозой уходит вспять.

Столетье вышло из его опеки.

*Пора **дорогу** будущему **дать**.* [II, 125, 4]

Силлабо-тонический рисунок четверостишия позволяет, на наш взгляд, определить роль элемента *будущему*, который провоцирует дистантное расположение компонентов АЛК-М – деривата *уступить дорогу* 'предоставлять возможность' [ФСРЯ: 499]. В указанных строках смысловое ударение поочередно располагается то на 2, то на 3 единице, сочетание двусложных ямбического (1, 3 строка) и хореического (2, 4 строка) стоп. В результате образуется акцентуально-смысловой ряд, где участвуют темпорально-событийные персонажи: *Полувек уходит – вышло Будущее*. Неизвестные, грядущие события интересны в большей степени, чем уже свершившиеся, поэтому положение элемента *будущему* а, значит, и синтаксическая оформленность всего фразеологизма, во многом объясняются интонационно-прагматической необходимостью, наконец, жизненной необходимостью в переменах. С другой стороны, мотивирующая основа *дать дорогу* – 'первоочередной характер действия субъекта по отношению к объекту' (ср.: *пить воду, пилить дрова, лущить семечки*): 'X каузирует Y-ка'. Производная единица, наоборот, представляет 'идентификацию объекта, по отношению к которому производится действие' (ср. *воду пить, дрова пилить, семечки лущить*): 'вот Y, которого каузирует X'. Такие конверсные отношения у модификата актуализируют, в первую очередь, не само действие, а поле деятельности для процесса.

Более сложный случай *комплексного преобразования* АЛК:

Не плачь, не морщи опухших губ,

Не собирай их в складки.

Разбередишь** присохший **струн

Весенней лихорадки. [III, 516, 11]

Разбередишь <...> струп – результат одновременно компонентной, морфемной и синтаксической модификации ФЕ *бередить рану* ‘волновать, тревожить, беспокоить’ [ФСРЯ: 35]. Замена компонента *рана* ‘открытое повреждение’ [ТСРЯ: 656] на *струп* ‘защитное белковое образование на поврежденной поверхности’ [ТСРЯ: 775] приводит к нескольким возможностям интерпретации единой когнитивной модели ‘X напоминает Y-ку про Z’. В исходной ЛИ происходит актуализация временной составляющей: если у мотивата *рана* – ‘абсолютное деструктивное состояние покрова в настоящий момент’ (= животрепещущее), то у модификата *струп* – ‘регенеративный этап в нарушенном покрове, наступаемый и продолжающийся с течением времени’ (= уже не *животрепещущее*, но еще не до конца забытое). Замена компонентов приводит к тому, что ‘X напоминает Y-ку не про животрепещущий Z, а про не до конца забытый Z’, т.е. снова воскрешает прошлую актуальность. Данный факт – усиление эффекта каузации.

В некоторой степени с компонентной пересекается синтаксическая модификация. Эпитет *присохший*, где просматривается сема ‘незаконченный процесс’, нарушает контактное расположение компонентов и дополнительно усиливает факт ‘уже забываемого негатива’.

Завершающим аккордом выступает морфемное изменение. Приставка *раз-* имеет значение ‘напряженность в проявлении действия’ [ТСРЯ: 640]. В совокупности когнитивная запись модификата выглядит так: ‘X интенсивно напоминает Y-ку про стираемый из памяти ярко отрицательный Z’. ‘Относительное время’ глагольного компонента (сослагательное наклонение) указывает на то, что данное явление наступит при определенных обстоятельствах (по тексту: *не плачь, не моришь, не собирай, а то разбередишь*: НЕ V₁ + V₂ + V₃, а то V₄).

Из *несобственно-фразеологических модификаций* обращают на себя внимание морфемные изменения в структуре компонентов ФЕ:

Дар подруг и товарок

Он пустил в оборот

И вернул им в подарок

Целый мир в свой черед. [II, 116, 39]

В приведенном четверостишии используются 2 фразеологизма: *пустил в оборот* и *в свой черед*. В первом случае ФЕ несет парадигматическое изменение (категория времени, лица и числа глагольного компонента) и может рассматриваться как парадигматический вариант ядерной конструкции, не является модифицированной структурой. *В свой черед*, как представляется, образована от *в свою очередь* ‘тоже, также’ [ФСРЯ: 307]. Именной компонент ФЕ *очередь* имеет коннотацию ‘принятый порядок, установленная норма в поведении’, компонент *черед* вместо *очередь*, согласно [ТСЖВЯ: IV, 591], может употребляется со значением ‘вовремя’: *Не попалъ въ свой чередъ*. Эта же семантика свойственна компоненту *очередь* [ТСЖВЯ: II, 565], однако полагаем, что морфемное преобразование усиливает темпоральный оттенок, что может создавать новое значение у ФЕ-М – ‘вовремя + согласно установленным правилам’.

Другой пример морфемного преобразования:

Это не ночь, не дождь и не хором

Рвущееся: «Керенский, ура!»,

Это слепящий выход на форум

Из катакомб, безысходных вчера. [I, 130, 5]

Как представляется, для АЛК-М *выход на форум* наиболее подходящим мотиватом может быть *вступать на арену* ‘вступать на общественное поприще’ [С: 102],

при этом транзитной формой при переходе в АЛК-М становится морфологическая модификация АЛК-С в виде *выход на арену*. Сравнивая начальную и конечную ступени деривационного процесса, видим, что *выход* (компонент с категориальной семантикой 'предметность') – это вещественная реализация конкретной активности объекта (типа *выход артиста на арену* – 'вот он как артист: поет, танцует, играет'), а *выходить* (семантика 'процессуальность') – это совокупность определенных действий, связанных с общей активностью.

В том же *Артист стал выходить на арену после съемок в сериале* – 'вот он: как работает (*артист*), живет (*семьянин*), отдыхает (*дачник*) – уже отмечается не 'факт появления данного объекта как никому не знакомого лица', а 'способ продемонстрировать уже известный объект в разных ипостасях'. К тому же компонент *арена* 'область деятельности' [ТСРЯ: 28] или опосредованный контакт – гораздо шире по своей семантике, чем *форум* 'массовое собрание' [ТСРЯ: 856] – непосредственный контакт. В результате просматривается следующая оппозиция: 'очная самопрезентация в первом предъявлении' (дериват) и 'заочная самопрезентация в повторном предъявлении' (мотиват).

Отмечаются в текстах также случаи релевантных *фонетических изменений* на фоне комплексного преобразования, например:

Венец творенья не потряс

Участвующих и погряз

Во тьме утаек и прикрас. [I, 424, 11]

Компонент *творенья* в исследуемом АЛК-М является фонетическим вариантом лексемы *творение*. Чтобы выявить разницу, обратимся к общеизвестному факту, что существительные на *-ие* – это старославянская норма. Ее функционирование в современном языке считается архаичным для определенных слов (например, *счастье, уцелие, здоровье*), а их употребление в речи носит книжный характер, в то время как существительные на *-ье* (как правило) являются особенностью разговорного стиля (например, *приготовление* вместо литературного *приготовление, наслаждение* вместо *наслаждение*). Безусловно, сюда не относятся случаи типа *здоровье* (в современном языке не считается разговорной), а также факты смыслового различия (ср., например, *печенье* – 'процесс' и *печенье* – 'кондитерское изделие'). В таком случае *венец творенья* как 'награда за успешный исход' снижает свою изначальную возвышенность (переход от книжного стиля к разговорному) и окончательно теряет свое нравственное величие потому, что (по тексту) *не потряс*, поэтому и *погряз* в глазах *участвующих*, которые не поняли или не хотели понять природу прекрасного. Такую косность социума, как представляется, автору удалось акцентировать посредством анализируемой нами ситуации контекста, где предъявленное *творение* может только и быть, что *твореньем*.

Встретились и примеры АЛК с *графической модификацией*:

Толпа на соседнем участке

Заглядывала из ворот,

Толкались в ожиданье развязки

*И тыкались **взад и вперед**.* [III, 536, 5]

Выделенная ФЕ является одним из вариантов передачи 'перемещения в пространстве по строго определенной траектории', которое реализуется выражением *взад-вперед* 'из одной стороны в другую' [ФСРЯ: 63]. Дефисное написание компонентов, образующих каноническую структуру, создает представление о характере процесса (*двигаться*), о его неоднонаправленности: 'ограниченная зона действия с указанием ее пределов, обобщенно и циклично переходящих один в другой'. Изоб-

разим сказанное графически: *взад : вперед* (ср. в этой связи ФЕ *сказано-сделано, ищи-свищи, жить-поживать, день-деньской*).

Контекстуальное употребление *взад и вперед* уже актуализирует не ‘обобщенный’, а ‘поэтапный переход’ при смене одного режима направления на другой и может обозначать одностороннее движение, скажем, к пункту А лишь после того, как объект побывал в пункте В и т.д. (об этом компонент *и* в роли соединительного союза), что не обязательно в первом случае. Аналогию можно провести с существующей в языке ФЕ *от Понтия к Пилату* (круговая порука: сначала к одному сходим, потом к другому, а от него к первому и т.д.).

Синтаксическое варьирование АЛК:

Я люблю твой замысел упрямый

И играть согласен эту роль.

Но сейчас идет другая драма,

И на этот раз меня уволь. [П, 511, 3]

Если исходить из [ФСРЯ: 180], то АЛК-М *играть* <...> роль отображает дистантное расположение компонентов, имеющих в мотиве контактную позицию и в таком случае принимающих иное толкование. Здесь, как представляется, главным выступает семантический критерий ‘утверждение’ и характер его реализации в рассматриваемых случаях. В обоих вариантах передается архисема ‘изображать из себя кого-либо или что-либо’, но сказать *я согласен играть* значит ‘лицо демонстрирует свое положительное решение в пользу игры’, а сказать *я играть согласен* – ‘лицо демонстрирует свой положительный настрой на игру’. Поэтому само ‘утверждение’ в модифицированной структуре приобретает контекстуальный признак завершенности: ‘Х расположен к роли Y-ка и готов ее воплотить’, чего нет в стандартной структуре: ‘Х расположен к роли Y-ка’ (ср.: *Я согласен с вами работать* (с некоторой условностью в речи работника) и *Я работать с вами согласен* (полное принятие работником условий работодателя)). Конверсия выступает в подобных случаях в качестве одного из средств репрезентации типа актуального членения.

Модификации настолько характерны для идиостиля Б. Пастернака, что, как показывает подсчет, только для ЛИ соотношение стандартных и модифицированных 73 и 385, , 83 и 599 для единиц разряда АЛК соответственно.

Интересно, что для ФЕ несобственно-фразеологического корпуса такой порядок соотношений не сохраняется, объяснение этого феномена – предмет самостоятельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Пастернак Б.Л. Собрание сочинений. – В 5-ти томах / Б.Л.Пастернак. – М.: Худ. лит-ра, 1989 – 1992. – [Т. 1, 2, 3].

\С\ – Фразеологический словарь русского языка / сост. М.И.Степанова. – СПб.: Виктория плюс, 2003. – 608с.

\ТСРЯ\ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – РАН, 4-е издание, дополн. – М.: Азбуковник, 2002. – 944с.

\ТСЖВЯ\ – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х томах. – М.: Русский язык, Медиа, 2003.

\ФСРЯ\ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереот. – М.: Русский язык, 1986. – 544с.

*Н.А.Данилович
(Гродно, Беларусь)*

РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОГРАФИИ В БЕЛАРУСИ

Можно выделить два этапа развития белорусской фразеологии. Первый приходится на то время, когда фразеология как отдельный раздел языкознания еще не была сформирована. Приблизительные границы этого периода – первая половина XIX ст. – начало второй половины XX ст. Отличительной особенностью его является то, что фразеологизмы преимущественно диалектного языка собирались и публиковались достаточно активно, но еще невыразительно осознавались как отдельные языковые единицы. Их вместе с другими устойчивыми выражениями помещали в сборниках пословиц и поговорок.

В XIX ст. значительный вклад в это направление внесли известные фольклористы, этнографы, языковеды Я.Чечот, В.Дыбовский, И.Носович, Н.Никифоровский, Е.Романов, А.Сержпуговский, М.Федоровский, П.Шпилевский, П.Шейн и др. Фразеологические коллекции отдельных исследователей являются весьма солидными. Так, в «Сборнике белорусских пословиц» (СПб, 1874) И.Носовича из 3715 реестровых выражений на долю фразеологизмов приходится свыше 900 единиц. Приоритет в этом принадлежит М.Федоровскому. В его 4-й том «Людю белорусского» (Варшава, 1935) включено 13231 выражение. В этой многочисленной массе лингвистических и фольклорных единиц значительное место занимают фразеологизмы. По нашим подсчетам, только фразеологических единств и сращений здесь более 3300. Такого количества фразеологизмов диалектного происхождения в дальнейшем не удалось собрать никому на протяжении целого столетия.

В XX ст. фольклористическая традиция подавать пословицы и фразеологизмы вместе в виде алфавитных списков продолжалась. В послевоенный период опубликовано много сборников и подборок пословиц и поговорок. Заметное место среди них занимают «Белорусские народные пословицы и поговорки» (Минск, 1957) Ф.Янковского, «Белорусские пословицы, поговорки и загадки» (Минск, 1958) Е.Рапановича, «Пословицы, поговорки, фразеологизмы, изречения народных говоров Гродненской области» (Гродно, 1968) Т.Ф.Стешкович, «Слово мимо не летит» (Минск, 1985) В.Д.Литвинко и Л.А.Царанкова, сводные академические издания «Пословицы и поговорки: В 2 т.» (Минск, 1976), «Изречения» (Минск, 1979).

Второй этап развития белорусской фразеологии берет начало с 60-х годов XX ст.

Это время зарождения, становления и развития фразеологии как науки. Научное осмысление фразеологизмов вызвало необходимость их систематизации и словарного описания. Создаются фразеологические словари, основанные на опыте лексикографии.

Первый такой словарь – «Белорусская фразеология: Фразеологизмы, их значение, употребление» Ф.Янковского (Янкоўскі 1968). В словаре более 1000 безотсылочных словарных статей, в которых описываются фразеологизмы, собранные автором в различных регионах Беларуси, а также извлеченные из опубликованных ранее фольклорных текстов, сборников пословиц и поговорок. Большинство фразеологизмов принадлежит к общенародному словарному фонду. Характеризуются они со стороны семантики, вариантности, грамматической связи с контекстом, эмоционально-экспрессивной окраски, дается богатый иллюстративный материал, иногда – этимологическая справка.

Словарь Ф.Янковского стал первым образцом дальнейшего составления диалектных словарей подобного типа, среди которых «Словарь белорусской народной фразеологии» Е.С.Метельской и Е.М.Комаровского (Мяцельская 1972). Создан он на основе записей преимущественно из Столбцовского и Слуцкого районов Минской области, имеет 2012 статей вместе с 721 отсылкой.

Следующий словарь Г.Ф.Юрченко опубликован в разные годы в трех книгах: «И котится и валится» (Юрчанка 1972), «И сечет и палит» (Юрчанка 1974), «Слово за слово» (Юрчанка 1977). Это недифференциальный, относительно полный фразеологический словарь, составленный на материале говора Червоногорского сельсовета Мстиславского района Могилевской области. Включает в себя 4425 словарных статей. Однако он значительно уступает предыдущим словарям качеством и объективностью отображения материала. В нем явно просматривается «авторский элемент»: искусственное конструирование иллюстративных предложений, разработка отдельных фразеологизмов, употребление которых в говоре скорее возможное, нежели реальное. Эту работу правильнее было бы назвать не столько словарем одного говора, сколько словарем фразеологической компетенции автора в сфере белорусско-русской фразеологии, спроектированной на говор Червоногорского сельсовета.

Упомянутые фразеологические словари объединяет то, что в них включена не исключительно диалектная, а так называемая народная (и региональная, и общеупотребительная) фразеология, бытующая в диалектах.

Следующий шаг в развитии белорусской диалектной фразеографии – создание словарей региональной фразеологии. Он стал возможен потому, что на это время уже была основательно разработана теория общей и белорусской литературной фразеологии и это дало возможность, ориентируясь на кодифицированную норму, отличать и разграничивать диалектные и литературные факты.

В 1991 г. опубликована работа И.Я.Лепешева «Из народной фразеологии» (Лепешаў 1991). Это словарь нового типа – дифференциальный. В него включено (преимущественно из Гродненщины и Витебщины) около 700 фразеологизмов, неизвестных литературному языку, а также не отмеченных в ранее изданных диалектных словарях других авторов. Словарь построен с использованием последних достижений фразеологической науки. Широко представлена вариантность фразеологизмов, дается их грамматическая квалификация, указывается сочетаемость со словами контекста, стилистическая и семантическая характеристики. Элементом некоторых словарных статей выступает краткая этимологическая справка: около 80 фразеологизмов получили историко-этимологический комментарий.

Особенностью словарной статьи является сопоставление заглавного фразеологизма с его литературным эквивалентом или выражением, зафиксированным в других фразеографических работах или в произведениях писателей, что позволило, во-первых, оставить за пределами словаря те выражения, которые уже где-то опубликованы, во-вторых, показать формальные или семантические отличия фразеологизмов в сравнении с теми, которые уже зафиксированы в других источниках. Строгая и последовательная дифференциация фактического материала содействовала тому, что в словарь вошло много оригинальных фразеологических единиц, которые можно считать резервом белорусского литературного языка, источником его обогащения.

Примерно по таким же принципам составлен и “Словарь диалектной фразеологии Гродненщины” Н.А.Даниловича (Даніловіч 2000). В словарь включены фразеологизмы, собранные автором на протяжении 20 лет (1980 – 2000 гг.) во всех районах Гродненской области. Объектом описания стали фразеологические единства и сращения. Главный принцип отбора фразеологизмов – отсутствие их в литературном языке. С формально-семантической стороны они делятся на три разряда: а) собственно фразеологические диалектизмы; б) различные региональные варианты общенародных фразеологизмов; в) фразеолого-семантические диалектизмы.

Объем словаря – 2167 словарных статей. Система оформления словарной статьи примерно такая же, как и в словаре И.Я.Лепешева “Из народной фразеологии”. Определенное своеобразие имеет справочная часть. В ней даются краткие этимологические сведения о фразеологизме, толкуются закрепленные в нем заимствованные слова, показывается их графическое обозначение и семантика в языке-источнике, раскрывается смысл и способ образования диалектных, устаревших, этимологически темных, окказиональных слов, ставших компонентами фразеологизмов. Все это частично придает словарю характер этимологического справочника.

Второе направление белорусской фразеографии – создание словарей литературного языка. Первым из них стал “Фразеологический словарь для средней школы” Н.В.Гаврош, И.Я.Лепешева, Ф.М.Янковского (Гаўрош 1973). В словаре около 1500 фразеологизмов, встречающихся в художественных произведениях более 90 белорусских писателей. Это, как правило, общенародные, широкоупотребительные фразеологизмы. Все они расположены в алфавитном порядке по первому слову, толкуются синонимичными словами или описательными оборотами, иллюстрируются чаще двумя примерами-цитатами. Указывается также стилистическая характеристика, вариантность, сочетаемость фразеологизмов.

Дальнейшее развитие литературной фразеографии связано в первую очередь с именем известного ученого, последовательного представителя фразеологической школы В.П.Жукова, профессора И.Я.Лепешева. В 1993 г. издательство “Белорусская энциклопедия” опубликовало его двухтомную работу “Фразеологический словарь белорусского языка” (Лепешаў 1993) – первый справочник, в котором фразеология современного белорусского литературного языка дается полно и всесторонне. Он содержит около 6000 фразеологизмов (общий объем двух томов – 127 печатных листов). При существующем разном взгляде на сущность фразеологизмов автор придерживается так называемого “узкого” понимания фразеологии. В словарь включены только такие устойчивые обороты, которые имеют целостное значение и в предложении сочетаются со словами (единства и сращения).

Выход словаря И.Я.Лепешева в свое время стал заметным событием не только в общественно-культурной жизни Беларуси, но и значительным вкладом в славистику

вообще. В определении смысловой структуры фразеологизмов И.Я.Лепешев ушел значительно дальше своих предшественников. Многие фразеологические единицы получили более широкую семантическую характеристику, чем, скажем, в “Фразеологическом словаре русского языка”. Это видно, например, из толкований многозначных фразеологизмов. Белорусский словарь в определенной степени универсальный, он не только толковый, но еще и синонимический и антонимический. Читатель найдет в нем богатство и разнообразие фразеологических синонимов, антонимов, вариантов. Кроме того, словарь берет на себя функции акцентологического, орфографического, грамматического и стилистического справочника.

После выхода в свет словаря И.Я.Лепешев продолжает собирать и систематизировать литературную фразеологию. Его новые разыскания опубликованы в книгах “В словарную копилку” (Гродно, 1999), «В фразеологическую копилку» (Гродно, 2004), в которых дается описание около 600 фразеологизмов, по разным причинам не вошедших в двухтомный фразеологический словарь.

Плодотворной оказалась деятельность И.Я.Лепешева и в области этимологии фразеологизмов. Историко-этимологическая характеристика их нашла отражение в четырех книгах автора. Из них наиболее полным является «Этимологический словарь фразеологизмов» 2004 года (Лепешаў 2004), где объединены прежние и новые этимологии около 1750 фразеологизмов современного белорусского литературного языка. Примечательно то, что при квалификации исконно белорусских фразеологизмов, кроме обозначений «общеславянский», «восточнославянский», «собственно белорусский» нередко встречаются такие, как «общий для восточнославянских языков», «общий для белорусского и русского языков», «общий для белорусского, украинского и польского языков» и т.п. Автор считает использование их более правомерным, чем категоричное, неаргументированное приписывание первородства фразеологизма какому-то одному языку, отмечает, что «точную характеристику в генетическом плане эти выражения, возможно, получат только с широким изучением славянской фразеологии в историческом плане, когда будут составлены исторические словари фразеологизмов славянских языков» (Лепешаў 2004, с. 6).

Среди литературных необходимо отметить и фразеологические словари отдельных писателей. Первым среди них в белорусском языкознании стал “Фразеологический словарь произведений Я.Коласа” под редакцией А.С.Аксамитова (Фразеалагічны 1993). Он включает в себя свыше 6000 словарных статей. Здесь, кроме собственно фразеологизмов, нашли отражение различные устойчивые обороты и иные языковые и речевые конструкции: фразеологические сочетания и выражения, пословицы, крылатые выражения, сравнительные обороты, развернутые метафоры, авторские перифразы и др.

Расположение словарных статей осуществляется соответственно алфавитному порядку опорных компонентов фразеологизмов. Поскольку большинство фразеологических единиц имеют в своем составе имя существительное, то в основном они располагаются под этой частью речи.

Каждому фразеологизму дается семантическая, грамматическая, стилистическая и количественная (число употреблений в текстах) характеристика. Кроме того, указываются соответствующими обозначениями общенародные, диалектные, книжные, фольклорные фразеологизмы, а также индивидуально-авторские инновации.

Вторым словарем такого же типа является “Словарь фразеологизмов языка произведений Янки Купалы” О.А.Лещинской, З.В.Шведовой (Ляшчынская 2007). Авторы собрали все фразеологизмы (в широком понимании их объема) из последнего

девяти томного собрания произведений писателя и осуществили их необходимую словарную обработку.

Обращает на себя внимание квалифицированное семантическое описание фразеологизмов. При этом указываются их категориальное значение, морфологическая изменяемость, вариантность, авторские модификации, специфика лексической и грамматической сочетаемости. Последовательно проводится разграничение общенародных, диалектных, авторских вариантов общенародных фразеологизмов, индивидуально-авторских образований.

Значительную часть словаря составляют цитаты – иллюстрации употребления фразеологизмов. Избран рациональный путь цитирования. Если фразеологизм употреблен в произведениях Янки Купалы один или несколько раз, то приводятся все контексты употребления. При большой частотности фразеологизма предлагаются лишь отдельные, наиболее яркие иллюстративные примеры, а на остальные даются ссылки к соответствующему тому и номеру страницы, где их можно отыскать.

Издано в Беларуси и несколько двуязычных фразеологических словарей. Первым среди них следует назвать «Англо-белорусский словарь фразеологизмов сравнительного типа», авторами которого являются Л.Д.Корсак и Л.С.Мартинovich (Корсак 1984). В словаре 348 английских компаративных фразеологизмов переводятся на белорусский язык конструкциями сравнительного типа с союзом *як*. Авторы отошли от общепринятой практики перевода иноязычного фразеологизма только одним наиболее адекватным выражением и в переводной части статьи приводят, как правило, несколько синонимических аналогов, зачастую не являющихся фразеологизмами, а выступающими обычными сравнительными оборотами. Это в некоторой степени снижает практическую ценность данной работы.

Подобные издержки встречаем и в «Малом русско-белорусском словаре пословиц, поговорок и фразем» З.Санько (Санько 1991), где переводу подвергся 871 фразеологизм. К тому же здесь в группе белорусских соответствий русскому фразеологизму подобраны единицы, во многих случаях не связанные синонимическими отношениями, а только общей темой. Естественно, в таких случаях точность перевода не достигается.

Более совершенен по сравнению с двумя предыдущими справочниками «Русско-белорусский фразеологический словарь: Для средней школы» И.А.Киселева (Киселев 1991), в котором разработано около 800 фразеологизмов. Это одновременно и переводной, и толковый словарь, снабженный иллюстративными цитатами из обоих языков. В нем к некоторым фразеологизмам подобраны синонимы, иногда дается краткая этимологическая справка.

В качестве недостатка словаря можно отметить то, что его составитель к некоторым русским фразеологизмам, неупотребительным в белорусском языке, не счел нужным подыскать адекватные соответствия, а сделал пословный перевод-калькирование: битый час – *бітая гадзіна*, губа не дура – *губа не дурная*, держать сердце – *трымаць сэрца*, нет-нет да и – *няма, няма ды і*, с пьяных глаз – *з п'яных вачэй*. Такие искусственные образования, не подтвержденные языковой практикой, составителю пришлось иллюстрировать самим придуманными предложениями, что не совсем корректно с научной точки зрения.

Среди переводных словарей заметное место занимает «Белорусско-польский фразеологический словарь» А.Аксамитова и М.Чурак (Аксамітаў 2000). Во вступлении составители отмечают, что они исходили из наиболее широкого понимания объекта фразеологии как сочетаний лексем независимо от степени их устойчивости

или идиоматичности. В соответствии с этим в словаре нашли отражение около 6500 единиц, многие из которых, с нашей точки зрения, следовало бы рассматривать за пределами фразеологии.

Материал в словаре расположен по опорным словам алфавитно-гнездовым способом. Опорным чаще выступают существительное и глагол. Если они в структуре фразеологизма отсутствуют, то в качестве опорного слова может быть прилагательное, местоимение, числительное, наречие и т. д. Фразеологизмы даются без толкования их значения и без иллюстративных примеров употребления. В переводной части словарных статей к белорусским единицам подобраны различные польские соответствия: абсолютные, эквивалентные, тождественные, адекватные изофраземы, описательные и уточняющие конструкции. В конце словаря расположен индекс заглавных слов польских соответствий с отсылкой к той странице, на которой они находятся.

В числе переводных словарей необходимо еще остановиться на работе Е.Л.Бояриной, В.Н.Сивчикова «2000 русских и 2000 белорусских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний» (Боярина 2006). Составленный малоизвестными авторами без научного рецензирования и редактирования, данный справочник может служить иллюстрацией того, как не следует строить работы подобного типа. В нем почти каждая словарная статья оформлена с нарушением принципов сопоставительной фразеологии. Из наиболее типичных недостатков можно отметить следующие: 1. Словарь представляет собой конгломерат разноуровневых, разнокачественных единиц. Здесь, кроме собственно фразеологизмов, даются и отдельные слова, и обычные словосочетания, и пословицы, и иные изречения. 2. К русскому фразеологизму нередко приводится нефразеологическое соответствие (слово, словосочетание), и наоборот: без малого – *блізу*, вдруг – *ні з пушчы ні з поля*. 3. Нередко перевод осуществляется не литературным, а диалектным фразеологизмом или индивидуальным-авторским образованием: велика важность! – *наўда вялікая!*, балясы точить – *рот халадзіць (паласкаць)*. 4. Вместо эквивалента, тождественного русскому и имеющему традиционно широкое употребление в белорусском национальном языке, подбирается совершенно иной фразеологизм, непохожий образной основой: без ножа резать – *без агню пячы*, вилять хвостом – *лёстачкамі слаць*. 5. Во многих случаях в одну словарную статью объединяются русский и белорусский фразеологизмы, не соответствующие друг другу семантически: бес попутал – *чорт панёс*, бок о бок – *вугал з вуглом*.

Данной книге можно было бы и не уделять какого-либо внимания, принимая ее за упражнения без правил в фразеологии, если бы не одно обстоятельство. Издана она относительно немалым тиражом. На последней странице напечатана рекламная информация, указывающая адреса учреждений-распространителей в Минске, Москве, Новосибирске, адрес Интернет-магазина. Это говорит о том, что книга получит широкое пользование как в Беларуси, так и в России и, к сожалению, принесет немало вреда в практике русско-белорусского и белорусско-русского языкового перевода.

Проведенный в статье обзор работ носит не столько аналитический, сколько информационный характер. В условиях ограниченных научных связей между бывшими республиками упраздненного СССР такого рода информация о развитии и состоянии белорусской фразеологии, надеюсь, может заинтересовать фразеологов, работающих за пределами Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксамітаў А., Чурак М.* Беларуская-польскі фразеалагічны слоўнік. Warszawa, 2000.
- Боярина Е.Л., Сивчиков В.Н.* 2000 русских и 2000 белорусских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний: Словарь с пояснениями и примерами использования. Минск, 2006.
- Гаўрош Н.В., Лепешаў І.Я., Янкоўскі Ф.М.* Фразеалагічны слоўнік. Мінск, 1973.
- Даніловіч М.А.* Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны. Гродна, 2000.
- Киселев И.А.* Русско-белорусский фразеологический словарь: Для сред. шк. Минск, 1991.
- Корсак Л.Д., Марціновіч Л.С.* Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу. Мінск, 1984.
- Лепешаў І.Я.* 3 народнай фразеалогіі: Дыферэнц. слоўнік. Мінск, 1991.
- Лепешаў І.Я.* Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: У 2 т. Мінск, 1993.
- Лепешаў І.Я.* Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. Мінск, 2004.
- Ляшчынская В.А., Шведава З.У.* Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы. Гомель, 2007.
- Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск, 1972.
- Санько З.* Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем. Мінск, 1991.
- Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа: звыш 6000 слоўн. арт. / Пад рэд. А.С.Аксамітава. Мінск, 1993.
- Юрчанка Г.Ф.* І копіцца і валіцца: Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны. Мінск, 1972.
- Юрчанка Г.Ф.* І сячэ і паліць: Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны. Мінск, 1974.
- Юрчанка Г.Ф.* Слова за слова: Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны. Мінск, 1977.
- Янкоўскі Ф.* Беларуская фразеалогія: Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне. Мінск, 1968.

*В.Г. Дидковская
(Великий Новгород)*

ИМЯ *НОВГОРОД* В ОНОМАСТИКОНЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ)

Понятие и термин «концепт» является одним из самых широко употребительных в лингвистике последнего десятилетия, что вполне объяснимо интересом ученых к изучению проблем, связанных с получением, обработкой, хранением, извлечением знаний и оперированием знаниями [Кубрякова 1998, с. 18]. В самом общем виде концепт определяется лингвистами как базовая универсальная семантическая категория, отраженная в сознании человека и выраженная единицами языка. Это понятие используется не только в лингвистике, но и в работах общепсихологического характера, например, в статье Д.С. Лихачева «Концептосфера русского языка» концепт понимается как «алгебраическое» выражение значения ..., которым мы оперируем в своей устной и письменной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.) [Лихачев 1997, с.281]. Он не тождественен понятию, но «шире» его и включает в себя эмоциональную ауру слова. В этом смысле объем концепта связан с личностью носителя языка и зависит от его культурного опыта.

Несколько иная трактовка концепта представлена в линвокультурологии. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997, с. 40]. Такого рода концепты – культурные концепты – накапливаются и хранятся языком и передаются языковыми знаками – словами (и словосочетаниями). В этой своей роли язык содержит информацию не только о национальном самосознании, не только является выразителем «национального духа», как писал В. фон Гумбольдт, но и представляет особенности индивидуального взгляда на мир, выражает индивидуальные знания.

Связь концепта с разного рода информацией, со сферой знаний обуславливает его логико-гносеологическую интерпретацию. Концепт в этом случае рассматривается как «то, что индивид думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» [Павиленис 1983, с. 102]. Он является частью концептуальной системы – непрерывно

конструируемой системы информации (мнений, знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире. Однако как бы ни трактовалось это понятие, какие бы грани концепта ни выделялись исследователями, его общепризнанными показателями оказываются связь с сознанием, т.е. сферой знаний, и выраженность языковыми средствами. Концепт вербализован, поэтому, чтобы получить представление о его содержании в сознании носителя языка, необходимо анализировать языковые средства выражения концепта – от отдельного слова до текста. Следует отметить еще одно общее свойство концепта – его связь с «человеческим фактором», обращенность к феномену человека, языковой личности.

Термин «языковая личность», введенный Ю.Н. Карауловым, определяется в его работах как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [Караулов 2004, с. 29], это личность, сознающая себя и выражающая себя в языке. Многокомпонентность содержания концепта, сложная форма его существования и внутренней организации соотносится с многоуровневой структурой языковой личности и вскрывается при анализе слов-вербализаторов концепта. Их интерпретация в качестве единиц лексикона языковой личности позволяет наблюдать в них «причудливое переплетение собственно языковых ... элементов одновременно и со знаниями о мире, и с единицами высшего уровня – прагматикона языковой личности» (там же, с.239). Таким образом, рассматривая слово как одну из минимальных составляющих лексикона, в его связях и отношениях с другими такими же составляющими, мы получаем сведения не только о языковых знаниях, но и об интеллектуальных интересах и предпочтениях, и о ценностной ориентации в реальном мире.

Имя *Новгород* вербализует один из наиболее значимых культурных концептов русской концептосферы, той ее части, которая представлена прецедентными именами русской культуры. Прецедентность понимается нами как общеизвестность, т.е. известность каждому носителю данного языка, и включенность в фонд общеобязательных для национальной культуры знаний. Прецедентным именам, как и лексическому фонду языка в целом, принадлежит ведущая роль в хранении и передаче культурной информации. Совокупность прецедентных имен, выступающих знаками-вербализаторами культурных знаний в языковом сознании носителей русского языка, образует ономастикон русской культуры, названный Ю.Н. Карауловым «мстами памяти русского».

Прецедентные имена являются носителями национально-значимой культурной информации и в этой форме своего бытия отражают культурную ориентацию всего языкового сообщества. В то же время как единица лексикона отдельного носителя языка они связаны с индивидуальными представлениями о «культурном предмете» и отражают личностно ориентированные знания. Кроме того, прецедентное имя очень часто оказывается включенным в систему жизненных ориентиров человека и становится носителем новых смыслов в его индивидуальном дискурсе.

Прецедентное имя является своего рода «узлом на память» в системе культурных знаний, закрепленных в языковой памяти носителей языка. Как и любое слово, оно не существует изолированно (в сознании, в памяти, в речи), а напротив, связано множеством связей, семантических, грамматических, ассоциативных, с другими словами языка, которые в совокупности образуют ассоциативно-вербальную сеть (АВС). АВС – это способ держания языка в памяти его носителя (Ю.Н. Караулов), причем каждый «узелок» в этой сети, в том числе и прецедентные имена, образует собственное ассоциативное поле, которое позволяет получить представление о том, что

знает, помнит и как готов оперировать этими знаниями человек говорящий и понимающий.

АВС как модель вербальной памяти и языкового сознания отражена в Русском ассоциативном словаре [РАС], являющемся ассоциативным тезаурусом русского языка. В нем представлен активный словарный фонд последних десятилетий и зафиксированы доминантные для этого периода понятия и связи между ними, а также устойчивые связи между отдельными словами и группами слов (Предисловие, кн. 1), поэтому можно считать его отражением интериндивидуального лексикона «усредненной» русской языковой личности.

Уже анализ списка слов-стимулов позволяет говорить об особой значимости слова *Новгород* для говорящих по-русски: оно было выделено как наиболее частотная реакция на первом этапе ассоциативного эксперимента, вошло в число стимулов второго этапа, вновь было выделено по частоте воспроизведения и использовано на третьем этапе (*Великий Новгород*). Об этом же свидетельствует и объем ассоциативного поля имени *Новгород*: оно включает 109 слов-ассоциатов и только одну минус-реакцию, хотя и не отличается разнообразием направлений ассоциирования (47 разных реакций). Отметим, что полученное ассоциативное поле вполне сопоставимо с диапазоном ассоциирования таких прецедентных топонимов, как *Москва* (всего 105 слов, 2 отказа, разных реакций 45) и *Ленинград* (102 слова-реакции, 1 отказ, разных – 51).

Богатство ассоциативного поля, т.е. глубина и значимость самого прецедентного имени и стоящего за ним концепта, определяется числом разных реакций; для имени *Новгород*, как отмечалось ранее, это количество – 47 – не может служить основанием для оценочных сопоставлений с другими «культурными именами». Обращает на себя внимание скорее характер первой реакции, создающей эффект занятого места и в силу этого сокращающей число других реакций: она представлена словом *город* с частотой появления 30 (ср. *Ленинград* – 19, *Москва* – 12), т.е. составляет третью часть всех слов-ассоциатов. Такая родо-видовая ассоциация, отражающая «географическое» направление ассоциирования, не является специфически культурной и «новгородской», но оказывается устойчивой: так, в составе реакций находим не прямые повторы *старинный город*, *город в России*, *древний город*. Отметим, что и само имя *Новгород* появилось как реакция не стимул *город*, где оно входит в число единичных реакций, уступив первые места словам *Москва*, *Челябинск*, *Саратов*, *Горький*. Даже такие реакции, как *старинный* и *древний*, не являются специфически «новгородскими», т.к. оказываются достаточно устойчивыми ассоциациями слова *город* «вообще» (*Город* – *древний* 4; *старый* 3). Вместе с тем такое направление ассоциирования характеризует уже не предмет, как отмечает Ю.Н. Караулов, а самого говорящего, который, выбирая слова, представляющие экстенционал соответствующего слова (*город*), раскрывает свои предпочтения, обусловленные национально-исторически, – выбор городов характерен для русского, с отдельными «экзотическими» вкраплениями: *Зеро*, *Альдопадо*, *Лондон*, *Иерусалим*, *Клиффорд*, *Нью-Йорк*.

Географическая линия ассоциирования продолжена в реакциях-топонимах: *Москва*, *Киев*, *Горький*, *Самара*, *Сталинград*. Одни из них относятся к реакциям, несущим информацию из области гуманитарных знаний, связанных с известными стереотипными оценками роли Новгорода в становлении русской государственности (*Новгород – Киев – Москва*), в других отражены актуальные знания о современных реалиях общественной жизни, в частности, ситуация, связанная с «неразличением» двух *Новгородов* – *Великого* и *Нижнего* (*Новгород – Горький*). Вероятно, этим

можно объяснить и другие «волжские» реакции на имя *Новгород*: *Самара*, *Сталинград*. В связи с этим интересна реакция, восстанавливающая имя «топонимического двойника» *Великого Новгорода* (*Новгород – Нижний*), которая может быть использована как своего рода аргумент в пользу переименования города. Все рассмотренные линии ассоциирования являются тематико-ситуативными, т.е. связанными с тезаурусом языковой личности, в котором имя *Новгород* оказывается элементом скорее наивно-исторической, чем национально-культурной картины мира.

Однако вторая по частотности реакция *Великий* возвращает имени его прецедентность и может рассматриваться как компонент «новгородского текста», закрепленный в лексиконе средней языковой личности: *Новгород Великий* – это обозначение имеет длительную историческую и литературную традицию употребления, его присутствие в языковой памяти современников свидетельствует о значимости связанной с ним культурной информации. Можно отметить, что в сознании носителей языка закреплено еще одно имя концепта *Новгород*, восстанавливающееся из суммы полученных реакций, – *Господин Великий Новгород*, причем устойчивость этой ассоциации значительна: «достраивающие» реакции были получены первоначально именно на стимул *господин – Новгород*, *Великий Новгород*.

Анализ других слов-реакций на стимул *Новгород* позволяет обнаружить в его ассоциативном поле доминирование тезаурусных отношений тематического типа (*Русь*, *вече*, *колокола*, *Кремль*, *крепость*, *церковь*). Это подтверждается и тем, что некоторые реакции, являющиеся собственно языковыми, грамматическими, можно в то же время рассматривать как выражающие одновременно тезаурусные или прагматические отношения (*Новгород – это история*, *старина*, *средневековый*). Как представляется, приведенные примеры убеждают в том, что в языковой памяти усредненной языковой личности с именем *Новгород* связана преимущественно информация культурно-исторического плана. Однако сопоставление линий ассоциирования в ассоциативных полях других прецедентных топонимов, свидетельствует об относительной бедности и «однолинейности» его культурного содержания для современных носителей русского языка. Обращает внимание в первую очередь «неразвернутость» его концептуального содержания, т.е. скудность признаков, связанных с представлением о «новгородском», тогда как, например, концепт и имя *Петербург* вписаны в обширное ассоциативно-семантическое поле: *город на болоте*, *столица*, *Эрмитаж*, *Зимний дворец*, *Дворцовая площадь*, *Петропавловская крепость*, к этому можно добавить ассоциаты, связанные с советским периодом в истории города на стимул *Ленинград*: *город-герой*, *герой*, *армия*, *блокада*, *город Ленина*, *город мечты*, *город-музей*, *колыбель революции* [Черняк 2004, с. 36-37].

Следует особо отметить почти полное отсутствие в ассоциативном поле слова *Новгород* прецедентных текстов в явной или скрытой форме. Прецедентные тексты, вернее, их образы, входят в прагматикон каждой языковой личности и представлены «свертками» литературных текстов, клише, цитатами, именами персонажей или авторов произведений литературы, являющихся неотъемлемой частью национальной культуры. Они используются носителями языка для оценки различных фактов, положений, ситуаций и одновременно свидетельствуют об освоенности этих фактов и ситуаций и включении их в когнитивную базу языковой личности. Для имени *Новгород* такого рода реакция представлена именем героя – *Александр Невский*; она может интерпретироваться как персонификация концепта, как имя-символ, выражающее оценочное отношение к его содержанию. Ее «культурными источниками» могут быть как художественные тексты, например, исторические романы об Александре Невском, так и, с большой долей вероятности, известный кинофильм. Эта же

линия ассоциирования представлена в реакции *отец*, которая может интерпретироваться как намек на цитату из «новгородского текста»: *Новгород – отец* (городов русских). Петербургский текст представлен в лексиконе усредненной языковой личности значительно большим числом компонентов (*Пушкин, Петра творенье, град Петров, окно в Европу, любимый город*).

В ассоциативном поле имени Новгород, как уже отмечалось, широко представлены собственно языковые реакции, отражающие вербальный уровень языковой личности, ее лексикон; это преимущественно реакции синтагматического типа, которые представляют собой «модели двух слов». Такие реакции очень важны для изучения степени освоенности концепта: они отражают смену точки зрения на предмет и представляют его в разных поворотах и ситуациях; чем больше таких реакций, тем актуальнее и значительнее для носителя языка стоящий за словом концепт. Чаще всего модель двух слов «стимул – реакция» содержит оценочное определение, позволяющее реконструировать эмоциональный образ концепта: *Новгород – великодушный, красив, красивый, милый, родной, сильный*. Интересны реакции-законченные высказывания, включающие Новгород в течение событий русской жизни или в сферу культурно-исторических стереотипов: *Новгород – стоит, строят, вырос, не сдался, пал, особая судьба*.

Как представляется, значимость концепта для носителей языка не исчерпывается научной, культурной, национально-исторической информацией, не менее важен личностный аспект ассоциирования, отраженный в тех реакциях, которые не поддаются истолкованию: *ярмарка* (может быть, это реакция на подразумеваемый стимул *Нижний Новгород*), *отдыхать, Андрюха, вырос*.

Т.о., совокупность реакций на слово-стимул Новгород позволяет судить о содержании концепта, вербализуемого этим именем, сформировавшемся в языковой памяти «молодых русских» (РАС составлен на основе эксперимента, в котором участвовали студенты российских вузов, поэтому характеризуется его авторами-составителями как «выход в массовое сознание русских» на 10-20 ближайших лет). В них представлены признаки, определяющие его культурный статус и отражающие культурные знания «усредненного» носителя языка: *Русь, старинный, вече, древний, колокола, Кремль, средневековый, церковь*, а также признаки, которые можно связать с «новгородским текстом» – культурно-речевым феноменом, связанным с определенными текстовыми доминантами и мифологемами: *Александр Невский, отец* (городов русских).

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность, изд. 4-е. М., 2004.
Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1998.
Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.
Павленко Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
РАС: Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова. Кн. 1-4. М., 1994-1998.
Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
Черняк В.Д. Концепт «Петербург» в юбилейном дискурсе / Слово. Словарь. Словесность: Материалы научной конференции, посвященной 80-летию профессора С.Г. Ильенко. СПб., 2004.

К.А. Жуков
(Великий Новгород)

ОТ ТЕОРИИ КОНЦЕПТА К ЗАРОЖДЕНИЮ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ?

Теория концепта рассматривается сегодня в работах таких лингвистов как Н.Д. Арутюнова, А.Л. Бабушкин, М.Г. Жукова, А. Вежицкая, С.Г. Воркачëв, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачëв, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Т.Н. Снитко, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, А.Д. Шмелëв и др.

Понятие «концепт» вошло в употребление в научную лингвистическую литературу в России с начала 90-х годов XX в. Спектр его толкований довольно широк. Так, Е.С. Кубрякова даёт следующее определение концепта: «Оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона концептуальной системы языка и мозга..., всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90]. Ю.С. Степанов определяет концепт как «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово, «сгусток культуры» в сознании человека» [Степанов 1997].

Т.Н. Снитко принадлежит следующее толкование концепта. Это «нечто идеальное, представляющее единство «язык-мысль» [Снитко 1996]. В совместной работе А.П. Бабушкин и М.Г. Жукова дают следующую трактовку концепта: это «любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин, Жукова 1999: 11].

Ряд исследователей сосредотачивает своё внимание на свойствах и признаках концепта. В.В. Колесов, например, в работе «Жизнь происходит от слова» перечисляет выделенные им свойства концепта. К ним он относит *художественную образность, встроенность в систему данной культуры, индивидуальную картину мира носителей данного этносообщества* [Колесов 1999: 16].

Концепт зарождается в сознании человека как образ, который постепенно абстрагируется и превращается из чувственного образа в мыслительный [Попова, Стернин 1999: 16]. Многие концепты сохраняют преимущественно чувственный характер.

Слово своим значением всегда представляет в языке лишь часть концепта. Сам концепт может быть представлен многочисленными синонимами, дефинициями, высказываниями, идиомами, текстами. В своей совокупности все эти составляющие раскрывают содержание того или иного концепта, но при этом не исчерпывают его.

Другими словами, вся совокупность речевых средств, репрезентирующих концепт в языке и текстах на данном этапе развития языка, не отражает целостной картины концепта.

Вместе с тем самый доступный путь к концепту можно найти через средства языка. Исследования семантики отдельных слов, фразеосочетаний, структурных и позиционных схем предложений в системе языка, а также текстов – вот важнейший источник наших знаний о содержании тех или иных концептов и их роли в сознании носителей языка. Но ни один концепт не выражается в речи полностью. Важно иметь в виду тот факт, что никакой самый тщательный лингвистический анализ, ни один скрупулёзнейший лингвист не могут выявить и зафиксировать, а впоследствии проанализировать полностью все языковые и речевые репрезентации концепта в языке, всегда что-то остаётся незафиксированным и, следовательно, не уточненным.

Концепт рождается как единица универсального предметного кода, которая является своеобразным ядром. Ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями концептуальных признаков, что увеличивает объём концепта и насыщает его содержание. Концепт всегда включает в себя ряд признаков (общенациональных, групповых, индивидуальных), не имея при этом жёстких очертаний и границ.

По всей видимости, концепт не имеет чёткой структуры, жёсткой последовательности слоёв, будучи индивидуальным у каждой личности, группового сообщества, отдельной нации.

Целесообразно полевое описание по отношению к концепту, т.е. представить его в виде ядра и периферии. Тогда ядро будет, как уже было отмечено выше, единицей универсального предметного кода, включающей слои с чувственно-наглядной конкретностью, первичные, наиболее яркие образы. Более абстрактные страты заполняют периферию концепта. Однако даже в периферийной зоне тот или иной концептуальный признак не утратит своего значения. Важно иметь в виду, что концепт в сознании отдельного человека может быть сугубо личностным, не совпадающим с концептом народа или той или иной социальной группы. Слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности, располагаясь в порядке возрастания абстрактности каждого последующего уровня.

По содержанию слои делятся на:

Представление – обобщённые чувственные образы предметов или явлений.

Схема – концепт, представленной некоторой обобщённой пространственно-географической или контурной схемой.

Понятие – концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления.

Фрейм – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объёмное представление. Он представляет собой некоторую совокупность стандартных знаний о предмете или явлении.

Сценарий – это стереотипные эпизоды с признаком движения развития.

Гештальт – комплексная, целостная функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании. Гештальты объединяют представления, фреймы, схемы, сценарии.

Таким образом, **концепт** есть комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается различными сторонами. При этом происходит актуализация либо понятийного уровня, либо фреймового, либо схематического, либо представления, либо комбинации этих концептуальных сущностей. Представления, схемы, фреймы, сценарии, понятия и гештальты тесно переплетаются.

ся как в мыслительной деятельности человека, так и в общественно-полезной практике.

В языке концепт репрезентируется:

- готовыми лексемами и фразеосочетаниями;
- свободными словосочетаниями;
- структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции;
- текстами и совокупностями текстов.

Одно из важнейших положений когнитивной лингвистики состоит в том, что именно концепт определяет семантику языковых средств, использованных для его выражения.

Лингвокультурология выделилась в самостоятельное направление из этнолингвистики совсем недавно. В её задачи входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета. Она создана, как предсказал Э. Бенвенист, на основе триады – язык, культура, человеческая личность [Бенвенист 1974: 45].

С.Г.Воркачёв в свою очередь прогнозирует появление на стыке лингвокультурологии и когнитивной лингвистики нового научного направления – лингвоконцептологии. Она будет направлена на исследование структуры и специфических свойств концептов как ментальных сущностей особого рода [Воркачёв 2002]. С.Г.Воркачёв полагает, что «оптимальным для полноты семантического описания лингвокультурного концепта будет выделение в его составе трёх составляющих: понятийной, отражающей его признаковую и дефиниционную структуру, образной, фиксирующей когнитивные метафоры, поддерживающей концепт в языковом сознании, и значимостной, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также его этимологические и ассоциативные характеристики» [Воркачёв 2001].

Однако для становления лингвоконцептологии как науки необходимо разработать категориальный аппарат и исследовательские методики, а это дело будущего.

Базовыми же терминами лингвокультурологии являются понятия концепта и **языковой личности**, хотя их гносеологическое становление, как считают некоторые исследователи, не закончилось.

Понятие «языковая личность» является своеобразным преломлением соответствующего междисциплинарного термина в области языкознания. В значении термина «личность» фокусируются психологические, социологические и философские взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека. Под «языковой личностью» понимается прежде всего «человек как носитель языка» [Богин 1984], взятый со стороны его способности к языковой деятельности». Попытку разработать понятие языковой личности предпринял Ю.Н.Караулов в своей книге [Караулов 1987]. В данной работе он показывает и доказывает, что понятие «языковая личность» является системообразующим для описания национального языка, а самопознание русского языка через призму этой категории должно, по мнению Ю.Н.Караулова, подняться на новый уровень. Он пишет: «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности». Эта идея красной нитью проходит через его книгу [Караулов 1987: 7]. Ю.Н.Караулов, вслед за В.В.Виноградовым, ввёл в парадигму рассмотрения лингвистики языковую личность, подчеркнув, что такая концептуальная позиция «позволяет интегрировать разрознен-

ные и относительно самостоятельные свойства языка» [Караулов 1987: 21]. Следует согласиться с Ю.Н.Карауловым, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов 1987: 27].

Пришло время воссоединить внутренний мир человека с объективной картиной мира. Движение научной мысли во всех отраслях науки навстречу гуманизации обусловлено запросами современного этапа развития. Именно со стороны общества идут гуманистические импульсы – морально-этические, эстетические и др.

Удивительно точно подмечает Ю.Н.Караулов тот факт, что языковая личность начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы, и первый уровень (после нулевого) её изучения – выявление, установление иерархии смыслов и ценностей в её картине мира, в её тезаурусе» [Караулов 1987: 36].

Заслуживающей особого внимания является мысль Ю.Н.Караулова о том, что деление картины мира на инвариантную и вариативную часть как у отдельного индивида, так и у отдельной личности коррелирует с двумя важнейшими для психологии личности понятиями – жизненной доминантой и ситуационной доминантой. Принимая во внимание то обстоятельство, что исторические дисциплины русистики сосредотачивались всегда на «изменяющемся, вариабельном, эволюционирующем», он высказывает ту точку зрения, что о самой изменчивости можно говорить лишь на фоне чего-то относительно постоянного. И далее Ю.Н.Караулов поясняет: «В данном случае этим постоянным будут структурные черты общерусского языкового типа, сохранённые на протяжении достаточно длительного исторического времени, присущие всем носителям русского языка, единые для всей территории его бытования... Эта инвариантная часть обеспечивает как возможность взаимопонимания носителей разных диалектов, так и возможность понимания русской языковой личностью текстов, отстоящих от времени её жизни и функционирования на значительную глубину» [Караулов 1987: 37-38]. Не менее важной для понимания национально-культурной картины мира представляется мысль Ю.Н.Караулова о том, что, хотя для языковой личности нельзя провести прямой параллели с национальным характером, глубинная аналогия между ними существует. «Она состоит в том, что носителем национального начала и в том и в другом случае выступает относительно устойчивая во времени, т. е. инвариантная в масштабе самой личности часть в её структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта» [Караулов 1987: 42].

Д.С.Лихачёв в работе «Заметки о русском» отмечает: «Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности значит делать мир народов очень скучным и серым» [Лихачёв 1987: 465]. Д.С.Лихачёв разводит понятия национальный характер и национальный идеал: «Мне кажется, следует различать национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает. Но национальный идеал тем не менее очень важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создаёт и гениев, приближающихся к этому идеалу» [Лихачёв 1987: 458].

Большинство филологов определяют языковую личность как многоуровневую и многокомпонентную совокупность языковых способностей (умений) осуществлять речевые поступки разной степени сложности, которые в свою очередь классифицируются по видам речевой деятельности и по уровням языка.

Категории концепта и языковой личности являются базовыми для таких молодых дисциплин языкознания как психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика,

когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Все эти направления возникли в результате поиска новой парадигмы изучения языка в противовес структурному подходу, основанному на имманентном его представлении. В последние два десятилетия понятие концепта переживает период активного изучения и переосмысления. На сегодняшний день между лингвистами существуют большие расхождения в понимании природы и структуры концепта. Как пишет В.А. Маслова, «отсутствие единого определения связано с тем, что концепт обладает сложной многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социо-психо-культурную часть, которая не столько мыслится носителем языка (языковой личностью – К.Ж.) сколько переживается им; она включает ассоциации, эмоции, оценки, национальные образы и коннотации, присущие данной культуре» [Маслова 2005: 36]. Сложность и многомерность концепта как объекта изучения, вывод учёных-лингвистов о то, что язык связывает людей в этнос или нацию через концепты, привлекает всё больше исследователей к дальнейшему изучению теории концептов. Возможно, что мы являемся свидетелями зарождения ещё одного направления дальнейшего развития языкознания – лингвоконцептологии, которая поставит новые акценты в понимании языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабушкин А.П., Жукова М.Г.* Перевод реалий в свете проблем когнитивной семантики // Проблемы культурной адаптации текста. Воронеж, 1999.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Богин Г.И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Л., 1984.
- Воркачёв С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, 2001, № 1. С. 64-72
- Воркачёв С.Г.* Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Воронеж, 2002.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...» СПб., 1999.
- Кубрякова Е.С.* Концепт // Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Лихачев Д.С.* Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Т. 2. Л., 1987.
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика. Учебное пособие. Минск. 2005.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в современных лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.
- Снитко Т.Н.* Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах / Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1997.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.

М.Е. Жукова
(Великий Новгород)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЖУРНАЛИСТИКЕ С ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦОМ

Потребность в журналистике с гражданским лицом в современных российских условиях ощущается особенно остро. Как пишет известный журналист, профессор факультета журналистики МГУ Евгений Прохоров, «нет гарантий на будущее, если не озаботиться формированием гражданской культуры в обществе, в среде политических и экономических элит, в журналистике» [Прохоров 2007: 1]. В то же время очевидным для всех является тот факт, что отечественные СМИ пока ещё не осознали себя в полной мере важнейшим фактором гражданского общества. «... При всём разнообразии тематических пластов и рубрик в СМИ места для материалов типа «... гражданином быть обязан» не находится», – при с явным сожалением констатирует Прохоров [Прохоров 2007: 13].

Российская пресса за последние два десятилетия в целом пришла в соответствие с общемировыми принципами mass media, согласно которым существует её разделение на так называемые «качественные» и «массовые» издания. Культурно-языковая компетенция аудитории, которая читает «Российскую газету», «Новую газету», «Известия», «Труд», «Советскую Россию», «Аргументы и факты», «Завтра», «Аргументы недели» принципиальным образом отличается от культурно-языковой компетенции читателей журналов «Космополитен», «Медведь», «Плэй-бой» «COOL». Культурно-образовательный фактор заказывает журналистике свои функции, ориентированные на приобщение читательской аудитории к мировой и отечественной культуре. Гражданская культура выступает как одна из её граней. Если внешней стороной культуры являются по сути все результаты человеческой деятельности (орудия труда, произведения искусства и литературы, моральные принципы, обычаи, традиции и т.д.), то по своему внутреннему содержанию культура есть процесс развития самого человека как активного субъекта деятельности и творца культурных ценностей. Деятельность СМИ, важнейшей функцией которых является коммуникация, относится к области духовной культуры. По мнению философа М.К. Мамардашвили, коммуникация «это тот срез деятельности, который *призван являться культурой*» (выделено мною – М.Ж.), чтобы деятельность, как и человек, были бы бессмертны» [Мамардашвили 1982].

Для «качественной» прессы характерно, что её «текст соткан из цитат, отсылаю-

щих к тысячам культурных источников» [Барт 1994: 387].

Одним из таких цитатных пластов российских газет является фразеологический фонд русского языка. Фразеологическая картина мира составляет одну из граней картины мира, творимой публицистикой. Фразеологические обороты вызывают у читателя сложную гамму ассоциаций, связанных с познавательным, нравственным, эстетическим опытом человечества, традициями народной, национальной, том числе – религиозной культуры. Когда человек читает «качественный» печатный текст, содержащий фразеологизмы и паремии, он не только острее воспринимает и усваивает культурный опыт своего народа и всего человечества, но и учится воспроизводить тексты и цитаты из них, тем самым осуществляя коммуникацию культурных опытов и обогащая свой внутренний мир.

Успешность формирования гражданских качеств невозможна без ясной ориентации в социально-политической системе, овладения умениями и навыками выработки собственной позиции, предполагающей развитие критического мышления. Недостаток гражданской культуры является главным фактором, блокирующим гражданское сознание. Демократия превращается в пустую декларацию, если у каждого члена общества не воспитывается чувство гражданского долга. Вот почему так необходима журналистика с гражданским лицом, как и все СМИ в целом. Но журналистика имеет гражданское лицо лишь в том случае, если кроме информационной и коммуникативной функций она выполняет функции социальной адаптации, а также интегрирующую, организаторскую, идеологическую и контролирующую функции.

Все эти функции прессы обусловлены социальной системой общества. Но есть ещё одна внутренняя важнейшая функция журналистского текста – контактная. Она направлена на привлечение внимания читательской аудитории – заголовком, графикой, местом на полосе, шрифтами, иллюстрацией и т.д. Помимо этого данная функция нацелена на вступление читателя в контакт с самим текстом.

По сути дела контактная функция прессы определяет успех реализации всех выше перечисленных, а, следовательно, в конечном итоге является определяющей для формирования интереса к прессе и хорошего читательского вкуса. Стремясь установить контакт с читателем, журналист пускает в ход все имеющиеся в его распоряжении приёмы и средства.

Одним из таких средств являются фразеологизмы, а их широкое использование давно уже стало излюбленным приёмом многих талантливых журналистов. Зачастую именно фразеологизмы и в заголовках, и в подзаголовках, и в самом журналистском тексте позволяют быстро наладить контакт с читательской аудиторией и подерживать её внимание в ходе чтения.

Фразеологизмы, если они выбраны удачно и использованы к месту, позволяют точно уловить суть сложнейших проблем и следить за логикой мысли автора, да и запоминается текст с их помощью легче. Вот почему можно с полным основанием утверждать, что фразеологизмы, помогая реализовать важнейшие функции прессы, служат в итоге задаче гражданского образования и воспитания.

В качестве примеров удачных заголовков с использованием фразеологизмов приведём названия передовиц из указанных газет. В газете «Труд» от 22 августа 2007 года передовица озаглавлена кратко: **«ДАРЬКИН ТЕРЯЕТ ЛИЦО»**. Автору довольно обширной публикации Малике Салахитдиновой удалось найти заголовок, который привлекает внимание. Имя Дарькина хорошо известно читателю. В настоящее время он является губернатором Приморья. Подзаголовок проясняет ситуацию: **«Защиталось кресло под дальневосточным губернатором Сергеем Дарькиным. Слухи о**

его отставке **обретают реальные очертания**...». Как видим, удачное использование автором фразеологизмов помогает сразу ввести нас в суть проблемы. Прочитав кусочек самого текста, в котором нашли своё место ещё несколько фразеологизмов: «Думаю, Дарькин давно почувствовал, что **вокруг** него **сжимается кольцо**. Первый состав вице-губернаторов, который успешно **набивал карманы**, стал потихоньку подавать в отставку. Некоторые из них **подались за бугор**. А натворили и наворовали они неслабо. Например, как пишет местная газета «Народное вече», **«тюрьма плачет по бывшему вице-губернатору В. Розенбергу»**. Характерно, что в качестве цитаты из другой газеты журналистка «Труда» выбрала именно фразеологизм. Скопление фразеологизмов в таком маленьком пространстве текста произошло не случайно. Именно в этих строках автор выражает свою оценку описываемой ситуации с возможной отставкой Дарькина. Фразеологизмы помогают это сделать наглядно и убедительно. Тот же фразеологизм **потерять лицо** использован журналистом М. Юсиным в «Известиях» от 4 августа 2006. Его публикация называется **ЮЩЕНКО ПОТЕРЯЛ ЛИЦО, НО СОХРАНИЛ СТРАНУ**.

А вот как озаглавлена публикация группы авторов (Екатерина Добрынина, Альбина Золотухина и др.) о предвыборной кампании в Российской газете от 25 июля 2007 года в рубрике «Политика»: **ПОШЛА ПЛЯСАТЬ ГУБЕРНИЯ**. Подзаголовок тоже не остался без фразеологизма: *«Политики пустились во все тяжкие, устраивая предвыборные карнавалы и шоу по всей стране»*. В этом же номере Российской газеты помещена статья Пьера Сидибе **«К ОБОРОНЕ ГОТОВ»**. Ни название, ни подзаголовок (*«Сергей Миронов призвал быть готовым к защите Родины»*) не содержат фразеологизмов. Зато цитируемые высказывания Председателя Совета Федерации богаты на фразеологические обороты. «Нам в России нужно **держатъ порох сухим**, надо крепить свою оборону и в случае необходимости защитить Родину», — предупредил Миронов о нависшей угрозе над суверенной демократией. Характеризуя состояние судебной власти в современной России, политик также не обошёлся без фразеологизмов: «Судебная власть в России никому не подчиняется, они (представители судов) контролируют сами себя, **берегут честь мундира, не вынося сор из избы**». В «Советской России» от 22 августа 2007 года для передовицы авторы подобрали фразеологизм **(расти) как на дрожжах**, который, несомненно, позволил заострить внимание на актуальной для всех проблеме повышения цен на хлеб. **«НА ХЛЕБ ЦЕНА ВЗДУВАЕТСЯ, РАСТЁТ КАК НА ДРОЖЖАХ»** — вызывает заголовок к вниманию читательской аудитории, и можно быть уверенным, что информация под таким названием будет прочитана в первую очередь. В этом же номере «Советской России» внимание привлекает и такой заголовок: **«КУДА ПОСКАЧУТ ТРОЯНСКИЕ КОНИ»** (корреспонденция читателя Александра Бекетова из Алтайского края в рубрике «Избиратель»). «Троянские кони», по мнению Бекетова, это новые политические партии. О них он и ведёт речь в своём письме в редакцию. Письмо читателя из Пензы в этой же рубрике имеет не менее образный заголовок: **«ПОГРОЗИЛИ ФИГОЙ В КАРМАНЕ»**. Читатель в публикуемом письме также привлекает фразеологизмы, раскрывающие его отношение к поднимаемой проблеме: *«Но как гром среди ясного неба Госдума ратифицировала соглашение о пребывании войск НАТО на нашей территории. Теперь внедрение войск НАТО в Россию принимает законный характер. Зачем и кому это надо, кому выгодно? Ясно как день — для того, чтобы защищать олигархов и их собственность от народа...»*. Совершенно очевидно, что оба читателя имеют свою собственную гражданскую позицию по отношению к проводимой властью внутренней и внешней политике.

На обложке еженедельника «Аргументы и факты», датируемого 25-31 июля 2007 года, взгляд читателя наталкивается на интригующий заголовок: «**ЛОНДОН МЕЧЕТ МОЛНИИ. СЮЖЕТ ПОКРУЧЕ «ГАРРИ ПОТТЕРА»**». Всем понятно, что речь идёт о реакции Лондона на дело Литвиненко. В этом же номере «Аргументов и фактов» внимание несомненно привлечёт заголовок «Михаил Веллер. **«ЧЕ ГЕВАРА С МАХ-НО ДАЖЕ РЯДОМ НЕ СТОЯЛ»**» (публикация Юлии Шигарёвой). В высказываниях Веллера, отражённых в публикации, использован ещё один фразеологический оборот – **разрубить гордиев узел**. Заслуживает внимания тот факт, что писатель употребляет его во множественном числе. Приведём контекст: «... Можно говорить о жестокости радикалистов, об их необразованности, ограниченности, нетерпимости ... (речь идёт о наступлении исламского радикализма – М.Ж.) Но! Им нельзя отказать в глубочайшей убеждённости и самоотверженности, в чётко очерченных идеалах и величайшем желании добиться их осуществления. И, кроме того, в умении **разрубить гордиевы узлы**. Они никогда не развязываются эти узлы, - они только рубятся. Это хорошо понимали большевики в 1917 году. Наркотики? Объявляется смертная казнь за их употребление, хранение и торговлю. Воры и убийцы? Объявляется, что убийцы вешаются, а вора рубят руки. После этого в исламских государствах нет наркоторговли, воровства и убийств. Можно говорить, что это жестоко и предвидеть, что лет через 200 или 500 у них наступит гуманизм и загнивание – следующая стадия развития системы». При всей спорности высказывания следует признать: фразеологизм в нём обыгрывается удачно в том смысле, что помогает сразу ухватить логику рассуждений автора. Нами подчеркнута фраза, которая по сути содержит объяснение смысла фразеологического оборота. В связи с освещаемой в статье проблемой журналистики с гражданским лицом важно подчеркнуть, что данная публикация помещена в рубрике «Личность». Интересно, что в следующем номере АиФ (1-8 августа 2007 года) в этой же рубрике опубликована беседа главного редактора АиФ Николая Зяткова с председателем Счётной палаты РФ Сергеем Степашиным под заголовком «Что ждёт взяточников?». Николай Зятков в одном из вопросов использует фразеологизм **ахиллесова пята**: «Есть ли опасения, что Запад снова начнёт спекулировать на теме Чечни, называя её нашей **«ахиллесовой пятой»**?» Степашин в ответе на предыдущий вопрос Зяткова употребляет фразеологизм **уйти в тень**: «А опасения, что Путин **уйдёт в тень**, у меня нет. Пост президента он, конечно, оставит согласно Конституции. Но останется активным политическим игроком, капитаном команды, безусловным авторитетом».

В еженедельнике «Аргументы недели» есть рубрика «Трибуна реакционера», в которой читатели из номера в номер встречаются с неординарной и яркой личностью Андрея Кончаловского. Несмотря на то, что долгие годы он жил в Америке, Кончаловский любит образную русскую речь и широко использует фразеологические обороты, пословицы и поговорки в своих устных выступлениях на ТВ и на страницах прессы. Ограничимся примерами из его статьи «Цена жизни в России» («Аргументы недели», 22 марта 2007). В ней он использует фразеологизмы: **простой смертный, око за око, свести к нулю, пошло-поехало, прийти в голову**. К тому же к месту приведена пословица «**Бог дал – Бог взял**». Ограничимся одной цитатой: «У нас богатым без охраны нельзя. Очевидно, не всё ещё поделили. Ну а как быть **просто смертному**? Тому, кто боится зайти в свой подъезд или мчит ночью по неосвещённому двору в надежде не повстречать лихого человека? Почему так? И тут встает вопрос о цене человеческой жизни в России».

Вот ещё пример того, как помогает фразеологизм передать драматизм политической проблемы и в то же время выразить к ней собственное отношение. На этот раз использован фразеологизм **это ещё цветочки**, который означает “это ещё только маленькая часть проблемы; это ещё не самое страшное или поразительное”. *Есть голодомор, в котором на Украине винят Россию, есть безумный клубок в бывшей Югославии, есть, скажем, адыги, кротко, но настойчиво требующие признать их жертвами геноцида в XVIII- XIX веках. Но это ещё цветочки. Пан Ющенко подписал закон о признании бендеровцев ветеранами ВОВ.* Алексей Ерёмченко. Закон Пандоры. Известия, 22 ноября 2006.

Иногда в качестве заголовка выступает сам фразеологизм. Так в газете «Труд» 15 июня 2007 года в рубрике «Культура» была напечатана публикация Анжелики Заозерской **«ИЗ ГРЯЗИ В КНЯЗИ»**. В тексте есть такие строки: «... Роли гениев и государственных мужей достаются актёрам-подёнщикам, которые **как бабочки-однодневки**, порхают из одного сериала в другой, отчего по-настоящему масштабные образы разучились создавать, а то и не умели никогда...». В приведённой цитате удачно обыгрывается фразеологизм **бабочки-однодневка**, а по сути сформулирована проблематика публикации. Автор поднимает тему гражданской ответственности актёра и режиссёра за созданные на экране образы выдающихся людей.

Кроме рубрик «Политика», «Экономика», «Культура», «Личность» тема гражданского долга, взаимоотношений личности и социума звучит в других тематических пластах. Например, в «Известиях» интересный материал печатается в разделе «Общество». На страницах этой рубрики право голоса предоставляется активным гражданам, профессионалам своего дела, душой болеющим за общественные и государственные интересы. Выражая свою позицию, лучшие представители российского общества очень часто используют фразеологизмы. Приведу отрывок текста из очерка Ларисы Кузиной «Размышления о высоком и пользе градостроительных идей», напечатанного в «Известиях» в рубрике «Общество» 20 июня 2007 года: [Вера Деметьева]: «Для меня, председателя КГКИОП, наверное, проще было бы **занять правовую позицию**. Мол, с этим – не ко мне, федеральный законодатель лишил органы охраны памятников права согласования проектов строительства в зонах охраны объектов культурного наследия. **«Умыть руки»?** Недостойная позиция». Какие-либо комментарии к данной цитате излишни. Она говорит сама за себя. А вот фразеологизм **умывать руки** библейского происхождения помог точно и ёмко охарактеризовать жизненную позицию неприемлемую для автора данной цитаты

В «Новой газете» есть рубрика «Общество идей». В номере, датируемом 23.07-25.07 2007 года, в данной рубрике помещена публикация **«Большая стирка** на Крестовском» Валерия Стрельникова. В самом заголовке узнаём фразеологизм **большая стирка** (ср. **сыр-бор**), а в двух подзаголовках использованы фразеологизмы **не мытьём, так катаньем** и **из огня да в полымя**. Ограничимся цитированием первого подзаголовка: **«Не мытьём, так катаньем** обитателей мятежного дома, на месте которого запланирована «конституционная» прачечная, заставляют покинуть свои квартиры». Суть поднимаемой проблемы сводится к взаимоотношениям простых граждан (жителей дома на Крестовском острове, который должен пойти под снос) и представителей власти, в данном случае сотрудников Конституционного суда, для которых будет построен коттеджный посёлок на месте снесённого дома. Что касается фразеологизма **из огня да в полымя**, то следует отметить, что он используется достаточно часто и в других печатных СМИ. Так, в газете «Правда» от 27-30 июля 2007 года в рубрике «Курьер новостей» одна из информационных колонок

озаглавлена именно так: **«Из огня – да в полымя»** (о взрыве подземного газопровода в ночь на 27 июля на границе Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Для соседней колонки пригодился другой фразеологизм - **с высоты птичьего полёта**. Он и стал заголовком. В том же номере «Правды» ещё в двух заголовках употреблены фразеологизмы. Это **«БИЗНЕС СЕЛ НЕ В ТО СЕДЛО»** Нины Нечаевой в рубрике «Крестьянская доля» (о специализированной выставке животноводства и племенного дела «Агроферма 2007» на ВДНХ) и **«ЧАСТНЫЕ ВЕРБОВЩИКИ «ПУШЕЧНОГО МЯСА»** Геннадия Сперского (о выступлении чилийского парламента против использования чилийцев в качестве наёмников в Ираке).

Фразеологизм **как (будто, словно, точно) бельмо на (в) глаз** можно зачислить в разряд популярных в журналистском сообществе. Примеры: *Попробовал (сын) походить по предприятиям, какие еще не закрыты, - везде неудача, опытных рабочих сокращают, а уж новичок без профессии и вовсе как бельмо на глазу – никому не нужен, тем более коммерческим фирмам.* А.Засимова. «Не нам судьба судья, а мы судьбе хозяева». Советская Россия, 24 мая 2007 (№ 72). *Все преследуемые правосудием градоначальники сразу же вошли в роль страдальцев за демократию. Потому что в выстроенной вертикали власти они как бельмо на глазу – всенародно избранные подвластны в первую очередь своему избирателю.* Яна Серова. Города на сдачу. Новая Газета в Санкт-Петербурге. 4 – 6 июня 2007 (№41).

Очень часто в современных условиях представителям прессы приходится выражать серьезную озабоченность, обращать внимание на острые проблемы нашего общества и государства. В связи с этим обстоятельством фразеологизм **бить тревогу** (варианты **бить (звонить) в колокола, бить в набат**) всегда востребован. Примеры из разных изданий: *Несмотря на внушительные успехи российской книжной промышленности (суммарный тираж выпущенных за 2005 год книг составил 680 млн. экземпляров), специалисты бьют тревогу. Согласно последним исследованиям, более половины россиян книг не покупают, а более трети не читают их вообще.* Анатолий Стародубец. «Есенину» опять не повезло. Труд, 17 марта 2006 (№ 46). **Бил тревогу** на селекторном совещании руководитель областного МЧС Виктор Шкареда. Он убеждал чиновников в том, что область нуждается в целевой программе по обеспечению пожарной безопасности на объектах социальной сферы. Наталья Крюкова. На чьи головы сыпать этот пепел? Правда, 24 мая 2007 (№53). Судя по выступлениям и выкрикам с мест, думцы восприняли оправдания министра как **«детский лепет»**. Например, Михаил Зурабов, рассказывая о причинах, подкосивших реформу здравоохранения, посетовал: «У нас возникло значительно больше обязательств перед людьми, чем мы могли представить в 2004 году». Тогда ему задали простейший вопрос: почему же министр сразу не начал **бить тревогу**, а дождался того, чтобы реформа окончательно **зашла в тупик**. Валерий Цыганков. Депутатов растрогал лепет. Труд, 24 марта 2007 (№49). Последняя цитата содержит также очень распространенный в прессе фразеологизм **зайти в тупик**. Вот ещё примеры: *Главная причина, почему переговоры с США зашли в тупик, по словам министра экономики и торговли Германа Грефа, - несогласие России пускать к нам штатовское мясо без подтверждения качества продукции американскими ветеринарами.* А.Зюряев, В.Рукобратский. Зачем России вступать в ВТО. Комсомольская правда, 19 июля 2006 (№ 104). *Несомненно, главной причиной (появления сериалов вроде «Жены Сталина» - М.Ж.) следует считать кризис ельцинско-путинской системы. На 16-м году внедрения капитализма в России дела у реформаторов окончательно зашли в тупик.* О.Джигиль. Бедная Аллилуева... Об очередном «х/ф»

на телеэкране. Отечественные записки // Советская Россия, 21 декабря 2006.

Если рассматривать язык как совокупность коммуникативных фрагментов и блоков, реальность которых опирается на память носителей языка, как это делают сейчас некоторые исследователи, то фразеологизмы на газетной полосе, являясь именно такими фрагментами, служат реализации коммуникативной функции прессы. В прессе «с гражданским лицом» (выражение Е. Прохорова) роль этой функции трудно переоценить.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. статья Г.К. Косикова. М., 1994.

Мамардашвили М.К. Наука и культура // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982.

Прохоров Е. Должны ли журналисты думать о формировании гражданской культуры населения? // http://www.tolerance.ru/biblio/mi/1_prohorov.html

Л.Г. Золотых
(Астрахань)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

Разные типы и виды структур сознания возникают в процессе восприятия мира и создают в голове человека определенную концептуальную, когнитивную модель – картину мира, где «возможные миры» представлены и установлены самим человеком и «носитель языка одновременно сживается с этими представлениями. Будучи свойственными <...> всем носителям языка, они оказываются определяющими для ряда особенностей культуры, пользующейся этим языком» (Шмелев А.Д. 2005, с. 17–18).

Сложная взаимосвязь общественной практики и картины мира имеет характер двусторонней зависимости. С одной стороны, практика порождает картину мира и оказывает на нее постоянное влияние: уточняет, «дорисовывает» и «перерисовывает» ее отдельные фрагменты, способствует вытеснению омертвевших ее фрагментов. С другой стороны, картина мира как универсальный регулятив воздействует на ее организацию и приводит к модификации. Например, дискурсивное пространство фраземы *стоять (находиться) у кормила (правления, власти)* – ‘быть у власти, править, управлять, руководить чем-л. (государством, организацией, коллективом и т.п.)’ – связано с древнерусским языком: слово *кърмило* в свободном сочетании *стоять у кърмила* в древнерусском языке имело значение ‘руль для управления судном’.

Фразема *стоять у кормила*, как и выражения *прийти к власти, стоять во главе правления, держать власть в своих руках*, является калькой с латинского *gubernaculum republicae* ‘руль, кормило правления’ и никак не связано с профессиональной речью водников. Его максимальная употребительность падает на первую четверть XIX в. и связано с именем Н.М. Карамзина. Общеславянское *kъrmilo* < **kormidlo* получило в русском языке переносное значение ‘власть, руководство’ уже в XII в. под влиянием переводов церковной литературы с древнеболгарского языка. С конца XIX в. это слово устарело, было вытеснено активным заимствованием *руль* и сохранилось лишь в составе косвенно-производных единиц. Корабельная фразеологическая метафора *держать руль* активизировалась в Петровскую эпоху, являясь, возможно, калькой с голландского *het roer in handen hebben* – букв. ‘иметь руль в руках’, *aan 't roer komen* – букв. ‘прийти к рулю’ (Бирих, Мокиенко, Степанова

2005, с. 345). Уже в советское время в процессе структурно-семантической трансформации (замены архаичного компонента *кормило* на компонент-пароним *кормушка*) возникла фразема с неодобрительной эмотивностью *стоять у кормушки*. Ср.: 1. *Я имел ввиду, не предупреждать водителя о возможных последствиях, а предупреждать возможность самого нарушения. Писать надо рапорты о состоянии дорожного покрытия, отсутствии разметки, необходимости светофоров, а не стоять у кормушки и на тех, кто не платит взятки, писать протоколы* (2006.07.06. <http://forum.racewars.ru>); 2. *Как только новая городская власть взяла курс на эффективное использование муниципальных помещений и наведение порядка в сфере арендных отношений — сразу же поднялся крик: спасите нас от произвола и передела собственности! А почему кричат? Кое-кто привык **стоять у кормушки**, организованной прежней администрацией, и получать за копейки городскую собственность. Снес на праздник бутылку коньячка и коробку конфет на площадь Ленина «нужному» человеку — и дело в шляпе. Поэтому и дерут горло из всех сил, внимание к себе привлекают. Они надеются, что все будет как прежде* (2004.11.11. <http://afanasy.tver.ru>).

Таким образом, фраземы как «языковые знаки дискурсивного происхождения» представляют собой яркий этнокультурный феномен в силу своей двойственной природы: сами знаки принадлежат языковому сознанию, а выражаемые ими представления — когнитивному» (Алефиренко 2002: 5). Взаимосвязь этноязыкового сознания и языка находится в центре исследований современной этнолингвистической фразеологической семантики, посредством которой оформляется в сознании носителя языка **концептуальная картина мира**. Надо заметить, что разные языки по-разному концептуализируют мир, и это подтверждается тем фактом, что в любом языке есть фраземы, которые не имеют эквивалентов в других языках и которые вообще трудно переводятся. Традиционный пример: англ. *carry coals to Newcastle* следует перевести не семантическим эквивалентом *ехать в Тулу со своим самоваром*, а калькой «*возить уголь в Ньюкасл*», хотя далеко не каждый знает или сразу сообразит, что для этого английского города характерны «добыча и вывоз угля».

Следовательно, бесспорным является разделение понятий «языковая картина мира» (в том числе и фразеологическая картина мира как ее составляющая) и «концептуальная картина мира», где первое является частью второго и включает в себе особое мировосприятие и мировидение народа, закрепленное в лексике, грамматике, словообразовании. В свою очередь концептуальная картина мира это система информации об объектах, актуально и потенциально представленная в деятельности индивида. Единицей информации такой системы является концепт, функция которого состоит в фиксации и актуализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического и иного содержания объектов действительности, включенного в структуру концептуальной картины мира.

Фраземика любого естественного языка, отражает определенный способ восприятия и концептуализации того или иного фрагмента действительности, в результате которого происходит вербализация концептов. Конкретный характер системных отношений концептов требует исследования, но общий принцип системности распространяется на национальную концептосферу, поскольку само мышление предполагает категоризацию предметов мысли, а категоризация предполагает упорядочение ее объектов. Концептосфера как область мыслительных образов, включающая в себя семантическое пространство языка, получает выражение с помощью языковых средств.

Смысловое содержание концептов наиболее полно отражается во фраземах. Осуществляется оно в процессе косвенно-производного кодирования в них этнокультурноносных смыслов. Нередко один концепт выражается достаточно широким спектром близких по значению фразем. Ср., например, концепты «Правда» и «Истина», репрезентированный такими фраземами, как *краеугольный камень* чего '1. Основание, фундамент чего-л. 2. Основа, главная идея чего-л'; *как будто пелена (чешуя) упала с глаз* у кого 'кто-л. внезапно узнал правду'; *выводить / вывести на чистую воду* кого 'уличать кого-л. в чем-л., разоблачать кого-л. в обмане, дурном поступке, выявлять правду'; *раскрывать / раскрыть (открывать / открыть) <свои> карты* кому, перед кем 'обнаруживать, показывать свои тайные намерения, замыслы, планы'; *не в бровь, а <прямо> в глаз (в глаза)* 'о чем-л. правильном, метком высказывании или точном, безукоризненном исполнении чего-л'; *на мякине не проведешь* кого 'не обманешь, не одурачишь кого-л.'; *бабушка <еще> на двое сказала* 'неизвестно, сбудется ли то, что предполагают, на что рассчитывают'; *вилами на воде писано* 'что-л. очень сомнительно, неясно, не заслуживает доверия'; *темна вода во облацех* 'о чем-то непонятном, мудреном, неясном (высказывании, учении, тексте, идее и т.п.)' и др. – наша картотека насчитывает более 150 фразем.

Начинается кодирование с осмысления той денотативно-прагматической ситуации, в которой находится предмет духовно-практического освоения. К примеру, в основе семантической структуры фраземы *ходить гоголем* 'о заносчивом, подчеркнуто самоуверенно держащемся человеке' лежит сравнение человека с уткой нырком (диал. гоголь), которая плавает, горделиво откинув голову назад. Сравнение, являясь наиболее древним и естественным способом образной характеристики, способствует в данном случае отражению в сознании объективных отношений подобия между соответствующими предметами. Раньше сравнение *плывет гоголем* – 'величественно, гордо, высоко подняв нос' употреблялось и применительно к парусным судам или баркам.

В основе фразеомообразовательной модели *легкая рука* лежит фразеологическая синекдоха, выражающая положительное свойство человека: *легкая рука* укого '1. О том, кто приносит удачу, счастье. 2. О том, кто удачно начинает и ведет какое-л. дело'. По суеверным представлениям, у людей может быть легкая (счастливая) или тяжелая рука. Людей с легкой рукой в старину приглашали ввести купленную лошадь или корову во двор, выставить ульи и т.п. Грамматическим центром выступает компонент *рука*, а средством эмоционально-экспрессивной оценки удачливого человека – грамматически зависимый компонент *легкая*. Для фраземы *сума переметная* 'о человеке, легко меняющем свои взгляды, убеждения, непоследовательном в своих поступках, действиях' генетически свободносинтаксическим прототипом явились две сумы, связанные воедино для перекидки через плечо или через седло и получившие в народной речи название переметной сумы. Такая метафорическая модель фразеомообразующего взаимодействия компонентов содержит перенос наименования одного денотата на другой, в результате чего формируется новый смысловой элемент – фразеологическая коннотация: 'беспринципный человек, всегда готовый переметнуться то туда, то сюда'.

Следовательно, рассматривая фраземику как средство репрезентации концептосферы русского языка, становится возможным установить реальные связи, которые могут быть выявлены между структурами знания и объективирующими их языковыми формами – фраземами.

Концептуализация, в нашем понимании, – познавательная деятельность челове-

ка, которая заключается в осмыслении поступающей к нему информации и приводит к образованию отдельных концептуальных структур и концептуальной системы в целом. Концептуализация знания в ходе косвенно-производного лингвосомиозиса является процессом формирования когнитивной базы (довербальной смысловой основы) фразеологической семантики.

В структурировании когнитивной базы фразеологической семантики, кроме довербальных смыслов, активированных в ходе ментальной репрезентации номинируемой ситуации, участвуют и смысловые элементы концепта деривационной единицы и новообразованные смысловые элементы. Культурная информация может восприниматься разными субъектами, передаваться и обогащаться за счёт её переосмысления и различных интерпретаций, зависящих от дискурсивных ситуаций, от развития этнокультурного самосознания. Ср.: фразему *на аккорд* ('устар.) на условиях договора, соглашения (брать, захватывать, сдавать и т.п.)' и современное значение слова *аккорд* – 'сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты, воспринимаемых как звуковое единство'. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля даёт четыре дефиниции слова «АКОРДЪ»: (1) 'фриц. согласіе, соглашеніе, условіе, сделка'; (2) 'муз. Созвучіе, согласіе, полногласіе, стройность совместных звуковъ'; (3) 'ладъ, строй, по различію мягкихъ и твердыхъ созвучій (моль и дуръ, или миноръ и мажоръ'; (4) 'полный подбор струнъ для какого либо музык. орудія'.

Первоначально выражение *на аккорд* в Петровское время употреблялось как военный термин, обозначавший капитуляцию противника на условиях, которые он оговаривал для себя перед победителем, в отличие от выражения «*на дискрецию*» – 'на произвол победителя'. В музыкальном смысле *аккорд* употребляется несколько позднее и восходит, в конечном счёте, к греч. χρσδЮ > лат. *chorda* – 'кишка', откуда *струна* (сделанная из кишки). Ср.: фразема *заклочительный аккорд* чего, к чему 'какое-либо событие, явление, действие и т.п., которым завершается что-либо'.

Концептуальное содержание фраземы как ядерный элемент (интенционал) фразеологического значения содержит лишь минимум различительных черт, достаточных для того, чтобы закреплённый за ним знак приобрёл общественно значимую дифференциацию. Минимальной единицей, возникающей в процессе концептуализации, является концепт – оперативный содержательный элемент мышления (Кубрякова, Демьянков 1996, с. 90). В зависимости от основополагающей формы познания (когниции) образование концептов может происходить различными способами: а) на основе непосредственного восприятия объекта органами чувств, то есть на основе чувственного опыта, ср.: *принимать* <близко> к сердцу, *брать за душу*, *кусать* <себе> локти (локоть), *наступать на любимую (больную) мозоль*, *навязнуть в зубах* и т.п.; б) на базе теоретической и экспериментальной познавательной деятельности, ср.: *витать в эмпиреях*, *нести окоlesiцу*, *чёрный ящик*, *эликсир жизни* и т.п.; в) в результате предметно-практической или мыслительной деятельности, ср.: *доводить до белого каления*, *мерить на свой аршин*, *на одну колодку сделаны*, *сбрасывать (сбросить) со счетов*, *тарабарская грамота* и т.п.; г) на основе общения с использованием вербальных и невербальных средств, ср.: *пальца (палец) в рот не клади*, *прикусить язык*, *прожужжать все уши*, *язык без костей* и т.п. Указанные способы концептуализации, в процессе структурирования результатов обработки информации в концепт, как правило, комбинируются.

Когнитивный этап смыслообразования фраземы как знака косвенно-производной номинации – это такая концептуализация знаний, в процессе которой происхо-

дит не смысловое дополнение и периферийная корректировка уже структурированного и вербализованного концептуального образования, а рождение совершенно новой, косвенно-номинативной, концептуальной структуры. Этот процесс состоит из нескольких фаз: (1) фаза ментальной репрезентации фрагмента действительности, нуждающегося в косвенно-производной номинации, в результате чего активируется концептуальное образование, имеющее форму вербализации в виде языковой единицы и номинирующее подобные ситуации; (2) фаза, которая начинается с отказа от использования активированного концепта в неизменном виде и его формы вербализации из-за несоответствия коммуникативному намерению говорящего, что провоцирует поиск иной формы выражения для отраженной ситуации, вследствие чего происходит активизация концептуальной структуры деривационной базы фраземы; (3) фаза формирования когнитивной базы значения фраземы в ходе взаимодействия концептуальных образований всего активированного пространства концептуальной системы.

Последняя фаза – сложный многоэтапный процесс перевода фрагмента генетического дискурса из кратковременной памяти в долговременную, процесс формирования косвенной референции, фраземизация прецедентных контекстов (развитие асимметрического дуализма знака), образование компонентов смысловой структуры фраземы, в которой находят отражение отношения денотации, сигнификации, культурно-исторической коннотации (подробнее см. Алефиренко 2002, с. 131-132).

Концептуализация в гносеологическом процессе приводит к возникновению концептов неоднородной структурной организации, репрезентирующих разные форматы знания. Изучение фразеологической семантики в когнитивно-дискурсивной парадигме предполагает выявление концепта, который в структурном плане членим на субконцепты, участвующие в формировании фразеологического значения, – это такие когнитивные структуры, как фрейм, гештальт, конкретно-чувственный образ (Н.Ф. Алефиренко). К примеру, хорошо известная и часто употребляющаяся разговорная фразема *вот где собака зарыта!* ‘Вот в чем суть дела!’ является калькой с немецкого оборота *Da liegt der Hund begraben!* Чувственно-наглядный образ черного пса в структуре представления как субконцепта формирует дискурсивную идиому, смыслогенерирующим центром которой здесь выступает образ нечистой силы как мифологического существа, охраняющего зарытый клад. Интерес к процессу концептуализации обусловлен связью сознания с концептуально освоенной реальностью и природой концептов, характеризующих сознание. Поэтому понимание фразеологической семантики как своеобразной национально-языковой объективации в конкретной единице результатов отражения языковым сознанием соответствующих явлений действительности, как диалектического единства внутреннего и внешнего позволяет видеть способ возникновения, а также национально-специфическую форму существования всех фразем.

Границей, очерчивающей содержание этнокультуры, являются контуры ее само-бытной семиотической системы – и в первую очередь языка. Так, в концептуальной модели мира русского народа неразрывно связанными составляющими являются природа и культура. Например, фразема: *с гулькин нос* ‘очень мало’ восходит к выражению *с голубиный нос (клюв)*. *Гулькин* – притяжательное прилагательное от слова *гулька, гуля* ‘голубь’, возникших на основе звукоподражания *гуль-гуль*. Предлог *С* употребляется в значении сравнения – *величиной с гулькин нос*. Таким образом возбуждаются ингерентные ассоциации на основе реальных свойств объектов, обозначаемых прототипом фраземы.

Само существование фразеологического состава практически во всех языках мира является ярким свидетельством воплощения в языковой форме тысячелетнего рече-мыслительного творчества народа, его мировоззрения и культуры. Во фраземике отражается (в преобразованном, разумеется, лингвокреативными процессами) и физическая картина мира, и социальное измерение человека в этом мире, и сам человек с его эмоциями, чувствами, внутренним миром.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая синергетика слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986

Шмелёв А.Д. В поисках мира и лада // Ключевые идеи русской картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005.

В.Д.Ившин (Москва)

**НОВЕЙШИЕ РУССКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И
ДИКАЯ ЗАМЕНА РУССКИХ СЛОВ
АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМАМИ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ И В НАСТОЯЩЕЕ
ВРЕМЯ
(ПО СОСТОЯНИЮ НА 2007 ГОД)**

За последние 20 лет в современном английском языке (как и в других европейских языках) появился небольшой ряд новейших неологизмов из русского языка. Это чисто лингвистическое явление обусловлено своим появлением, и можно прямо сказать, большими политическими событиями и изменениями в бывшем великом Советском Союзе и с его преднамеренным развалом вопреки Всесоюзному референдуму от 17 марта 1991 года, когда более 76% жителей СССР проголосовало за сохранение единого союзного государства. Но несмотря на это, произошёл развал СССР, что было обусловлено планом Даллеса 1945 года и последующими действиями определённых международных сил во главе с США и появлением в результате урезанной Российской Федерации после государственных переворотов в августе и декабре 1991 года. России был сверху навязан фактически американцами (т.е. США) дикий капитализм под безобидным названием рыночной экономики под лозунгом «свободной демократии».

Эта демократия западного образца в условиях российской действительности оказалась наяву (*not in a dream* – не во сне) анархией, при которой никто ни за что не отвечает, не заботится и когда всё продаётся и покупается.

Все эти надстроечные изменения не могли не отразиться в лексике русского и английского языков.

В русском языке появились слова, обозначающие так называемые новые реалии политического и экономического характера. Начало было положено пресловутой, так называемой перестройкой, что на деле, как оказалось на проверке временем, было великим обманом великого советского народа. И в английском языке, а также в других индоевропейских языках, незамедлительно появился неологизм *perestroika*, который первоначально в англо-американских газетах расшифровывался в скобках словом *restructuring*, т.е. дословным переводом с русского. Вскоре появилось и прилагательное *perestroikan* – перестроечный, как политический термин, а не строительный. Затем тоже почти одновременно появился неологизм *glasnost*, тоже первоначально с переводным пояснением в скобках (*openness* – открытость). А также *chelnoki* – челноки, странствующие торговцы.

А далее последовали семантические заимствований, т.е. кальки, калькирование с русского, без транслитерации. Это CIS как сокращение от the Community of Independent States, т.е. СНГ (Содружество Независимых Государств). Однако в зарубежной периодической печати это сокращение вскоре стало появляться в форме NIS (New Independent States – Новые Независимые Государства).

К семантическим заимствованиям из русского языка относятся и словосочетания «Новые русские» – the New Russians, т.е. олигархи («денежные мешки»), среди которых нет истинно русских, ближнее зарубежье – the near foreign countries, дальнее зарубежье – the far foreign countries. И, наконец, слово-термин «беспредел» передаётся словосочетанием absolute illegality – абсолютное (полное) беззаконие.

Если не считать неологизмы nomenklatura (nomenclature) и komendatura (the commandant's office) в качестве заимствований при помощи транслитерации, то список новейших неологизмов из русского языка в английском ограничивается приведёнными примерами, в основном отрицательного характера.

А обратный процесс влияния английского языка на русский ещё более отрицательного характера начался в эти же два десятилетия и безудержно продолжается до настоящего времени под знаком дикой замены русских слов англо-американизмами. Об этом, т.е. о засорении русского языка иностранщиной за последние пять-шесть лет была опубликована не одна статья в газете «Советская Россия», в том числе последняя по времени потрясающая статья журналиста В. Бакланова «Поспикаем» о великом и могучем» 8 апреля 2006 г. (на с. 8).

Почему этот «процесс пошёл» и продолжается? Потому что до сих пор нет закона о соблюдении чистоты русского языка, в то время как во Франции парламент принял специальный закон о соблюдении чистоты французского языка ещё в 1974 году, т.е. более тридцати лет тому назад.

Больно и говорить о засорении современного русского языка иностранщиной. В периодической печати, по радио и телевидению из него буквально изгнаны исконные слова: образ, обозрение, очерк, беседа, собеседник, руководитель, управленец, управляющий, заведующий, управление, оценка, общественная оценка, ценник, список, нажим, портной, принадлежности, представление, представительный, доля, распределитель, колебание, устранение, возмущение, слежение, выселение, доверительный, удостоверенный, переносный, рисунок, рыночные отношения, рынок, общественные отношения, отрешение от должности, вступление в должность, очарование, очаровательный, сообщение для печати, выдача преступника, пожарник, охранник, подросток, подростки, конец недели, составитель речей, на открытом воздухе, срочный и многие сотни других. А по радио даже перестали употреблять словосочетания «последние известия», «говорит Москва», давно утвердившиеся в сознании русских и русскоязычных людей, как весьма привычные и приятные на слух, а вместо них употребляют искусственно придуманные: «выпуск новостей», «вести», «информационная программа радио России», и Москва уже не говорит, а просто как-то незаметно, вроде мельком (in passing) вещает: «В Москве восемь часов», «В Москве полдень» и т.д. Но новости не выпускают, а передают, сообщают. Выпускают же товары, продукцию, учеников и студентов, а также в другом смысле скот, собак, кошек и заключённых.

Вот как говорит об этом извращении русского языка А.И.Солженицын: «Разгромная, разрушительная переделка, ещё пока никакого добра и успеха не принесяшая нашему народному хозяйству и не видно такого, – густо дохнула распадом в народный характер.

И не дай Бог нынешнему распаду стать невозвратным.

(Отразилось всё и в языке, зеркале народного характера. Наши соотечественники весь советский период неизменно теряли, а сейчас обрушно потеряли собственно русский язык (в тексте курсив, и далее разрядка. – В.И.). Не буду говорить о биржевых дельцах, ни о затасканных журналистах, ни о столичных комнатных писательницах – ио даже литераторы из крестьянских детей с отвращением отталкиваются: как это я смею использовать коренные сочные русские олова, от веку существовавшие в русском языке? Даже им теперь понятнее, не вызывают ничьего нареkania такие дивные новизны русского языка, как брифинг, прессинг, маркетинг, рейтинг, холдинг, ваучер, истеблишмент, консенсус – многие десятки их. Уже полная глухота).

«Русский вопрос» к концу XX века стоит очень недвусмысленно: быть нашему народу или не быть? Да, по всему земному шару катится волна плоской, пошлой нивелировки культур, традиций, национальностей, характеров. Однако сколько выстаивают против неё без пошата и даже гордо! Но – не мы... И если, дело пойдет так и дальше – то ещё через век слово «русский» как бы не пришлось вычёркивать из словарей». – Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века. – М.: Голос, 1995. – С. 107-108.

Совершенствование языка и очищение от иностранщины должно осуществляться на основе законодательных актов, как во Франции, где еще в 1974 году был принят парламентом закон «О соблюдении чистоты французского языка», за нарушение которого издатели и редакторы, а также все прочие лица платят солидные штрафы. Подобный закон давно нужен и для соблюдения чистоты русского языка.

Если раньше, 20-30 лет тому назад известные языковеды-одиночки Н.А. Катагощина, Ф.П. Филин, Р.А. Будагов всё же поднимали вопрос о чистоте русского языка от иностранщины и о совершенствовании его, то теперь вроде никто не смеет поднимать голос в защиту родного языка, за исключением известного писателя А.И. Солженицына, так как «правоверные лингвисты» (В.Г. Костомаров, его соглашатели и последователи) считают такое засорение обогащением языка, словно современный русский язык такой первобытно-примитивный, что непременно нуждается в иностранщине. А ещё нашёлся один учёный армянин-клеветник, опубликовавший летом прошлого года статью в одной центральной газете о неизбежности замены кириллицы латиницей. Это оскорбление великой русской нации и тех славян, которые пользуются кириллицей. Ведь кириллица – самая совершенная азбука в Европе, по мнению учёных языковедов с мировым именем (Вандриес, Ивич и др.). Поэтому клеветник получил достойную отповедь от академика О.Н. Трубачёва и писателя Ю. Лощица в большой статье-беседе «Алфавитная глобализация», где в частности отмечают, что «будучи армянином, он почему-то не начал с пожелания транскрибировать своё древнее армянское письмо на ту же самую латиницу. И насчёт древнего грузинского алфавита тоже молчок в смысле транслитерирования на латиницу... Ю.Л.: Да уж, думаю, в горах Армении и Грузии пророка за такие пожелания встретили бы градом камней и тумачков». (Газета «Советская Россия» от 14 декабря 2001 г., с. 5).

Ещё И.С. Тургенев писал, что русский язык настолько богат, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас, и призывал беречь русский язык и никогда не употреблять иностранные слова. Не привожу ещё знаменитое классическое высказывание М.В. Ломоносова о русском языке, памятное всем языковедам. (Ившин В.Д., 2002. – С. 293-295).

Года четыре назад по московскому, т.е. по радио России было такое сообщение: «Американцы выдали *пресс-релиз* об *экстрадиции* Бородина». Для чего было так сказано? Чтобы не все поняли, о чём речь шла. А следило передать: Американцы выдали сообщение для печати о выдаче Бородин. Тогда бы все поняли, о чём шла речь.

А в скандальной газете «Московский комсомолец» только и наталкиваешься на непередаваемые слова. Недавно некий журналист упражнялся в иностранщине буквально так: «Французское телевидение *показало в прайм-тайм шоу* о том, что...». Разве это русский язык? Ведь получается «показало показ», потому что английское слово «шоу» означает «показ». А надо бы просто написать: «Французское телевидение показало в самое ходовое время вещания то, что...»

В этой и других газетах встречаются и такие перлы замены русских слов и словосочетаний: *ритейл* (розничный), *ритейлеры* (розничные торговцы), лидер *ритейла* (лидер розничной торговли), *промоушен* (содействие), *промоутер* (агент, покровитель спортсмена), *плей-офф* (отыгрыш), *хедлайнеры* (специалисты по заголовкам, авторы газетных заголовков; знаменитости, о которых часто пишут в газетах (популярный актёр, звезда экрана и т.п.)), *бестселлеры* (ходкие, популярные книги), *киднепинг* (похищение ребёнка), *конstellация* (созвездие), *рафт* (плот), *рафтинг* (катание на плоту), *кастинг* (состав исполнителей) и многие сотни подобных, если не тысячи. Ведь каждый месяц и год появляются всё новые и новые замены.

Бессовестно по радио и в газетах, а также на телевидении засорять русский язык иностранщиной. Русский язык как язык великой русской нации после победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов вышел на мировую арену и был официально признан Международным языком осенью 1945 года, одним из пяти рабочих языков ООН (созданной тогда Организации Объединённых Наций), т.е. уже более 60 лет тому назад. Поэтому он, как международный язык, не нуждается в иностранщине.

Казалось бы, что братья-славяне должны гордиться тем, что один из 12 современных славянских языков стал международным. И он автоматически должен становиться вторым государственным языком во всех славянских странах. Но пока он стал вторым государственным языком только в Белоруссии, не считая неславянскую Киргизию, где он тоже второй государственный язык.

А вот среди германских народов – для голландцев, датчан, шведов и норвежцев считается престижным знать немецкий язык, как язык великой немецкой нации.

«В этом отношении братьям-славянам надо брать пример с германцев и считать престижным знать русский язык, как язык великой русской нации. Однако за последние десять лет (теперь уже пятнадцать лет. – В.И.) навязанного нам дикого капитализма и не менее дикой суверенизации союзных и автономных республик, повторяю, вопреки Всесоюзному референдуму в марте 1991 года о сохранении единого Советского Союза, дело дошло до того, что общение и деловую переписку между славянскими странами некоторые фирмы и фирмачи (на Украине и в Болгарии) ведут на английском языке, словно им неизвестно, что русский язык является тоже международным языком с 1945 г. И братья-славяне должны бы гордиться, что один из славянских языков стал международным. А использование английского языка в славянских странах как международного представляется просто анекдотичным или, говоря словами Ленина, есть «верх распада идейного», т.е. верх националистического угара от суверенитета. По-английски это звучит *the acme of mental depravity, i.e. the acme of nationalistic intoxication from sovereignty*, а по-немецки – *der Gipfel der geistigen Depravation, d.h. der Gipfel des nationalistischen Rausches von Souveranitat*. А ведь ещё в 1848 г., т.е. более 150 лет тому назад, когда русский язык не был международным, словацкий писатель М.М. Годжа писал: «Словак может и должен особенно хорошо усвоить русский язык со всеми его своеобразными звуками и лексическими выражениями. Нет сомнения, что от русского языка каждый получит большее удовлетворение, чем от любого другого иностранного языка. Всенародным органом славянства действительно является русский язык». (Кондрашов, 1956. – С. 161).

И в настоящее время объединение всех славянских народов вокруг **«всенародного органа славянства»** так настоятельно необходимо, что отрицать это и не видеть этого не может ни один патриот в лице государственного деятеля и рядового гражданина России». (Ившин В.Д., Кузнецова Л.В., С. 94-95).

Однако в большой подвальной статье В. Бакланова, лауреата международной и российских премий в области журналистики, как и во многих других статьях, описывающих государственное устройство и экономическое положение Российской Федерации, не даются указания, что надо немедленно делать. А указания, выводы и рекомендации очень простые – вносить в Государственную Думу проекты законов по так называемым «национальным программам» и в первую очередь проект закона о соблюдении чистоты русского языка, на основании которого налагать большие штрафы за иностранщину на главных редакторов газет и журналов.

Вновь обращаюсь к вопросу о том, какая языковая политика проводится во Франции. «Общество потребления, сложившееся во Франции во второй половине XX века, потребовало создания всё новых и новых товаров, продуктов, предметов продажи. Частные фирмы, производя новый товар, стали стремиться дать ему оригинальное наименование, нередко используя для престижности англо-американские заимствования. Всё это побудило Французское правительство к принятию специальных законов, регламентирующих языковую политику, к созданию специальных комиссий, центров по сбору, обработке и изучению неологизмов,...» (Скуратов И.В., 2006, с. 184).

«Язык – это самое ценное достояние народа, его утрата равносильна гибели нации. ...Закон предусматривает использование французского языка в любых объявлениях, надписях, предназначенных для публики, в любых сферах общественной, торговой и интеллектуальной деятельности» (Там же, с. 190).

Таким образом, на основании закона из французского языка изгнаны сотни (если не тысячи) англо-американизмов, особенно такие как *маркетинг*, *спикер* и *спонсор*. Они заменены французскими равнозначными словами: *mercatique* – рыночность, рынковедение, *спикер* – глашатай, *спонсор* – попечитель.

То же самое давно следовало сделать и в русском языке и писать, печатать вместо маркетинг – рынковедение (рыночные отношения), маркетолог – рынковед (по типу обществовед, законовед, переводовед и т.п.), т.е. надо максимально использовать оолышие словообразовательные возможности русского языка, к чему призывал академик Ф.И. Филин более четверти века тому назад. И более четверти века прошло после памятной статьи Н.А. Катагощиной «О языке лингвистических диссертаций», но они по-прежнему продолжают засоряться иностранщиной.

ЛИТЕРАТУРА

Ившин В.Д. Синтаксис речи современного английского языка (Смысловое членение предложения). – Ростов-на-дону: Феникс, 2002. - 320 с.

Ившин В.Д., Кузнецова А.В. Происхождение и становление перфекта в германских языках (в историко-сопоставительном и переводческом аспектах н. материале немецкого, английского, датского, нидерландского и шведского языков). – Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2004. - 211 с.

Кондрашов Н.А. Славянские языки. – М.: Учпедгиз, 1956. - 202 с.

Солженицын А.И. «Русский вопрос» к концу XX века. – М.: Голос, 1995. - С.107-108.

Трубачёв О.Н., Лоциц Ю. Алфавитная глобализация // Газета «Советская Россия» от 14 декабря 2001 года, с. 5.

Скуратов И.В. Типологическая характеристика неологизмов в современном разговорном и деловом французском языке: лингвистический и социолингвистический аспекты. – Монография. - М.: МГОУ, 2006. - 275 с.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. - С. 300-301.

Катагощина Н.А. Письмо в редакцию. О языке лингвистических диссертаций // Вопросы языкознания, 1981, № 6. - С. 147.

И.Я.Лепешев
(Гродно, Беларусь)

СИТУАТИВНЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ

Пословицы на протяжении длительного периода изучались только в фольклоре, рассматривались как один из жанров устного народного творчества. Впрочем, и теперь нередко бытует аналогичный взгляд на пословицы лишь как фольклорный жанр. Однако они коренным образом отличаются от всех иных фольклорных жанров. Уже то, что пословица не создается в процессе общения, а воспроизводится в памяти как готовый словесный комплекс, позволяет ставить ее в один ряд с такими языковыми единицами, как слово, фразеологизм, составной термин, крылатое выражение. Пословицы, в отличие от иных фольклорных жанров, никогда не исполняются, не поются, как, например, народные песни или частушки, не рассказываются, как сказки, анекдоты или юморески, не предлагаются для разгадывания, как загадки, — словом, самостоятельно не бытуют, а, вызванные конкретным жизненным явлением, в нужный момент вставляются в речь как афористическое высказывание, проверенное опытом многих поколений.

Пословицы как реально существующие языковые единицы должны быть объектом изучения не только и не столько в фольклоре, сколько в языкознании, в отдельном разделе «Паремиология». Здесь они, как и слова или фразеологизмы в соответствующих разделах науки о языке, должны рассматриваться с различных сторон: семантической, этимологической, грамматической и стилистической.

Пословицы, или паремии, как взаимосвязанные элементы образуют семантическую парадигму, куда входят: 1) группы пословиц по переосмысленности или непереосмысленности их составных частей (слов-компонентов); 2) пословицы синонимического характера; 3) пословицы, охваченные явлением вариантности; 4) частные значения внутри полисемантических пословиц; 5) паремийно-семантические группы; 6) тематические разряды пословиц.

В рамках семантической характеристики паремий отдельно должны анализироваться ситуативные и контекстуальные пословицы, противопоставленные всему остальному паремийному составу языка. Впервые выделение этих двух пословичных групп было намечено В.П.Жуковым (Жуков 1966, с. 16–17, 27–28) в его паремиографическом словаре и последовательно учитывалось им при лексикографическом описании пословиц. Интуитивно принимал во внимание своеобразие таких паре-

мий и И.И.Носович в своем первом в восточнославянской филологии толковом словаре пословиц (Носович 1874).

Первая группа – ситуативные пословицы. Их более 350 (из числа 1623 паремий, описанных в «Словаре белорусских пословиц» (Лепешаў 2006).

Пословицы этой группы употребляются в строго определенных ситуациях. Например, пословица *Бог тройцу любіць* говорится как предложение сделать что-либо третий раз или в оправдание чего- или кого-либо третьего. Между прочим, здесь компонент тройцу двусмысленный, одним своим, подтекстовым, припрятанным значением он ассоциируется с праздником христианской церкви. Пословица *Аржаная каша сама сябе хваліць* говорится с насмешкой о том, кто сам себя хвалит, а *Выпрамлялі быку рогі, ды скруцілі шыю* употребляется как отрицательная реакция на чьи-либо неприемлемые действия выпрямить, исправить, подправить что-либо, действия, могущие привести к худшим результатам.

Употребляясь в определенной ситуации, такие пословицы передают какое-либо суждение. И только в редких, единичных случаях они не имеют предметно-понятийного содержания и используются как ситуативно обусловленные стереотипные, шаблонные высказывания. Так, синонимичные пословицы *За пастой грошы не плацяць* и *У нагах праўды няма* говорится при приглашении сесть, например: «Сядай, мой мілы, мой харошы, бо за пастой не плацяць грошы» (Я.Колас).

В незначительной части ситуативных пословиц каждая из них имеет конкретный смысл, ее компоненты употреблены в прямом значении, но всё высказывание воспринимается как афоризм благодаря его закреплённости за определенной речевой ситуацией. Например, пословица *Бацькоў не выбіраюць* говорится с недовольством, если кто-нибудь высказывает что-либо негативное о чьих-то родителях.

В эту подгруппу следует включать и пословицы с бинарной, двучленной структурой: в них одна, первая часть, образная, аллегорическая, сопоставляется со второй, безобразной, в которой и содержится ее конкретный смысл. Например, *Рыба шукае, дзе глыбей, а чалавек, дзе ляпей* (говорится о том, кто решает изменить свою жизнь в надежде на лучшее, или как оправдание своих действий, поступков); *Горка рэдзька, ды ядуць, цяжка замужам, ды ідуць* (обычно говорят как утешение, что иного выхода нет, что с этим надо примириться). Ср. также: *Гара з гарой не сходзіцца, а чалавек з чалавекам заўсёды* (говорится при неожиданной встрече или расставании на неопределенно долгое время). Кстати, пословицы этой подгруппы довольно часто сокращаются в речевой практике, освобождаясь от слов, употребленных с прямым значением. Например, предыдущая пословица употребляется а) с недоговариванием последнего компонента, б) с опущением второй части, в) с опущением второй части и глагольного компонента первой части; например, у Я.Василенка: «– Як кажуць, гара з гарой... – Вядома, чаго ў жыцці не бывае... Можа, яшчэ і сустрэнемся калі».

Преобладающее большинство *неситуативных пословиц*, независимо от того, аллегорические они или состоят из компонентов, употребленных в их буквальном смысле, передает суждение обобщающего характера, выступает как правило, которое распространяется на все аналогичные явления. Так, аллегорическая пословица *Шыла ў мяшку не схаваеш* обозначает 'невозможно скрыть то, что само себя выдаёт'. Она, как показывают 8 иллюстрационных цитат, приведенных в «Слоўніку...» (Лепешаў 2006, с. 478–479), применяется к самым разнообразным жизненным и речевым ситуациям. Или такие аллегорические пословицы: *З песні слова не выкінеш; Кашы маслам не сапсуеш; Найшла каса на камень; Любіш катацца, любі і*

саначкі вазіць. Либо пословица неаллегорического характера: *Брат любіць сястру багатую, а муж жонку здаровую*.

Что касается *ситуативных* пословиц, то ими передается суждение частного характера, уместное лишь в строго определенной ситуации. Например, содержание пословицы *Салаўя байкамі не кормяць* можно передать предложением 'разговорами сыт не будешь', и говорится она, когда, прерывая разговор, приглашают гостя к столу. *Аддай рукамі, а хадзі нагамі* – так с возмущением говорят о том, кто долго не возвращает взятого взаймы и к тому приходится ходить, напоминая о долге.

В эту же подгруппу входит небольшое количество пословиц, которыми передается конкретное содержание, непосредственно как бы привязанное к чьим-либо соответствующим действиям, поступкам, поведению и т.п. В самой ситуативной характеристике почти всегда присутствует слово, а то и не одно, однозначное или тождественное по смыслу с пословичным компонентом. Два примера: *Бачылі вочы, што бралі (выбіралі, куплялі), дык ешце, хоць павылазьце* – говорят как упрек за неосмотрительность, неблагоразумие при выборе, приобретении кого- или чего-либо. *Адзін з'еш хоць вала, дык адна хвала, а накрыве, ды ўсе* – говорят в похвалу хлебосольному человеку и в укоризну тому, кто не любит делиться с другими.

Отдельную подгруппу составляют пословицы, выражающие различные чувства и волеизъявления. Например, пословица *Чым чорт не араў, тым і сеяць не стаў* является высказыванием решимости перед принятием решения, ее смысл можно передать словами 'пусть так и будет, стоит рискнуть'. Она, кстати, синонимизируется с пословицами *Спроба не хвароба; Дзвюм смерцям не бываць, а адной не мінаваць* (во 2 знач.).

Еще одна подгруппа – пословицы с качественной оценкой кого- или чего-либо. Пословицей *Сівізна ў бараду, а чорт – у рабрыну* характеризуют пожилого мужчину, если он начинает интересоваться женщинами. В эту же подгруппу входят и такие, например, паремии: *Маладзец супраць авец, а супраць малайца – сам аўца; Малы жуц, ды вялікі гук; Малы залатнік, ды дарагі*.

Ситуативные пословицы иногда образуют синонимические ряды. Вот один из них: *Абцяганага тры гады чакаюць – Абцяганага шапка не грэе – Абцяганкі-цацанкі, а дурню радасць*.

Большинство ситуативных пословиц при их описании в паремиографических словарях получает или должно получать двойную характеристику – логическую (смысловую) и ситуативную: *Грозен рак, ды вочы ззаду*. Нечего бояться кого-либо. Насмешливый ответ на чьи-либо угрозы.

Перейдем теперь ко второй группе пословиц – *контекстуальных* (их более 30). Они, в отличие от иных пословиц, в том числе и ситуативных, употребляются только в диалогической речи как обычно отрицательная реакция на какое-нибудь слово в предшествующем высказывании собеседника. В пословице-реплике, вызванной этим словом-стимулом, нередко есть такое же слово-компонент, чаще тождественное с ним по смыслу.

Так, пословица *Бывала, варона лапці абувала, а цяпер грак ходзіць* так имеет смысл 'нечего вспоминать то, что было когда-то' и употребляется как ироническая реакция на слово *бывала* при попытке собеседника сопоставить что-либо прежнее с современным. Например: «– Даўней такога не здаралася. Бывала, нека шанавалі, паважалі адзін другога. – Бывала, варона лапці абувала, а цяпер грак ходзіць так, – перадражніла Маланку Верка» (Л. Колодежный).

Такие пословицы, употребление которых ограничено определенным типом кон-

текста, можно назвать контекстуальными. Ими высказываются разные, чаще неодобрительные отношения к услышанному от собеседника (неудовлетворение, возмущение, ирония и т.п.). Так, пословица *Грэх у мех, а грашаняты ў торбу* употребляется как отрицательная реакция на слово *грэх* в предыдущей реплике. Приведем несколько контекстуальных пословиц с показом перед ними (через тире) слова, которым стимулируется употребление определенной пословицы: дарам, задарам – *Задарам і скулка не сядзе; думаць, падумаць – Индык думаў, думаў ды здох; Хай конь думае: у яго галава большая (вялікая); каб – Каб ды кабы, дык у роце б раслі грыбы; бог – На бога спадзявайся, а сам не давайся; так – Так нічога не бывае, усё за грошы; моцны, вялікі – Турма моцная (вялікая), але ніхто не хоча там быць; Маруся – На Беларусі ўсе Марусі; чорт – У чорта спіна сцёрта.*

Многие контекстуальные пословицы, если их рассматривать с функционально-прагматической точки зрения, являются ответами на вопросы собеседника. Иногда это уклончивые ответы. Так, на вопрос «Дзе быў?» отвечают пословицей *Дзе быў, там няма*. А пословица *Будзеш усё ведаць, хутка пастарэеш* говорится, иногда с неудовлетворением, как уклончивый ответ на самые разные вопросы. *Сарака на хвасце прынесла* обычно употребляется как шутливый или уклончивый ответ на вопрос об источниках новостей, слухов. Близка в смысловом отношении к предыдущей пословица *Чуткамі зямля поўніцца*. Она говорится, если не хотят сказать, как или от кого узнали о чем-либо.

Некоторые пословицы выступают как привычные, шаблонные ответы на вопрос «Як жывеш?». Например, пословица *Жывём, хлеб жуём* употребляется как неопределенная характеристика жизни. На вопросы типа «Што чуваць?», «Як маешся?», «Як жывеш?» иногда отвечают, иной раз с оттенком шутливости, пословицей *Ад ліха ціха, а дабра не чуваць*.

Есть пословицы, которые являются ответом на что-нибудь иное, услышанное от собеседника. Например, как выражение удивления от чего-либо неожиданного, необычного, только что услышанного выступает пословица *Чуў, кум, сонца, бачыў гром?* В основе ее остроумия – нелогичность сочетания слов: чуць сонца, бачыць гром. Не менее интересна и пословица *А калі што якое, дык што тут такое*. Части ее связываются рифмой, а вся она организована как четырехстопный анапест.

Почти все контекстуальные пословицы, как частично показывалось на примере *Бывала, варона лапці абувала, а цяпер грак ходзіць так*, являются не только стандартными ответами на вопрос или репликой-реакцией на предыдущее высказывание, но и выполняют информационную функцию, иногда общего, неопределенного характера. Так, *Задарма і скулка не сядзе* обозначает 'даром, бесплатно ничего не делается'; *Чуткамі зямля поўніцца* – 'слухи, известия о ком- или о чем-либо дошли и до нас'. В создании информативности участвуют и образные паремийные части: *хлеб жуём, зямля поўніцца* и т.д.

Коротко о трех пословицах, в которые как бы вставляется слово из услышанного предыдущего высказывания, но нарочно переосмысленное, омонимичное со словом-стимулом. В результате возникает каламбур. Так, пословица *Калі здаецца, дык трэба хрысціцца або Калі здаецца, перахрысціся* употребляется как ироническая реакция на слово *здаецца*, будто бы воспринятое со значением 'представляется': «– Фактаў у мяне няма, але здаецца... – Калі здаецца, перахрысціся!» (А.Делендик). Пословица *Калі значыцца, дык ацеліцца* говорится с иронией в ответ на частое употребление слова *значыцца*, как будто воспринятое в значении 'выявляет признаки отела'. Еще одна пословица – *Нуда горш за каросту* – ироническая реплика в

связи с услышанным от собеседника русским сочетанием «ну, да» вместо белорусского «ну, так».

Описанная здесь специфика использования контекстуальных пословиц, их тесное слияние с предыдущей репликой-стимулом и совместное образование диалогического единства должны находить точное отображение в толковых словарях пословиц. Одни из этих пословиц, как уже отмечалось на нескольких примерах, получают и смысловую, и контекстуальную характеристику. Еще два примера: 1) *Лёгкае пярэ, ды на страху не закінеш*. Не так легко сделать что-либо, как это кажется. Обычно употребляется как отрицательное реагирование на слово *лёгка* в предыдущем высказывании; 2) *Можа надвое варожа*. По-всякому, по-разному может быть. Употребляется как реакция на слово *можа* из предшествующего высказывания.

Описание же некоторых иных пословиц ограничивается только их контекстуальной характеристикой (см. выше, например, пословицу *Калі здаецца, дык трэба хрысціцца*).

В некоторых же белорусских паремиографических работах не придерживаются этого правила. Так, в одном справочнике без всякого описания поданы пословицы *Грэх у мех, а грашаняты ў торбу; Хвароба – мігрэнь, есці ахвота, а працаваць лень* и пр. Приблизительно и нередко многословно, неправильно, а то и несуразно объясняются очень многие контекстуальные, а также ситуативные паремии в словаре «Прыказкі і прымаўкі» (Аксамітаў 2000). Например, *Бывала, варона лапці абувала...* – ‘мода меняется’; *На Бога спадзявайся, а сам не давайся* – ‘говорят лодырю, который ропщет на Бога за свою бедность’; *Дзе чорт не араў, там сеяць не стаў* – ‘если кто-то не надеется на удачу в каком-либо деле, то он не рискует’.

О неучитывании или незнании действительных условий, при которых реализуются в речи контекстуальные пословицы, свидетельствуют и такие факты. В белорусском академическом своде «Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах» (1976) многие названные выше пословицы размещены в разделах, к которым они не имеют абсолютно никакого отношения. Например в разделе «Бог. Вера. Атэізм» поданы пословицы *Можа надвое варожа; Грэх у мех, грашаняты ў торбу*; пословица *Лёгкае пярэ, ды на страху не закінеш* попала в раздел «Жывёльны і раслінны свет»; *Нуда горш за каросту* – в раздел «Беднасць. Жабрацтва»; *Задарма і скулка не сядзе* – в раздел «Служба. Наймы»; *Хай конь думае, у яго галава большая* – в раздел «Розум. Кемліваць. Дурасць»; *Ласка – не каляска, сеўшы не паедзеш* – в раздел «Каханне. Дашлюбныя адносіны»; *Сарока на хвасце прынесла* – в раздел «Балбатня. Пляткарства. Сварка». Читая такие сведения в академическом своде, так и хочется сказать: «Нарочно не придумашь!»

ЛИТЕРАТУРА

Аксамітаў А. Прыказкі і прымаўкі: Тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак і прымавак з архіваў, кафедральных збораў, рэдкіх выданняў XIX і XX стст. Мінск, 2000.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966.

Лепешаў І.Я., Якаліцэвіч М.А. Слоўнік беларускіх прыказак. Мінск, 2006.

Сборник белорусских пословиц, составленный И.И.Носовичем // Сб. Отд. рус. яз. и словесности Импер. АН. Т. XII, № 2. СПб., 1874.

*В. М. Мокиенко
(Санкт-Петербург)*

О СЛОВАРЕ «ПОСЛОВИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»

Совсем ещё недавно, кажется, молодой и инициативный аспирант Анатолий Жуков по совету своего отца Власа Платоновича приехал в Ленинград, чтобы обсудить свою диссертацию на Фразеологическом семинаре при Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина. Он сразу вошёл в нашу семинарскую среду, порадовав всех «семинаристов» не только проницательность высказываемых идей, но и мощной и техничной игрой в футбол, естественностью общения и открытостью души. Были потом и другие «явления» А. В. Жукова в Ленинград/Петербург: и несколько обсуждений оригинальной теории переходности, вылившейся в докторскую диссертацию (Жуков 1996), и обсуждение фундаментального проекта «лексико-фразеологического словаря русского языка» (Жуков 2002), и участие новгородского Фразеолога в наших выездных семинарах и конференциях. И всегда Анатолий Власович оставался для нас тем же самым молодым и инициативным исследователем, которым он явился некогда ленинградскому фразеологическому народу.

И вдруг – Юбилейный сборник. В честь 60-летия Анатолия Власовича Жукова. Трудно поверить, что теория переходности способствует столь быстрому научному и биологическому созреванию, но факт налицо. Вот почему, выбирая тему для статейного подарка Юбиляру, хотелось первоначально написать что-либо именно на тему фразеологической переходности. Однако, по зрелом размышлении автор этих строк всё-таки выбрал паремиологический сюжет. Ведь всем фразеологам известно, со сколь глубоким пиететом А. В. Жуков относится к научному наследию своего отца – одного из патриархов отечественной фразеологии и паремиологии Власа Платоновича Жукова. Благодаря усилиям сына, а теперь и внука школа В. П. Жукова продолжает жить и развиваться, неизменно подпитываясь новыми последователями и продолжателями. И потому захотелось поднести сегодняшнему Юбиляру именно паремиологический подарок. Ведь многократно и постоянно переиздаваемый «Словарь русских пословиц и поговорок» (Жуков 1966; 1991) остаётся многая лета классикой в мировой паремиографии.

В настоящей статье излагаются основные принципы составления словаря русских пословиц для широкого читателя. В нём особый акцент сделан на раскрытии исходных образов пословицы и в этом смысле словарь является предтечей большого

историко-этимологического словаря русских пословиц, над которым многие годы работает автор этой статьи. И здесь несомненно подвижнический труд В. П. Жукова остаётся одним из важнейших источников лексикографического вдохновения.

Краткий словарь-справочник «Давайте говорить правильно. Пословицы в современном русском языке» предназначен для широкого читателя. Как и в других справочниках этой серии («Трудности современного русского произношения и ударения», «Трудности грамматического управления в современном русском языке», «Трудности современной русской фразеологии. Краткий словарь-справочник», «Крылатые слова в современном русском языке» – см. Вербицкая, Богданова, Скляревская 2002 и др.), целью этого словаря остаётся компактная информация о трудных для понимания и употребления языковых единиц случаях. В предлагаемом Читателю словаре такими единицами являются русские пословицы.

Термин *пословица* здесь понимается традиционно – как меткое (как правило образное) изречение, обобщающее различные явления жизни и имеющее назидательный смысл, напр.: *Кто сказал «А», должен сказать и «Б»; Авось да небось до добра не доведут; Волков бояться – в лес не ходить; Москва слезам не верит; Язык до Киева доведёт*. Пословица, в отличие от других языковых единиц, которые уже стали предметом описания петербургской словарной серии для широкого читателя, не является столь целостной в формальном и семантическом отношении единицей, как слово или фразеологизм. Она имеет замкнутую синтаксическую структуру – структуру законченного предложения, что во многом определяет ее языковые и смысловые качества.

Отбор словника для данного Словаря так же, как и во фразеологическом словаре и словаре русских крылатых слов, подчинен принципу расшифровки непонятного для среднего русскоговорящего читателя образа пословицы. Как показывает опыт, «правильность» её употребления обычно предстает именно как проблема исходной мотивации и того исторического и культурологического содержания, которое в пословице заложено при её возникновении.

Информации такого рода, к сожалению, ни в общих толковых словарях русского языка, ни в большинстве фольклорных собраний русских пословиц и поговорок, ни в специальных словарях пословиц читатель практически не находит. В истории русской *пермиографии*, т. е. словарного описания пословиц, исключениями, пожалуй, являются монументальный двухтомный труд «Опыт русской фразеологии» М. И. Михельсона (Михельсон 1902-1903), а в новейшее время – собрание пословиц В. И. Зимина и А. С. Спирина „Пословицы и поговорки русского народа“ (2006), где даются краткие этимологические объяснения к некоторым пословицам. Разумеется, в богатейшем наследии русского фольклора малого жанра немало ценного материала для таких комментариев. В «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова (1966, 1991) немало важных данных для подобного комментирования фактов: относительно точная хронологизация, регистрации вариантов, имплицитный учет степени употребительности и т. д. Однако, задачи последовательного анализа внутренней формы русских пословиц до сих пор, к сожалению, ни один источник не ставил, несмотря на неизменный интерес читателей к этой ипостаси нашего малого фольклора.

Попытка целенаправленного историко-этимологического комментирования русских пословиц на широком фоне европейской паремиологии была предпринята в «Школьном словаре живых русских пословиц», составленного членами Петербургского фразеологического семинара Ю. А. Ермолаевой, А. А. Зайнульдиновым, Т. В. Кормилицыной, В. М. Мокиенко, Е. И. Селиверстовой, Н. Я. Якименко (Школьный словарь 2002). В качестве главного редактора этого словаря такую задачу выполнял

именно автор этих строк. В издаваемом ныне словаре серии «Правильно» поэтому обобщен и усовершенствован этот опыт историко-этимологического комментирования русских пословиц, уточнены некоторые параметры их лексикографирования, значительно расширен словник и европейские проекции сопоставления. Главное же – основной упор сделан не на презентации пословиц в современных текстах (что было главной целью Школьного словаря пословиц), а на расшифровке неизвестной (или недостаточно известной) Читателю мотивировки пословиц.

Объектом описания в словаре серии «Давайте говорить правильно» становится поэтому корпус русских пословиц, исходный образ который требует комментария. Хорошо известные, актуальные и часто воспроизводимые в литературном языке и живой речи пословицы с прозрачным образом и ясным происхождением (напр., *Без труда не вынешь и рыбку из пруда, Простота хуже воровства, Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше, Сердце не камень, Ум хорошо, а два лучше*) в словник поэтому не включены.

Взаимодействие «корректная этимологическая расшифровка» Ы1 «правильность» в паремиологии, как и при описании фразеологии и крылатых слов, разумеется, не всегда столь однозначно, прямолинейно и категорично, как этого бы хотелось нормализаторам. Хотя и для пословичного материала, как для фонетики, морфологии и лексики, «правильность» написания в целом действительно определяется этимологически корректной формой, соотносимой с другими формами языковой единицы, один лишь этимологический критерий здесь не всегда является самодостаточным для корректных рекомендаций в русле прямолинейной «культуры речи».

Разумеется, и здесь имеются случаи прямого искажения формы и содержания языковой единицы. Так, незнание происхождения и исходной формы пословицы *Не так страшен чёрт, как его малюют* приводит к «смешной» ошибке (как в детской речи, так и в речи мало осведомленных русских и русскоязычных) – *Не так страшен чёрт, как его малютка*. Ещё более казусным является искажённое употребление пословицы *Терпи казак – атаманом будешь: Терпи коза, а то мамой будешь*. Такого рода употребления кажутся анекдотичными, – да и нередко подаются в речи как пословичные анекдоты – однако, они зафиксированы и на улице, и в средствах массовой информации, и в современной литературе именно как факт языковой безграмотности. Так, один из партиархов отечественной фразеологии профессор Л. И. Ройзензон в начале 70-х годов XX в. экспериментально выявил в речи русскоговорящих узбеков весьма «осовремененное» понимание старой русской пословицы *Назвался груздем – полезай в кузов*. Оказалось, что слово кузов у большинства говорящих уже не связывается с народным бытовым значением – ‘короб, корзина для грибов, ягод и т. п. из лыка, прутьев или березовой коры’, а воспринимается как актуальное ныне обозначение части грузовой автомашины, служащей для размещения людей или грузов.

В таких случаях панацеей от возможных ошибок и является последовательный комментарий пословицы, причем комментарий не только «вещественный», но и лингвистический. Так, для последней пословицы в нашем словаре предлагается целый комплекс сведений, которые, как кажется, заинтересованному читателю помогут воссоздать всю лингво-культурологическую ауру пословицы о любимых русскими и многими славянами грибах:

«Пословица в народной речи имеет варианты *Назався груздем, лезь в кузов; Назвавшись груздем, полезай в кузов; Назвался грибом, полезай в кузов*; олон. *Ялся быть грибом, полезай в бурачок* (где *бурачок* – небольшой берестяной кузовок и др. Известна она и другим восточным славянам: бел. *Назваўся груздок, лезь у кош; Назваўся груздом – хутчэй у кошык; Падняўся грыбком – лезь у каробку; Калі*

назваўся грыбам, то лезь у каробку; Абазваўся грыбам, то лезь у боршч; (полесск.) *Калі не грыб, не лезь у каробку*; укр. *Коли назвався грибом, то лізь у кузов*; *Коли ся обрав грибом, то лізь у кошіль*; *Коли обрався грибом, то лізь у коробку*; *Набрався грибом – лізь у кіш*; *Коли-сь не гриб, не лізь у ківш*; *Обібрався грибом –лізь же в ківш*; *Коли обібрався грибом, то лізь у борщ*. Польские параллели тождественны по образу, но имеют несколько иную синтаксическую структуру: *Jeslis grzyb, lez w kosz* (букв. Если ты гриб, – лезь в кузов); *Taki to na swiecie tryb: masz do kosza, kiedys grzyb* (букв. На свете так заведено: тебе нужно полезать в корзину, если ты – гриб). Варианты показывают возможность широкой замены областного слова *кузов* – ‘короб, корзина для грибов, ягод и т. п. из лыка, прутьев или березовой коры’. В русской пословице более общее название гриба заменено конкретным, которое, видимо, произошло от сочетания *груздь гриб* – букв. ломкий гриб (ср. рус. *груда* и лит. *gruzdus* ‘ломкий’, объясняющие мотивировку прилагательного). Замена слова *гриб* именно *груздем* вызвана созвучием ритмического характера: *груздем* – *кузов*. Немаловажно, однако, и то, что *грузди* считались и считаются у русских одним из ценных видов грибов: уже в памятнике литературы XVI в., «Домострое» рекомендуется «грузди и рыжики солит» (гл. 45)).

Разумеется, каждая из выбираемых для такого рода комментариев пословица требует специального подхода, что определило как количество, так и качество излагаемых Читателю информации. В случае с заимствованной пословицей *Не так страшен чёрт, как его малюют*, напр., центр тяжести сделан на собственно языковой ее характеристике:

«Пословица – не исконно русская, о чем свидетельствует глагол немецкого происхождения *малевать* ‘рисовать, изображать’ (ср. нем. *malen* – ‘рисовать, красить’). Не исконна она и в других славянских языках, например, в польск.: *Nie taki diabel straszny, jak go maluja*. Широко распространена пословица в европейских языках – ср. нем.: *Der Teufel ist nicht so schwarz, wie man ihm malet*; англ. *The devil is not so black as he is painted* и др. В русский язык она попала в XVIII веке и активно распространилась в городском просторечии. Пословица отражает здоровый народный скептицизм и неверие в демонологические вымыслы».

Для пословицы же *Терпи, казак – атаманом будешь* историко-культурологическая информация выдвигается на передний план, хотя языковые детали – в первую очередь взаимодействие близкородственных языков и влияние украинского и русского фольклора на соседние славянские – конечно же, не упускается из виду:

«Пословица в русском языке – заимствование из украинского, где есть множество её вариантов, уточняющих исходный образ: *Терпи, козак, отоманом будеш*; *Терпи, хлопче, козаком будеш*; *Терпи, козаче, отоманом будеш*; *Терпи, козак, будеш їсти мед*; *Терпи, козак, будеш пити мед*; *Терпи козаче, горе, мед будеш пити*. Она восходит к XIV–XVII вв., когда крепостные крестьяне, холопы, обнищавшие горожане убегали и селились на окраинах (украинах) Русского государства. Этих людей, не признающих никакой зависимости, и называли казаками или вольными казаками. Позднее вольные казаки стали особой сословной группой со своим самоуправлением из выборных лиц. *Атаман (отоман)* – выборный начальник казачьего войска и военно-административной казачьей области в старину. Слово *казак* (как и *атаман*) – тюркского происхождения, буквально значащее «вольный, свободный человек».

На Украине вольный казак был одним из самых популярных героев фольклора. В трёхтомном собрании пословиц М. М. Пазяка зафиксировано 97 пословиц и поговорок о казаке с массой вариантов: *Де козак, там і слава*; *Життя собаче, зате слава козака*; *Козак без біди не заплаче*; *Коли козак у полі, то він на волі*; *Степ та воля – козацька доля* и др. В русском языке также издавна были известны пословицы о

казаках: *Купленный холоп, а не купленный – вольный козак; Бог не без милости, казак не без счастья; Лакома овца к соли, а казак (коза) – к воле* и т. п.

В русском языке пословица стала популярной благодаря повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», где её употребляет главный герой: «Терпи, казак, атаманом будешь! Не тот еще добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, ... кто всё вытерпит». О популярности пословицы свидетельствуют как постоянное употребление в современной литературе и публицистике, так и её шуточные переделки типа *Терпи, коза, а то – мамой будешь*.

Пословица, кроме русского, попала и в другие славянские языки: бел. *Цярні, казак, атаманам будзеи; Цярні казак а то будзець мак*; польск. *Cierp, Kozasze, atamanem bedziesz*; чеш. *Trp, kozase, budeš atamanem*. Близки по смыслу и собственно русские пословицы, напр.: *Терпение и труд все перетрут; Бей галку и ворону, руку набьешь, сокола убьешь*.

Как видим, именно «дозированная» и соизмеримая с внутренним содержанием пословицы информация и оказывается доминантным признаком «правильности» для пословиц, совмещающих в себе собственно языковые и самодовлеющие текстовые свойства.

Понимание «правильности» у пословиц имеет сейчас еще очень важную стилистическую ипостась и в связи с их усилившейся популярностью в живой речи, средствах массовой информации и интернете. Для многих журналистов, писателей, шоуменов, авторов рекламных «роликов», студентов и представителей самых разных социальных групп России пословицы стали своего рода инструментом и объектом языковой игры – так называемого «стёба». Как показывают материалы большого словаря «Антипословицы русского народа» (Вальтер, Мокиенко 2005), эта игра со словом выделялась в весьма мощный пласт современного фольклора. В переделку пословиц играют все, искажая их намеренно и непреднамеренно. В мощный поток таких переделок вливаются как остроумные, чистые струи подлинного юмора, так и мутные потоки пошлого зубоскальства, не только выворачивающего народную мудрость наизнанку, но и уничтожающие её форму и смысл. Всю шкалу таких трансформаций, например, демонстрируют антипословицы, взращённые на почве нашей патриархальной паремии *Баба с возу – кобыле легче* (Вальтер, Мокиенко 2005, 32-33):

Баба с возу – [и] волки сыты; Баба с возу – вузу легче: Баба с возу – вылетит, не поймает; Баба с возу – давай другую; Баба с возу – дальше будешь; Баба с возу – два сапога пара; Баба с возу – деду легче; Баба с возу – землетрясение в 5 баллов; Баба с возу – кобыла в курсе дела; Баба с возу – кобылой меньше; Баба с возу – конь в позу!; Баба с воза – ничто человеческое мне не чуждо; Баба с возу – потехе час; Бабу с возу могила исправит; И баба с возу, и волки сыты...

Толкуя в словаре эту пословицу и показывая, что патриархальные воззрения на женщину, заложенные в ней, не являются собственно русским, а относятся к периоду средневековых установлений европейского масштаба, автор этого словаря не приводит всей палитры антипословиц. Но имплицитно они были весьма важным аргументом для включения той или иной пословицы в корпус словаря. Ведь все они – свидетельство употребительности пословицы. Тем важнее оказывается в таких случаях задача комментатора – приоткрыть завесу неизвестного в известном.

Одна из традиционных задач раскрытия «правильности» речи – толкование устаревших, маргинальных и забытых единиц. Такого рода лексика в составе пословиц имеется, что и эту задачу делает актуальной и выполнимой. Пословицы «консервируют» немало архаичных, иноязычных или диалектных слов, требующих специального комментария. Такой комментарий в словаре дается по мере необходимости:

бацько – отец, пекло – ад (в пословице *Не лезь поперёк бацьки в пекло*); отростка – ‘отросток’ (*Какова берёзка, такова и отростка*); теля – теленок (*Ласковое теля два матки сосёт*); кесарь – ‘владыка, монарх’ (*Богу Богово, кесарю – кесарево*); алтын – ‘старая разменная монета в три копейки’ (*Не было ни гроша (ни денег), да вдруг алтын*); гуж – ‘кожаная или верёвочная петля в упряжи, которой соединяют хомут с оглоблями и дугой’ (*Взялся за гуж – не говори, что не дюж*); паче – ‘больше, лучше’ (*Смирение паче гордости*) и др.

Словарь русских пословиц из серии «Давайте говорить правильно» значительно отличается от предыдущих и тем, что здесь многие русские пословицы «просвечиваются» сквозь призму славянских и европейских параллелей. Тем самым русское не отрывается искусственно от европейского, а органически соотносится с ним, отражая реальную генетическую и универсально типологическую преемственность нашей общей культуры и близкого по духу фольклора. Европейские ценности, отражаемые русскими пословицами, во многом хранятся именно в языковых сусеках. Причины такого языкового параллелизма различны (они объясняются в комментариях к конкретным пословицам), но сам его факт имеет большую культурологическую ценность. Ср. несколько таких параллельных рядов, демонстрирующих русское на фоне интернационального:

Не всё то золото, что блестит – укр. *Не все то золото, що блищить*; польск. *Nie wszystko złoto, co się świeci*; нем. *Es ist nicht alles Gold, was glänzt*; англ. *All is not gold, that glitters*; *All that glitters is not gold*; франц. *Tout ce qui brille n'est pas or*; *Tout n'est pas ors qu'on voit luire*; итал. *Non u oro tutto quel che riluce*; лат. *Ne credas aurum, quidquid resplendet ut aurum*.

Клин клином выбивают – укр. *Клин клином виганяють*; польск. *Klin klinem wybija* (*sie wybija*); нем. *Ein Keil treibt den anderen*; франц. *Un clou chasse l'autre*; лат. *Clavum clavo ejiciendum* (*putant*); *Cuneus cuneum trudit*; др.-греч. *ἡλω τον ἡλον* (*ἐχρούειν*) *πατάλω τον πάταλον* и др.

Конь о четырёх ногах и тот потыкается; бел. *Конь на чатырох нагах спатыкаецца, чалавек адным языком памыліцца*; укр. *Кінь на чотирьох ногах та спотикається; Кінь на чотирьох ногах та й то ся спотикне; Кінь на чотирьох ногах та спотикається, а чоловік єдиним язиком говорячи, може помилитися; Кінь з чотирма ногами та спотикається [а чоловік тільки дві має]; Скотина й на чотирьох ногах спотикається, а людина – на двох* и др.; пол. *Kon ma cztery nogi i też się potknie*; нем. *Strauchelt doch auch ein Pferd und hat doch vier Beine*; франц. *Un cheval a quatre pieds et si schiet* (диал.), *Il n'est si bon cheval qui ne bronche*; лат. *Quadrupes in plano – quandoque cadit in pede sano* и т. п.

Дураков не сеют, не орут (не паирут), они сами растут (родятся) – бел. *Дурняў не сеюць, не жнуць; Дурняў не сеюць, а самі родзяцца*; укр. *Дурних не сіють, ні орють, а вони самі родяться; Дурнів ні сіють, ні паируть, а самі родять*; болг. *Лудите и несеяни никнат; Глупците никнат без да ги сееш*; польск. *Głupich nie trzeba siać, sami się rodzą*. Ср. нем. *Narren wachsen unbegossen*; англ. *Fools grow without watering*.

Своя рубашка ближе к телу – бел. *Свая кашуля бліжэй да цела*; укр. *Своя сорочка до тіла ближче*; болг. *Своя риза поблизо е до свое месо*; пол. *Blizsza koszula ciału [niż sukmana]*; чеш. *Blizsi kosile než kabát*; серб. *Своја је кошуља најближа*; словац. *Blizsia kosel'a ako kabát*; англ. *One's shirt is nearer [to the body] than the coat*; лат. *Tunica propior pallio est*, нем. *Das Hemd ist mir näher, als der Rock*, фр. *La chemise est plus proche que le pourpoint*; ит. *Stringe più la camicia che la gonnella* (*il giubbonne*); исп. *Mas cerca (Primero) están mis dientes, que mis (los) parientes* и др.

Такие параллели могут быть полезны и Читателю, владеющему иностранными языками или изучающему их. Ведь и здесь пословицы являются весьма ценным и интересным дидактическим материалом, стимулирующим обучение и повышение культуры речи.

Использование единого определяющего критерия для отбора единиц словарного описания имеет, как известно, свои плюсы и минусы. Плюсом в нашем случае явилась, как кажется, сама возможность из множества реально функционирующих пословиц русского языка (а их не менее 3 тысяч) отобрать минимальное количество именно таких, которые чреваты неправильным истолкованием и употреблением. Минусом такого отбора является определенная разнородность выделенного по доминирующему принципу корпуса пословиц. Они разнородны по таким характеристикам, как частотность функционирования в текстах разного типа, социальным и хронологическим параметрам происхождения, стилистической характеристике и тематическому диапазону. Разумеется, такая разнородность свойственна и всему «пословичному полю» русского языка в целом. Однако, в словаре с минимизированным корпусом пословиц она требует не только оговорки, но и корректной адекватной лексикографической квалификации.

СОСТАВ И СТРУКТУРА СЛОВАРЯ

Пословицы в словаре расположены по алфавиту опорного компонента, выделяемого как субвокабула, после которой следуют описываемые единицы. Заголовочная субвокабула и описываемые фразеологизмы приводятся с прописной буквы:

АВОСЬ

АВОСЬ ДА НЕБОСЬ (ДА КАК-НИБУДЬ) ДО ДОБРА НЕ ДОВЕДУТ (НЕ ДОВЕЗУТ).

ГОЛЬ

ГОЛЬ НА ВЫДУМКИ ХИТРА (ГОРАЗДА).

КАРАВАЙ

НА ЧУЖОЙ КАРАВАЙ РОТ (РТА) НЕ РАЗЕВАЙ, [А ПОРАНЫШЕ ВСТАВАЙ, ДА СВОЙ ЗАТЕВАЙ].

РАБОТАТЬ

КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НЕ ЕСТ.

ЯМА

НЕ РОЙ (НЕ КОПАЙ) ЯМУ ДРУГОМУ, [САМ В НЕЁ ПОПАДЕШЬ (УПАДЕШЬ)].

После заголовочной пословицы следует необходимая информация о ней: указываются варианты разного типа, даются стилистические пометы, толкование и, наконец, – справка о происхождении пословицы и иноязычные соответствия и параллели, помогающие объяснить ее исходный образ.

В Словаре отражены лишь наиболее актуальные варианты описываемых пословиц. Они подаются следующим образом:

а) Лексические варианты – в круглых скобках:

АВОСЬ ДА НЕБОСЬ (ДА КАК-НИБУДЬ) ДО ДОБРА НЕ ДОВЕДУТ (НЕ ДОВЕЗУТ).

ДУРНАЯ (ДУРЬЯ) ГОЛОВА НОГАМ ПОКОЮ НЕ ДАЁТ.

ТЕРПИ, КАЗАК, [БЕДУ], АТАМАНОМ (АТАМАН) БУДЕШЬ.

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку (воду).

ДОРОГО ЯИЧКО К ВЕЛИКУ (ВЕЛИКОМУ, СВЕТЛОМУ, ХРИСТОВУ) ДНЮ [А СЫР МОЛОДОЙ К ПЕТРОВУ ДНЮ].

б) Синтаксические (структурные) варианты, чаще всего – эллиптированные компоненты даются в ломаных скобках:

БОГ ДАСТ ДЕНЬ, [БОГ] ДАСТ [И] ПИЩУ.

НЕ ИГРАЙ (НЕ ШУТИ) С ОГНЁМ – [ОБОЖЖЁШЬСЯ].

НЕ РОЙ (НЕ КОПАЙ) ЯМУ ДРУГОМУ, [САМ В НЕЁ ПОПАДЁШЬ (УПАДЁШЬ)].

Принцип дифференциации посредством стилистических помет, использовавшийся в предшествующих справочниках серии «Говорите правильно!» нашел и в словаре пословиц широкое применение. Описываемые пословицы здесь сопровождаются конкретизирующими пометами 2 рангов:

1) сферы функционирования данной пословицы (*прост.*, *диал.*, *книжн.*, *публ.*, *устар.*, *нов.*);

2) экспрессивно-эмоциональной окраски (*шутл.*, *ирон.*, *одобр.*, *неодобр.*).

Стилистические пометы дают читателю сигнал активного/ пассивного употребления пословицы в литературном языке, а также указывают на рекомендуемое/ не рекомендуемое для активного ее использование. Так, помета *устар.* констатирует ослабленную активность употребления пословицы, хотя в ретроспективе, учитывая ее фиксацию в произведениях классиков, знание таких единиц и правильное их толкование – элемент современной культуры речи.

После стилистических помет каждая описываемая пословица снабжается дефиницией. Тем самым читатель получает истолкование ее актуального в современном литературном языке значения, напр.:

НЕ БОГИ ГОРШКИ ОБЖИГАЮТ (ЖГУТ), [А ТЕ ЖЕ ЛЮДИ]. *Любое дело можно освоить.*

ЛЮБОВЬ ЗЛА, ПОЛЮБИШЬ И КОЗЛА. *Прост., часто шутл. Любящий человек не замечает недостатков того, кого он любит. Говорится как совет не загадывать, кого полюбишь либо как оправдание любви к человеку, не достойному ее, с точки зрения говорящего.*

ЛУЧШЕ СИНИЦА В РУКЕ (В РУКАХ), ЧЕМ ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ. *Лучше реально обладать немногим, чем стремиться иметь что-л. большее, лучшее, но труднодостижимое, надеяться на что-л. в будущем.*

Центральной частью словарной статьи является, как уже указывалось, расшифровка исходного образа пословицы. Она, однако, включает параметры, необходимые для объективной историко-этимологической справки: культурологическую информацию, указание на исходную языковую принадлежность, уместные для конкретного случая иноязычные параллели, при заимствовании – языковой источник. Например:

ПЕРВЫЙ БЛИН [ВСЕГДА] КОМОМ. *Первая попытка обычно бывает неудачной (из-за недостатка опыта, навыков).*

Пословица, казалось бы, основана на чисто реальном бытовом наблюдении. Пока сковорода ещё недостаточно горяча, первый блин получается «скомканным», а не лепёшкой, плохо снимается со сковороды, если она недостаточно прогрета. Такая образная логика, действительно, повлияла как на современное значение пословицы, так и на её актуальную форму. Правда, аналогичные представления о неудачности первой попытки в пословицах других народов выражаются по-иному – напр., укр. *Перша чарка колом* (ср. рус. *Первая чарка колом, вторая - соколом*); польск. *Pierwsze koty za ploty; Pierwsze sliwki robaczywki* и т.п.

Чисто «материалистическое» объяснение русской пословицы, однако, вступает в противоречие с её древними, исходными вариантами. В старинных паремнологических собраниях она звучала иначе, чем сейчас: *Первый блин и тот колом* (1736 г.); *Первый блин да колом* (1741 г.). В них её смысл явно противоречит нынешнему.

И не случайно. В связи с ритуальным значением блинов на Руси (их ели на Масленицу, при поминальных обрядах, на свадебных пирах и т. п.) *первый блин* считался особым и отнюдь не «скомканным», неудачным. В Рязанской губернии, напр., при каждом обычном печении блинов, наливая на сковородку *первый блин*, призывают всех родственников присоединиться к трапезе. Там же перед погребением, выпекая блины для поминовения, *первый блин* кладут в головы покойника. В поминальных обрядах умерших родственников как бы приглашали *вкусить первый блин* (или заломленный хлеб). В Тамбовской губернии такой блин клали на слуховое окошко для родительских душ, в Калужской – в субботу перед Масленицей его оставляли на божнице «для родителей», в других местах первый блин несли на погост и просто клали на могилу. В некоторых губерниях России на Масленицу набожные женщины съедали *первый масленичный блин* за упокой усопших. Таким образом, *первый блин* предназначался усопшим, был своего рода данью предкам, обеспечивающей связь с загробным миром. Именно поэтому к его приготовлению нужно было относиться с особым тщанием. И если даже *первый блин*, столь «ответственный» для культа усопших предков, выходил комом, то человеку грозили бедствия.

Исходным вариантом пословицы, следовательно, был *Первый блин, да и тот комом*. Забвение старинного обряда привело к «подравниванию» смысла и формы пословицы к бытовым представлениям о выпечке блинов. Так из сакрального, благоговейно чтимого подношения умершим предкам первый блин превратился в пословице в свою противоположность.

ВСЯК (ВСЯКИЙ) КУЛИК СВОЁ БОЛОТО ХВАЛИТ. *Каждый хвалит то, что ему хорошо знакомо и дорого, что является близким или родным. Говорится, часто в шутку, когда кто-л. расхваливает место, где он живет, или дело, которым занимается.*

Пословица известна и украинцам – *Кожний (усяк) кулик своє болото хвалить*, хотя здесь более распространён вариант *Кожен (всяк) кулик до свого болота привик (звик)*; *Усякий кулик до свого озера привик*; *Знає кулик своє болото*. Пословица мотивирована, возможно, мифологическими ассоциациями с куликом (см. *Всяк кулик в своїм болоті велик*). «Привязанность» кулика к болоту отражают и некоторые другие восточнославянские пословицы, напр., укр. *Де кулик вилупиться, в тому болоті й*. Аналогичная модель (представленная другими образами) довольно распространена: рус. *Каждая курица свой насест хвалит* (см.); *Всякая лиса свой хвост хвалит (бережёт)*; *Всякий боярин свою милость хвалит*; *Всякий купец свой товар хвалит*; *Всяк своё хвалит*; *Всякая жаба себя хвалит*; *Всяка хохуля сама себя не похулит*; *Всякий старец свою сумку хвалит*; укр. *Кожна жаба своє болото хвалить*; пол. *Kazda liszka swój ogonek chwali* (букв. Каждая лисица свой хвост хвалит); *Kazdy ptak swe piorka chwali* (букв. Каждая птица свои пёрышка хвалит); чеш. *Každá liška svůj ňhàs ňhvalí* (букв. Каждая лисица свой хвост хвалит); нем. *Jedem Vogel gefällt sein Nest* (букв. Каждой птице нравится своё собственное гнездо); англ. *Every cock is proud on his own dunghill* (букв. Каждый петух гордится своей навозной кучей) и т. п. Близки по смыслу пословицы: *Всяк свое хвалит*; *Всякому мила своя сторона*; *Всякая лисица свой хвост хвалит*.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ. *Говорится о человеке, который преувеличивает опасность или видит ее там, где ее нет, дает волю своим необоснованным страхам.*

Пословица – древний интернационализм и встречается у разных народов, как славянских, так и неславянских, напр., бел. *У страху вочы вялікія (па яблыку)*; укр. *У*

страха великі очі, Страх має великі очі; пол.: *Strach ma wielkie oczy*; чеш. *Strach ma velke (velike) oci*; словацк. *Strach ma vel'ke oci*; болг. *На страха очите су големи*; серб. *У страху су велике очи*; нем. *Die Furcht hat große Augen*; англ. *Fear has big (magnifying) eyes*. Расширенные глаза – типичный признак испугавшегося человека, который от испуга готов и преувеличивать грозящую ему опасность.

В русском книжном языке пословица известна с XVII в. и зафиксирована во многих рукописных паремнологических сборниках. Близкий смысл имеют и другие пословицы: *Обжегся на молоке, дует на воду*; *Пуганая ворона куста боится*; *Битому псу (коту) только лозу (плеть) покажи*; *Не так страшен чёрт, как его малюют*; *У страха глаза, что плошки, а не видят ни крошки*.

Поскольку пословицы выражают древнюю мудрость, то она отлита в четкие формулировки, которые могут выражаться по-разному, создавая близкие по смыслу паремии. Предлагаемые синонимические ряды пословиц дают возможность выйти за пределы избранного составителем словника и предложить читателю значительный запас русской народной мудрости как внутри словарной статьи, так и в ее завершающей части. При этом большинство синонимичных пословиц либо комментируются в соответствующих частях словаря (они даются с отсылочной пометой см.), либо прозрачны по образу:

БЕРЕЖЁНОГО [И] БОГ БЕРЕЖЁТ. *Осмотрительность не помешает; опасности избежит тот, кто сам осторожен.*

Ср. пословицы *На Бога надейся, а сам не плошай*; *Бог-то Бог, да и сам не будь плох*.

ВОРОН ВОРОНУ ГЛАЗ (ГЛАЗА) НЕ ВЫКЛЮЕТ (НЕ ВЫКЛЮОНЕТ). Часто ирон., неодобр. *Люди одного и того же рода занятий, мыслей, поступков (чаще неблагоприятных) не будут ссориться, становиться друг другу поперек дороги.*

Близки по смыслу, но далеки по образности русские пословицы, характеризовавшие первоначально воровскую круговую поруку: *Вор на вора не челобитчик*; *Вор на воре не ищет*; *Вор вора покрывает*.

ЛУЧШЕ СИНИЦА В РУКЕ (В РУКАХ), ЧЕМ ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ. *Лучше реально обладать немногим, чем стремиться иметь что-л. большее, лучшее, но труднодоступное, надеяться на что-л. в будущем.*

Пословица известна в нескольких вариантах: *Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки!* *Синица в руках лучше журавля в небе*; *Не сули журавля в небе, [а] дай синицу в руки*; *Синица в руках лучше соловья в лесу*; *Не сули журавля в год, а хоть синичку до ворот*; *Журавль в небе не добыча* и под. Противопоставление именно журавля синице характерно лишь для русского и белорусского фольклора — ср. белор.: *Лепш сініца ў руках (ў шапцы), чым журавель ў небе...* Многие русские пословицы и поговорки подчеркивают малые размеры, незаметность и будничность этой птички: *Не велика птичка синичка*; *Синица не птица, а прапорищик не офицер*; *Синичку хоть в пиричку, а толще не будет*. При этом – в соответствии с диалектикой народного мышления – в некоторых пословицах отмечается, что в случае необходимости и такая невзрачная птичка может пригодиться: *Мала птичка, да ноготок остер*; *За морем и синица птица (там всё едят)*; *Не величка синичка, да та же птичка*. Ср. синоним с иной образностью: *Ближняя соломка лучше дальнего сенца*.

Комбинация толкования, стилистических помет и синонимов, как кажется, создает относительно полную картину реального функционирования пословиц в современном русском языке. Разумеется, полнокровному воссозданию такой картины способствовало бы и приведение контекстных иллюстраций, которые даются некоторыми русскими словарями пословиц (Михельсон 1902-1903; Жуков 1991; Школьный словарь 2002). От этого параметра словарной статьи в данном случае пришлось, к

сожалению, отказаться из-за заданной жанром минимизации места.

Таким образом, предлагаемый в качестве подарка Юбиляру словарь ориентирован на такие параметры описания русских пословиц, которые позволяют не только обратить внимание на случаи ошибочного употребления, но и демонстрируют мощный культурологический потенциал малого жанра русского фольклора. Малого, но весьма весомого и ценного. Ибо, по-пословичному:

МАЛ ЗОЛОТНИК, ДА ДОРОГ.

В какой-то степени эта пословица стала судьбоносной для фразеологической династии новгородцев Жуковых. Ведь и Марина Евгеньевна, супруга Анатолия Власовича, занимается дидактикой пословиц, и их сыну – Жукову Младшему не чужда паремнологическая тема. И быть может, один из контекстов, иллюстрирующих эту пословицу в неувядающем «Словаре русских пословиц и поговорок» (1966, 217), В. П. Жуковым был включён в этот тезаурус как некое семейное предсказание: «Но ещё лучше и милее младший брат Иван Малый. Вот уж воистину *Мал золотник, да дорог!* Иван Малый хоть ростом и не вышел, а работает за троих». Н. Мордвинов. Весенняя пора.

Пожелаем же Юбиляру, чтобы и сын его, и внуки и правнуки, освоив теорию переходности, «работали за троих» на фразеологическом поприще, продолжая дело своих дедов и отцов.

ЛИТЕРАТУРА

Вальтер, Мокиенко 2005: Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. - 578 с.

Вербицкая, Богданова, Складневская 2002: Вербицкая Л.А., Богданова Н.В., Складневская Г.Н. Давайте говорить правильно! Трудности современного русского произношения и ударения. Краткий словарь-справочник. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 160 с.

Жуков 1966; 1991: Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 535 с.; 2-е и 3-е изд. (стереотип.) М. 1967; 4-е изд., испр. и доп. М.: «Русский язык», 1991. – 534 с.

Жуков 1996: Жуков А.В. Переходные фразеологические явления в русском языке. – Новгород: изд-во НовГУ, 1996. – 135 с.

Жуков 2002: Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. Проспект. – Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2002. – 139 с.

Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. – Изд. 3-2, стереотипное. – Ростов н/Дону: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006. – 544 с.

Михельсон 1902-1903; 1994: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В.М.Мокиенко. - М.: «Русские словари», 1994. - Т. 1 - 779 с. Т. 2. - 580+250 с.

Школьный словарь 2002: Школьный словарь живых русских пословиц. Сост.: Ю.А. Ермолаева, А.А. Зайнульдинов, Т.В. Кормилицына, В.М. Мокиенко, Е.И. Селиверстова, Н.Я. Якименко. Гл. ред. В.М. Мокиенко, редакторы: Е.К. Николаева, Е.И. Селиверстова. – СПб.: «Издательский дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 352 с.

Т.Г. Никитина,
Е.И. Рогалева (Псков)

НАРОДНАЯ ПРИМЕТА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Без примет ходу нет; кто не верит примете, нет тому житья на свете; Не примечать – и хлебушка не едать – так в старину определяли роль приметы в жизни человека. Четко осознавалась кумулятивная (в современном понимании) функция, прагматическая ценность примет, которые в своей совокупности составляют своеобразную базу данных, структурирующую многовековой опыт народного прогнозирования, передаваемый из поколения в поколение: *Старики примечали и нам наказали*.

Каждая из приведенных выше «паремий о паремиях» – пословиц и приметах – могла бы стать эпиграфом к Большому словарю народных примет, который, по нашим подсчетам, может объединить около 15 тыс. единиц, т.е. стать самым полным в отечественной лексикографии собранием прогностических паремий.

Источниками материала для словаря станут паремиологические сборники XIX–XXI веков, средства массовой информации, интернет-сайты, устная речь (фиксации последних 10 лет).

В отличие от всех имеющихся сборников примет предлагаемая концепция предусматривает библиографическую паспортизацию материала: каждая паремия сопровождается указанием источников, в которых она зафиксирована: *Большие дождевые пузыри* – к большим дождям (Даль 1957, с. 919; Грушко, Медведев 2000, с. 298; Arhangel-2006); *Много желудей на дубу* – к теплой зиме (Даль 1957, с. 912; Ермолов 1905, с. 11; Bio-2006; Otmech-2006; Smeha-2006).

Пространственно-временные параметры функционирования примет отражают географические пометы и датировку источника в словарной статье или в библиографическом списке: *Если осенью появится много зайцев, то это предвещает суровую зиму*. Кубан. (Nbyt-2006); *Сломать ноготь на указательном пальце* – к дороге. СПб. (Запись 2007 г.).

Система лингвокультурологического комментирования примет включает изъяснение компонентов-диалектизмов непосредственно в рамках заголовочной единицы: *Дождевница /зяблик/ засвищет* – к дождю. Пск. (Мельникова 2004, с. 243); *Канюк /чайка/ закричит* – к дождю. Арх. (Сими́на 1981, с. 105); *Конюх /чибис/ кричит: пить, пить* — к дождю Смол. (Nbyt-2006). *Если летом очень много чемерицы /*

полевого осота/ — зимою будет очень холодно. Чуваш. (Nbyt-2006).

Компоненты-символы получают более развернутый комментарий, который позволяет осмыслить механизм формирования прогностической семантики паремий:

МОНАХ: *Встретить монаха — к несчастью* (Paga-2006). (Ср. также: *Встретишь монашку — будешь плакать или весь день будет плохое настроение* (Народные приметы 2004, с. 23); *Встретится поп, монахиня — удачи не будет* (Pgos-2006); *Видеть себя во сне монахом — к бедности* (Лунина 2003, с. 88.) ** Приметы, в которых присутствует образ монаха, священника, одетого в черное, строятся на символике черного цвета, который в мифологических представлениях русского человека является цветом зла, коварства, опасной неизвестности.

ЗЕРКАЛО: *Зеркало разбилось — к беде (к худу)* (Зимин, Спирин 1996, с. 427; Сими́на 1981, 111; Народные приметы 2004, 20; Воробьев, Гамаюнов 2004, с. 27). (Ср. также: *Глядеться во сне в зеркало — к болезни* (Paga-2006); *Зеркало разбить — 7 лет несчастий* (Kul-2006); *Зеркало снится — к несчастью* (Русанова 2006, с. 94); *Зеркало треснуло — жди беды* (Воробьев, Гамаюнов 2004, с. 26); *Молния отразилась в зеркале — быть беде.* Пск. (Запись 2000 г.); *Нельзя вешать зеркало в спальне — это может тебе навредить.* (Воробьев, Гамаюнов 2004, с. 29); *Нельзя подсматривать в зеркало отражение другого человека — можно навредить ему* (Воробьев, Гамаюнов 2004, с. 29). ** Символика зеркала у славянских народов строится на осмыслении основных свойств и функций зеркала — отражения и удвоения. Зеркало воспринимается как граница между земным и потусторонним миром, оно считается опасным предметом, обращение с которым требует особой осторожности. То, что можно увидеть в зеркале, принадлежит потустороннему миру и относится к области смерти и нечистой силы. Принято считать, что особую опасность для людей зеркало представляет ночью, в то опасное время, которое принадлежит потусторонним силам. Подсматривая за чужим отражением, человек вторгается в очень интимные процессы и может нанести вред другим людям. Все это обусловило многочисленные запреты, распространяющиеся на зеркало в славянской традиции.

Культурологически ценную информацию содержат и примечания-«инструкции» по нейтрализации примет: *Зеркало разбить — к худу* (Даль 1957, с. 925; Arhangel-2006). ** Чтобы нейтрализовать примету, нужно попросить кого-л. похлопать вас по спине (Народные приметы 2004, с. 20). Обязательно вынести осколки из дома и сразу же купить новое зеркало (Eldars-2005). Осколки зеркала зарыть в землю (Slo-2005). Крупные осколки окрасить черным или погрузить в воду (Kul-2006). Беду можно отнести такими словами: «Зеркало разбивается, беда рабы (имя) не касается» (Pochaly-2006). *Рассыпать соль — к ссоре [чем больше соли, тем тяжелее ссора]* (Даль 1957, с. 936; Зимин, Спирин 1996, с. 431; Paga-2006; Arhangel-2006). ** Чтобы нейтрализовать примету, нужно засмеяться или дать ударить себя по лбу (Забылин 1880, с. 277). Чтобы примета не сбылась, надо посмеяться или посыпать солью голову. (Народные приметы 2004, с. 14). Все может обойтись, если просыпанную соль тремя щепотками перекинуть (пересыпать) через левое плечо или посмеяться (Eldars-2005).

Закрепленность народной приметы за определенной сферой жизнедеятельности человека определяет выбор тематического принципа организации материала в словаре.

Первым опытом тематической репрезентации примет стал словарь В.И. Даля «Пословицы и поговорки русского народа» (1861-1862), где приметы представлены под рубриками «Человек-приметы», «Суеверия-приметы». Отдельные прогностические паремии вошли в разделы «Месяцеслов» и «Земледелие», они затрагивают природные явления и сельскохозяйственные трудовые процессы.

В сборнике М. Забылина (1880) «Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия» четко выделяются «хозяйственные приметы», отражающие календарь земледельца, и погодные приметы «по солнцу и облакам». В разделе «Приметы и симпатии» под интригующими заголовками представлены группы суевренных примет: «Ворон-предсказатель», «Предчувствие тараканов», «Отламывать лишний кусок хлеба» и т.п.

В сборниках XX века помимо метеорологических и тесно связанных с ними земледельческих примет все чаще появляются материалы профессиональных сфер: охотничьи, рыболовецкие, ремесленные, скотоводческие, пчеловодческие приметы (Минько, 1973; Шахнович, 1984).

В.П. Аникин (2001) выделяет два крупных блока примет: погодные (календарные и отражающие наблюдения за поведением животных и птиц) и бытовые (житейские).

Е.А. Грушко и Ю.М. Медведев, авторы «Энциклопедии русских примет» (2000), располагают тематические группы примет в алфавитном порядке. В.И. Зимин и А.С. Спиринов, посвятившие приметам две главы своего словаря «Пословицы и поговорки русского народа» (1996), пытаются соблюсти определенную логическую последовательность расположения тематических групп («Человек» - «Общество» - «Труд» - «Крестьянский труд» - «Достаток» и т.п.), но не ставят задачу научно систематизировать материал.

Анализ упомянутых выше и других паремнографических источников позволяет заключить, что тематическая классификация примет не всегда производится с учетом их логической структуры. Примета, как известно, состоит из двух частей: первая часть обычно отражает наблюдаемый факт (*ласточки летают низко*), на основе которого строится прогноз, передаваемый во второй части (*будет дождь*). Адекватная тематическая систематизация примет, в отличие от паремий других типов, непременно должна быть двухмерной, учитывающей как сферу прогноза, так и сферу наблюдения.

В I части Большого словаря народных примет материал группируется по тематическим рубрикам, отражающим сферу прогноза. Темы располагаются по алфавиту: АВАРИЯ, АВТОМОБИЛЬ, АЛКОГОЛИЗМ, АППЕТИТ, АРЕСТ, БАБЬЕ ЛЕТО, БЕДА, БЕДНОСТЬ и т.п. Отдельные наиболее крупные рубрики допускают дальнейшее структурирование по тематико-идеографическому принципу – ЗИМА: - *суровая зима*; - *мягкая, умеренная зима*; - *снежная зима*, - *бесснежная зима* и т.п.; РЫБАЛКА: - *удачная рыбалка*; - *неудачная рыбалка*; ЭКЗАМЕН: - *успешная сдача экзамена*; - *провал на экзамене* и т.п. Внутри рубрик приметы располагаются в алфавитном порядке (по первой букве первого компонента):

РЫБАЛКА

- Удачная рыбалка:

В ведро, куда предполагается сажать пойманную рыбу, не наливай воды, пока первая рыба не поймана, - это принесет удачу (Народные приметы 2004, с. 36).

Если первый гром прогремит в постный день, летом будет ловиться рыба (Smeha-2006).

Если первый гром застанет рыбу подо льдом, будет хороший улов. Перм. (Грушко, Медведев 2000, с. 320; Nbyt-2006).

Если пойдет на Благовещенье (7 апреля) дождик, то рыболовы могут надеяться на удачный улов рыбы (Neptun-2006).

Если рыболову попалась мелкая рыбешка, надо посечь ее со словами: “Пошли отца, пошли мать, пошли тетку” и отпустить в реку, чтобы попалась крупная

рыба (Народные приметы 2004, с. 38).

И т.п.

- Неудачная рыбалка:

Дует ветер береговой – с рыбой не придешь домой (Каланов 2001, с. 37).

Если во время багрения рыбы на багор попадется лягушка – ни одной рыбы не поймаешь (Забылин 1880, с. 271).

Если пошел на рыбалку и первой встретил женщину или насмешливого человека – удачи не будет (Народные приметы 2004, с. 34-35).

Если рыбак начнет пересчитывать пойманных рыб, в этот день он больше ничего не поймает (Зед 2005, с. 98).

Ерш в первом улове – к неудачному промыслу (Даль 1957, с. 940; Народные приметы 2004, с. 37).

И т.п.

ЭКЗАМЕН

- Успешная сдача экзамена:

Если в день экзамена дождь – преподаватель не злобствует. Студ. (Запись 2007).

Если перед экзаменом упала тетрадь, нужно на ней посидеть – сдашь хорошо. Студ. (Запись 2007).

Если проезжаешь под мостом, а по мосту в это время идет электричка – сдашь экзамен успешно. Студ. (Mgmsu-2006).

Перед экзаменом мама сдающего экзамен ученика должна опустить палец в чернила. Шк. (Times-2006).

Чтобы успешно сдать экзамен, положи в карман чернослив; перед тем, как взять билет, натри черносливом руки, чтобы к ним прилипла хорошая оценка. Студ. (Mgmsu-2006).

И т.п.

- Провал на экзамене:

Если в день экзамена пасмурно, идет дождь, метель и т.п. – сдашь плохо. Студ., шк. (Запись 2006 г.).

Если по дороге на экзамен наступишь на крышку канализационного люка – тебе крышка. Студ. (Mgmsu-2006). * Для того, чтобы “отдать неудачу”, нужно чего-нибудь коснуться рукой.

Если сообщишь знакомым дату экзамена – сглазят. Студ. (Allguu-2007).

Нельзя делать серьезные покупки перед экзаменом – вместе с большими деньгами отдашь большую удачу. Студ. (Allguu-2007).

Ни в коем случае нельзя мыться перед экзаменом, а также стричься и красить волосы – не сдашь. Студ. (Mati-2005).

И т.п.

Алфавитный порядок внутри рубрик избран и для расположения материала во второй части словаря, однако рубрики здесь отражают сферу наблюдения (АВТО-РУЧКА, БЕЛКА, ЗАЧЕТКА, МУРАВЕЙ, РЫБА и т.п.).

РЫБА

Когда рыба ловится в изобилии – ожидают голодного года (Ермолов 1905, с. 103).

Когда рыбно – то и голодно (Ермолов 1905, с. 103).

Поймать во сне живую рыбу – к богатому замужеству (Черныш, Козловский 1990, с. 51).

Рыба снится – к беспокойству, болезни (Mill-2006).

Рыбы выскакивают из воды, плещутся, ловят насекомых – будет гроза (Nbyt-2006).

Тухлая рыба снится - к деньгам, [неожиданному] богатству. (Черныш, Козловский 1990, с. 51).

И т.п.

ЗАЧЕТКА

Место будущей оценки в зачетке можно намазать спиртом или водкой – “халява” /удача/ прилипнет охотнее. Студ. (Mgmsu-2006).

Ни при каких обстоятельствах никому не показывай зачетку до конца сессии, если не хочешь завалов. Студ. (Mati-2005).

Перед экзаменом нужно посыпать хлебные крошки на раскрытую зачетку – прикормить “халяву” - удачу. Студ. (Mgmsu-2006).

Перед экзаменом полезно посидеть на зачетке. Студ. (Запись 2006).

Уронить зачетку – к удаче на экзамене. Студ. (Запись 2007).

Чтобы успешно сдавать все экзамены, нельзя ставить личную подпись в зачетной книжке до окончания последней сессии. Студ. (Запись 2007).

Чтобы успешно сдать экзамен, нужно в полночь высунуться из окна, раскрыть зачетку и прокричать: «Ловись, халява, большая и маленькая!», затем зачетку, как ловушку, захлопнуть, перевязать ниткой и бережно хранить до экзамена, для положив в пакет или в морозильник. Студ. (Mati-2005).

И т.п.

Два тематических «входа», два типа доступа к основному массиву примет значительно повышают информативность словаря и его практическую ценность (с точки зрения житейского сознания). Рядовой носитель русского языка, заинтересованный/незаинтересованный в чем-либо и идущий от соответствующей темы (БРАК, ВЫПИВКА, ОБМАН, УДАЧА и т.п.), в первой части словаря получит полный набор признаков осуществления/неосуществления, наступления/ненаступления желаемого (нежелаемого) факта, события.

Вторая часть словаря подскажет ему, за какими реалиями окружающего мира нужно наблюдать, чтобы всегда быть в курсе предстоящих событий и каким прогнозическим подтекстом обладают те или иные природные явления, поступки близких людей, поведение животных.

Ученым-лингвистам, культурологам, лингвокультурологам, социолингвистам, психолингвистам первая часть словаря позволит сделать выводы о приоритетах житейского сознания, об особенностях русской языковой картины мира на тех ее участках, где приметы выступают как целостные лингвокультуры. Вторая часть словаря, раскрывающая этнокультурный потенциал отдельных компонентов примет, в том числе слов-символов, даст возможность пополнить реконструкцию языковой картины мира новыми сведениями лингвокультурологического характера.

В словарь войдут не только традиционные народные приметы, аккумулирующие многовековой опыт прогнозирования событий на основе реальных связей и символики вещей, но и юмористические приметы-«приколы». Их объединит Часть 3 (с алфавитным расположением материала). Подобные единицы пословичного типа (*баба с возу вылетит – не поймает*) уже нашли отражение в словаре Х.Вальтера и В.М.Мокиенко «Антипословицы русского народа» (2006). Приметы, создаваемые с целью реализации комического эффекта, не менее оригинальны, не менее популярны и безусловно заслуживают лексикографической фиксации, как факты современ-

ного народного паремийотворчества:

Если вам перебегают дорогу черная кошка, черная мышка, черная Жучка, черная внучка, а за ними ползет черная бабка, значит дедка выкопал не репку, а высоковольтный кабель (Молоток, 2006, № 44, 52).

Если вы заблудились в лесу, а компаса под рукой нет, дождитесь осени - птицы полетят на юг (Bknt-2006).

Если вы проснулись утром и вам не надо вставать, значит, вы спали стоя (Kamishin-2006).

Если пришел в первом часу ночи от любовницы, а жена и теща делают вид, что ничего не произошло – значит, еда отравлена, топор наточен: спать нельзя – а то зарубят (Izbushka-2007).

Чтобы в лесу узнать, где юг, нужно посмотреть на дерево. Если дерево - пальма, то юг уже здесь (Bknt-2006).

И т.п.

Нашли отражение в словаре и приметы-регионализмы (Часть 4), записанные в Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде, Пскове, других городах России и ближнего зарубежья: *За последние годы в Белоруси сложилась народная примета: если президент Белоруси специально занялся решением какой-нибудь проблемы – быть беде* (Nmn-2005); *В Грузии сложилась уже новая примета: если Березовский встречается с Патаркацишвили - жди беды* (Abkh-2003), а также приметы-локализмы, бытующие в определенных коллективах – трудовых, учебных, спортивных, досуговых: *Если у нас в комнате порядок /в общежитии/, то в гости никто не придет* (Запись 2007 г.); *Если кто-то женился /в команде «Зенит»/ - значит будет серебро* (Fc-zenit-2000); *А у нас в лицее есть примета - если уходишь с пары - обязательно встретишь завуча Марго* (Запись 2007 г.).

Определенный интерес для лингвоперсонологии и для рядового носителя русского языка будут представлять “личные”, индивидуальные приметы, которые объединит заключительная часть Словаря:

Если надену украшения с красными камнями – обязательно познакомлюсь с красивым парнем (Запись 2007 г.).

Если с утра никто не напишет мне SMS – день неудачный (Запись 2007 г.).

Если утром, выходя из общаги /из общежития/, не поздороваюсь с тетей Валей /вахтерша/ - днем в чем-то не повезет (Запись 2007 г.).

Забуду дома мобильник – весь день суматоха (Запись 2006 г.).

Забуду утром накрасить губы – весь день невезуха (Запись 2007 г.).

И т.п.

Таким образом, предлагаемая концепция позволит отразить реальное состояние фонда русских примет и наметившиеся здесь паремийообразовательные тенденции, а также показать возможности лексикографической параметризации примет как особого типа русских паремий.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М., 2001.
Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб., 2006.
Воробьев К.В., Гамаюнов Б.П. Приметы – подсказки на все случаи жизни. – СПб., 2004.
Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Энциклопедия русских примет. М., 2000.

- Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
- Ермолов А.С.* Народные приметы на урожай. СПб., 1905.
- Забылин М.* Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Зед С.* Приметы и суеверия. Полное руководство. М.-СПб., 2005.
- Зимин В.И., Спирин А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М., 1996.
- Каланов Н.* Словарь пословиц и поговорок о море. М., 2001.
- Лунина Т.Н.* Перешла дорожку кошка: Народные приметы, толкования сновидений, гадания. – М., Донецк, 2003.
- Мельникова Е.Г.* Парадигматические отношения в лексике (на материале наименований погоды в псковских говорах). Дисс. ... канд. филол. наук. Псков, 2004.
- Минько Л.И.* Суеверия и приметы. Минск, 1975.
- Молоток. Еженедельник.
- Народные приметы. Кострома, 2004.
- Русанова Е.С.* Сонник. СПб., 2006.
- Симина Г.Я.* Народные приметы и поверья Пинежья // Русский фольклор, XXI. Поэтика русского фольклора. М., 1981. – С.99-114.
- Черныш В., Козловский Ю.* Секреты знахаря. Хмельницк, 1990.
- Шахнович М.И.* Приметы верные и суеверные. Л., 1984.
- Abkh-2003: <http://www.abkhaziya.org>
- Allguu-2007: <http://forum.allguu.ru>
- Arhangel-2005-2006: <http://www.arhangel.ru>
- Bio-2006: <http://www.biografia.ru>
- Bknt-2006: <http://www/bknt.ru/humor/>
- Eldars-2005: <http://eldars.sitecity.ru>
- Fc-zenit-2000-2005: <http://www.fc-zenit.ru>
- Izbushka-2007: <http://www.izbushka.org>
- Kamishin-2006: <http://times.kamishin.ru>
- Kul-2006: <http://www.kulichki.com>
- Mati-2005: <http://www.mati.ru/magazine/archive>
- Mgmsu-2006-2007: <http://www.mgmsu.ru>
- Nbyt-2006: <http://nbyt.steeka.com/pages/primet>
- Neptun-2006: <http://www.neptun8.ru>
- Nmn-2005: www.nmn.by
- Otmech-2006: // <http://www.otmechaem.narod.ru>
- Paga-2006: <http://paganism.msk.ru>
- Pochaly-2006: <http://www.pochaly.narod.ru>
- Pros-2006: <http://pros.org.ru>
- Slo-2005: <http://sloboda/kharkov.ua>
- Smeha-2005-2006: <http://www.smeha.net/narod/primety>
- Times-2006: <http://times248.narod.ru>

Л.А. Петрова
(Великий Новгород)

ТИПЫ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Лексикографическая (фразеографическая и паремиографическая) практика всегда связана с определенным отбором языковых единиц, то есть предполагает ограничение языкового материала, входящего в состав словника словаря любого типа. Если учесть, что один из первых паремиологических сборников был составлен в XVII веке, то следует признать, что на протяжении почти трех веков сложились разные по объему типы паремиологических словарей. Все их многообразие, включая словари последних десятилетий, можно свести к трем типам: 1) **словарь-максимум**, ориентированный на максимально полное отражение состава ПЕ в русском языке в период создания словаря; 2) **словарь-оптимум**, отражающий состав паремий, входящий, как представляется, в число элементов общерусского языкового типа; 3) **словарь-минимум**, соотносённый с речевым паремиологическим минимумом и соответствующий паремиологической составляющей лексикона усредненной языковой личности.

Общепризнанным образцом словаря первого типа является сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля, состоящий из 179 разделов, включающих свыше 30 тысяч единиц, который можно назвать уникальной сокровищницей народного языка. Источником для сборника В.И. Даля послужила живая народная речь, богатая пословицами и поговорками. В предисловии к сборнику В.И. Даль писал: «Источниками же или запасом для сборника служили ... *живой русский язык*, а более – *речь народа*» (Даль 1957, с. 6). Свыше 30 тысяч записанных текстов, дали разнообразный материал, объединенный автором общим обозначением «пословицы». В «Напутном» слове к сборнику В.И. Даль дает определение пословиц и других устойчивых речений, отмечает своеобразие их рифмо-ритмической организации, говорит о народных истоках пословиц, об отражении в них народной философии, показывает историю происхождения отдельных единиц. Краткие пояснения, уточняющие значение, ситуацию употребления или содержащие историко-этимологические сведения, даются непосредственно в словарной статье. Создавая сборник пословиц, В.И. Даль стремился в первую очередь систематизировать и издать материалы народной речи, показать умение народа складно, образно выразить свою мысль. Весь, не такой уж многочисленный, смежный материал – загадки, разновидности образной народной речи – не затемняют, не отодвигают на второй план пословиц и поговорок. Именно пословицы и поговорки предстают в сборнике В.И. Даля основным, все определяю-

щим материалом, полностью оправдывающим название книги: «Пословицы русского народа».

Стремление максимально полно представить пословицы, закрепившие народное мировоззрение, народную мудрость, повлияло даже на отказ В.И. Даля от алфавитного построения своего сборника. В «Напутном» он обосновывает принцип расположения «по смыслу их, по значению внутреннему, переносному, как притч...». Не сомневаюсь, что это лучший из всех порядков, в каком бы можно было представить все народные изречения для обзора, сравнения, оценки и уразумения их и для общего из них вывода» (Там же, с. 27-28). Современные исследователи отмечают, что выделенные разделы и порядок их расположения воспроизводят структуру сознания русского общества середины XIX века, так как пословицы являются устойчивой и хранимой обществом системой общих мест, или топов. «Топы – это категории, в которых человеческое сознание осмысляет, классифицирует и оценивает действительность» (Шуйская 2002, с. 222). Название и порядок расположения разделов в Словаре В.И. Даля отражают актуальность и значимость объединенных в них пословиц для носителей русского языка (например, Бог – вера; Вера – грех, Суд – правда, Правда – кривда, Кара – милость и т.д.).

Как представляется, словарем-оптимумом является Словарь русских пословиц и поговорок В.П. Жукова. К такому словарю вполне применимо высказывание П.Н. Денисова, писавшего: «Словарный запас индивида меньше универсального синхронного словника. Но у каждого коренного носителя есть твердая субъективная уверенность в полном и свободном владении словарным составом своего родного языка» (Денисов 1980, с. 20-21). Цель Словаря пословиц и поговорок, как указывает его автор, состоит в том, чтобы выявить наиболее употребительные пословицы и поговорки, встречающиеся в текстах художественных и публицистических произведений XIX – XX вв.; раскрыть смысл пословиц и поговорок, имеющих переносное содержание; показать, как употребляются пословицы и поговорки в художественной литературе.

Научно-теоретическое значение Словаря проявляется, в том, что впервые в лексикографической практике разработаны и осуществлены принципы составления **толкового** словаря пословиц и поговорок; отобран, определенным образом классифицирован и описан богатейший языковой материал в соответствии с паремиологической концепцией В.П. Жукова, расходящейся с традиционной трактовкой пословиц и поговорок. В нем зарегистрировано около 1000 пословиц и поговорок, что соответствует в целом спискам употребительных русских паремий, полученных позднее экспериментальным путем (см., например, список Г.Л. Пермякова, включающий 1495 единиц). Состав его словника определяется, в основном, степенью употребительности паремий в языке художественной и публицистической литературы XIX – XX веков, причем в качестве дополнительного критерия отбора материала используется бытование в современном русском языке (Жуков 2000, с. 25).

Каркас словарной статьи складывается из нескольких элементов: единица и ее структурные варианты; стилистическая помета; толкование значения; ситуативно-контекстуальная характеристика; подача синонимов; иллюстрации употребления пословиц и поговорок в тексте; справочная часть, состоящая из историко-этимологической характеристики единицы, указания на источник ее происхождения и перечня ее форм в сборниках пословиц и поговорок. Словарные статьи располагаются по алфавиту первых компонентов основного состава единиц. В словаре объясняется значение не всех пословиц, а только тех, смысл которых по тем или иным причинам не определяется ее компонентами. Пословицы и поговорки, употребляющиеся в буквальном смысле,

могут иметь лишь ситуативно-контекстуальную характеристику.

Словарь В.П. Жукова представляет собой серьезный вклад в лексикографическую разработку русских паремий. Предложенные в нем принципы словарной фиксации пословиц и поговорок стали образцом составления словарных статей в паремиологических словарях разного объема и назначения, а его материалы использовались и используются в качестве источника других словарей этого типа (см., например, Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа 2006; Мокиенко В.М. Школьный словарь живых русских пословиц 2002; Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки, крылатые выражения 1979 и др.).

Таким образом, Словарь В.П. Жукова обладает всеми признаками словаря-оптима: во-первых, он составлен из употребительных единиц, их данные зафиксированы в текстах русской художественной литературы и представлены в других словарях русских паремий. Во-вторых, для него характерна строгость и точность в отборе языковых фактов на основе выверенных научных критериев. В-третьих, теоретическую основу словаря составляет оригинальная научная паремиологическая концепция, ограничивающая пословично-поговорочную сферу от фразеологических единиц (далее ФЕ). В-четвертых, все приведенные в словаре единицы сопровождаются логическим описанием их содержания, а в отдельных случаях дается их контекстуально-ситуативная характеристика. В-пятых, в словаре регулярно отмечается вариантность пословиц и поговорок, позволяющая выделить активную часть пословично-поговорочного состава русского языка.

Названные характеристики Словаря позволяют считать перечень представленных в нем единиц оптимальным отражением состава паремий современного русского языка. Даже отмечаемое в аналитической литературе, посвященной Словарю В.П. Жукова, «неоправданное включение некоторых единиц», вполне объяснимо ориентацией словаря на языковой паремиологический минимум, соотношенный с общерусским языковым типом. В него входят не только паремии, воспринимающиеся носителями языка как современные, но и унаследованные языком и сохраненные в нем (в художественных текстах) от предыдущих исторических периодов, например, от XIX века.

В последнее десятилетие появились словари пословиц и поговорок, состав которых ограничен определенным количеством единиц. Однако количественное ограничение (минимизация) словника еще не может служить основанием для отнесения их к словарям-минимумам. Предлагаемый нами термин *словарь-минимум* не совпадает по содержанию с понятием *минимум*, которое широко используется по отношению к лексическому, фразеологическому и паремиологическому материалу (В.В. Морковкин, Е.А. Быстрова, Г.Л. Пермяков). В основу предлагаемого представления о словаре-минимуме положена характеристика принципов составления активных словарей, разработанная Д.О. Добровольским и Ю.Н. Карауловым.

Эти принципы основаны на том, что максимальная полнота охвата языковых фактов возможна только для мертвых языков, поскольку создание даже самого объемного лексикографического труда еще не означает, что никаких новых объектов описания за его пределами не существует. Кроме того, традиционные приемы описания языковых единиц в словарях часто не отражают важные особенности живого употребления языковых единиц. «Ассоциативный фразеологический словарь русского языка» Д.О. Добровольского и Ю.Н. Караулова (АФСРЯ) предлагает новый подход к описанию русской фразеологии (в широком смысле). Он не претендует на полноту охвата, но включает в себя «лишь те единицы, знание которых является живым для

современного носителя русского языка» (АФСРЯ 1994, с. 104). ФЕ (идиоматика, устойчивые словосочетания, крылатые выражения, присказки, речевые штампы, поговорки и поговорки) представлены в этом словаре в разнообразных трансформациях, отражающих способы их актуализации в сознании носителей языка: бабушка > надвое сказала; горе > одно не приходит; близко > да не достанешь; близко > локоть (Там же, с. 8-9).

Следует отметить, что задачу составления словаря живой, активной, общеупотребительной паремии уже пытались решить в современной фразеологии, например, в «Школьном словаре живых пословиц», составленном В.М. Мокиенко и коллективом авторов (2002). Однако, назвав свою книгу словарем живых пословиц, В.М. Мокиенко не предложил расшифровки этого важного понятия, употребляя его как равноценное в ряду с определениями «общеупотребительные, активные, общеизвестные». Поскольку эти определения не получают фактического обоснования, употребляясь скорее по традиции, то остается неясным, почему в этот словарь включаются такие экзотические для современных учащихся выражения, как: *Не дал бог свинье рогов (рог), а бодуца была бы; Артелью (артель, гуртом) хорошо (легче) и недруга (батьку, батька) бить; С чужого коня <и> среди грязи долой; У драчливого кочета (петуха) гребень всегда в крови; Ночная кукушка денную (дневную) перекукует; Далеко кулику до Петрова дня; Толкач муку покажет.*

Определение указанных понятий было дано Ю.Н. Карауловым по отношению к фразеологии современного русского языка. В соответствии с тремя ипостасями языка (система – речь – способность) он предлагает называть ФЕ **употребительной**, если она обладает высокой частотностью в текстах (в том числе словарей), если она принадлежит языку как большой совокупности текстов. Показателем **активности** ФЕ авторы АФСРЯ считают ее варьированность и преобразования, выявленные в ассоциативном эксперименте, так как они заложены в самой природе владения ими носителем языка. **Живая** единица – это функционирующая единица, она участвует в реальных языковых операциях и включена тем самым в языковую способность личности. К показателям живой фразеологии относятся ассоциативные реакции, свидетельствующие о включении единиц (в том числе и паремий) в ассоциативно-вербальную сеть, что выражается в парадигматических, синтагматических и смешанных реакциях, например, к парадигматическим реакциям с заменой компонента можно отнести *волос > за волос* (из *Зуб за зуб* или *Око за око*); *больной > здоровому не товарищ* (из *Гусь свинье не товарищ*); смешение реакций наблюдается в случае *быстро > вшей ловить* (из *Поспешность нужна при ловле блох*).

Предложенные авторами АФСРЯ критерии выделения живой и активной фразеологии несомненно могут учитываться и при анализе паремиологического материала. Показателями, на основании которых паремия будет оцениваться как живая активная единица лексикона, с нашей точки зрения, являются **воспроизведение в нетрадиционной (несловарной) форме, типы варьирования, характер ассоциативных реакций**. Они свидетельствуют о том, что паремия не пассивно хранится в памяти носителя языка, а восстанавливается в результате мыслительных операций, поэтому корпус живых, активных и употребительных паремий может быть установлен только на основе психолингвистического эксперимента.

Таким образом, словарь-минимум – это не минимизированный по разным основаниям список единиц языка, служащий источником для составления других минимумов, в том числе и словарей, имеющих количественно ограниченный словарь. Словарь-минимум – это словарь активного типа, который отражает паремиологию

ческую составляющую внутреннего лексикона языковой личности и сам может служить источником и руководством для составления полных словарей, в том числе словаря-оптимума.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В.И.* Напутное / В.И. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957.
Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
Добровольский Д.О., Караулов Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., 1994.
Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд., стереотип. М., 2000.
Шуйская Ю.В. «Пословицы русского народа» В.И. Даля как отражение структуры сознания общества середины 19 века // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности. СПб., 2002.

В.П.Проничев,
Т.Г. Аркадьева (Санкт-Петербург)

РОЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

Многими исследователями в качестве минимальной единицы синтаксиса сейчас признается синтаксема, которая обладает тремя основными признаками: формой выражения, смысловой ролью в высказывании (значением) и синтаксическим предназначением (синтаксической функцией в предложении). (См. об этом: 3, с. 12 и сл., 4, с. 37). Г.А.Золотова, разработавшая теорию синтаксемы и описавшая эту единицу синтаксиса в целом ряде работ (См.: 3, 4 и др.), считает, что из синтаксем строятся более сложные синтаксические конструкции - словосочетания и предложения.

Т.П.Ломтев, говоря о соотношении предложения и высказывания, писал: «Именем означаемого предложения является высказывание. Слова *предложение* и *высказывание* являются терминами метаязыка, первый обозначает словесную композицию, имеющую знаковый характер, второй –означаемое предложения, имеющее идеальный характер» (5, с.21).

Означаемое предложения (высказывание) семантически структурировано. Синтаксемы в высказывании замещают самостоятельные семантические позиции, выполняя смысловые роли предиката, субъекта, объекта, сирконстанта (см. об этом: 1, 2, 7, с.79-124, 6, 9,10) или факультативного распространителя самостоятельных позиций, а на уровне предназначения в предложении функционируют как члены предложения – главные и второстепенные. Структурно-семантическую схему высказывания формирует предикат. Именно он называет отражаемую ситуацию и, реализуя свои валентности (см.: 1,2, 9 , и др.), присоединяет синтаксемы в роли актантов и сирконстантов.

Означаемое простого предложения обычно представлено одной структурно-семантической схемой, называет одну типовую и конкретно отражаемую ситуацию. Однако при осложнении предложения, при включении в его состав предикативных оборотов, каждый из них обозначает отдельную ситуацию и формирует на основе дополнительного предиката свою структурно-семантическую схему. Например, означаемое предложения *Владимир Ленский здесь лежит, погибший рано смертью смелых, В такой-то год, таких-то лет* (А.С.Пушкин) представлено двумя структурно-семантическими схемами. Основная схема формируется статуальным предикатом *лежит*, который открывает валентности, замещаемые статуальным субъектом *Владимир Ленский*, сирконстантом *здесь* и факультативным распространите-

лем субъектной позиции, в роли которого на уровне предложения выступает обособленное определение – причастный оборот *погибший рано смертью смелых, В такой-то год, таких-то лет*. Дополнительную структурно-семантическую схему образует причастный оборот при помощи дополнительного статуюльно-каузативного предиката *погибший*. Этот предикат открывает синтаксические позиции левого актанта, статуального субъекта *Владимир Ленский*, которая в данном высказывании дублируется, то есть эта позиция есть и в основной, и в дополнительной структурно-семантической схеме. Далее дополнительный предикат открывает правые валентности, замещаемые сирконстантами *рано, смертью смелых, в такой-то год, таких-то лет*. Если на уровне предложения причастный оборот признать многословным определением, то в рамках этого многословного определения нужно выделить на основании содержания дополнительной структурно-семантической схемы второстепенные члены, зависимые от причастия. Это будут различные типы обстоятельств: времени – *рано, в такой-то год, таких-то лет*, и образа действия – *смертью смелых*. Обстоятельственная функция этих словоформ должна считаться вторичной, контаминированной с основной функцией определения.

В высказывании *Внутри судна, накалившего за день тропическим солнцем, стояла душлимая жара* (А.С.Новиков-Прибой) основная структурно-семантическая схема формируется статуальным предикатом *стояла*, который открывает позиции левого актанта, статуального субъекта *жара*, в предложении выполняющего синтаксическую функцию подлежащего, и правую позицию сирконстанта *внутри судна* – в предложении обстоятельство места. Дополнительный акционально-каузативный предикат *накалившего* формирует свою структурно-семантическую схему, в которой открывается позиция каузируемого субъекта *внутри судна*, правого актанта со значением субъекта-каузатора солнцем и сирконстантная позиция *за день*. Обе эти синтаксемы в предложении, кроме определительной синтаксической функции, присущей всем словоформам, входящим в причастный оборот, выполняют внутри предикативного оборота вторичные синтаксические функции дополнения (*солнцем*) и обстоятельства (*за день*), – прилагательное *тропическим* в дополнительной структурно-семантической схеме используется в роли факультативного распространителя позиции субъекта-каузатора *солнцем*.

В осложненном предложении *Екатерина Дмитриевна стояла около, держась за спинку кресла* (А.Толстой), на уровне означаемого тоже имеем обозначение двух ситуаций – основной и дополнительной. Структурно-семантическая схема основной ситуации формируется статуальным предикатом *стояла*, который открывает позицию левого актанта, замещаемую статуальным субъектом *Екатерина Дмитриевна*, и позиции сирконстантов, замещаемые синтаксемой *около* и комбинированной синтаксемой *держась за спинку кресла*. На уровне предложения позиция субъекта является подлежащим, наречие *около* выполняет синтаксическую функцию обстоятельства места, а деепричастный оборот употреблен в функции обстоятельства образа действия.

Дополнительную структурно-семантическую схему образует дополнительный предикат *держась*, он открывает позицию статуального субъекта, замещаемую синтаксемой *Екатерина Дмитриевна* и позицию правого актанта в роли косвенного объекта, дополнения *за спинку*. Кроме этих двух замещенных позиций, в дополнительной структурно-семантической схеме есть еще позиция факультативного распространителя объектной позиции, в роли которой выступает словоформа *кресла*. На уровне предложения в причастном обороте наблюдается дополнительное члене-

ние, словоформа *за ручку* используется во вторичной синтаксической функции косвенного дополнения, а словоформа *кресла* имеет вторичную синтаксическую функцию определения.

Еще пример с дополнительным предикатом: *Евгений, Всем сердцем юношу любя. Был должен оказать себя Не мячиком предрассуждений, а...* (А.С.Пушкин); – с расширением основной схемы - примеч. – А.Т., В.П.) (О расширении см.: 6). Дополнительный предикат *любя* со значением эмотивного отношения формирует структурно-семантическую схему, в которой открываются позиция левого актанта *Евгений*, субъекта эмотивного отношения, позиция правого актанта, объекта эмотивного отношения, замещенная синтаксемой *юношу*, позицию сирконстанта, замещенного наречным сочетанием *всем сердцем*, которое в предикативном деепричастном обороте употреблено во вторичной синтаксической функции обстоятельства образа действия.

Основной предикат, организующий базовую структурно-семантическую схему высказывания, тоже имеет сложное строение в высказывании данного типа. Смысловую роль предиката выполняет комплексная синтаксема (о комплексных синтаксемах см.: 8, с. 91-102), которая в предложении используется как глагольное аналитическое сказуемое *был должен оказать себя не мячиком предрассуждений*. Эта комплексная синтаксема состоит из нескольких словоформ, объединенных смысловую ролью – значением – на уровне структурно-семантической схемы и на уровне предложения синтаксической функцией – предназначением. В то же время отдельные компоненты глагольного аналитического сказуемого, например, вещественный компонент *оказать себя не мячиком предрассуждений*, может рассматриваться как составной инфинитив, в котором комплетивная связь между его частями интерпретируется как аналог синтаксической связи управления *оказать себя кем? – не мячиком предрассуждений*. Осознание этой связи говорит о том, что мы имеем дело с особой разновидностью синтаксемы, контаминирующей свойства комплексной и комбинированной синтаксемы. Назовем такую синтаксему комплексно-комбинированной.

Сходную картину наблюдаем в высказывании *Он рыться не имел охоты В хронологической пыли бытописания земли* (А.С.Пушкин). Смысловую роль предиката и грамматическую функцию глагольного аналитического сказуемого выполняют вместе словоформы *не имел охоты рыться*. Это комплексная синтаксема, внутри которой вычленяется в качестве служебного компонента фразеологическое сочетание с фразеологически связанным значением *не имел охоты*, в котором словоформа *охоты* является и частью сказуемого и дополнением к глаголу *иметь*, то есть выполняет вторичную синтаксическую функцию.

Дополнительный предикат формирует структурно-семантическую схему и в обособленных атрибутивных оборотах, например: *Начитанный и по природе умный, всегда трезвый, он [Попов] пользовался среди команды заслуженным авторитетом* (А.С.Новиков-Прибой): из трех однородных обособленных определений в данном высказывании два имеют дополнительную структурно-семантическую схему. Это прилагательные *умный* и *трезвый*. Дополнительный предикат *умный* с качественным значением открывает синтаксические позиции, замещаемые синтаксемой с субъектным значением – *он*, и синтаксемой с причинным значением – *по природе*, а прилагательное *трезвый* открывает субъектную позицию для синтаксемы *он* и сирконстантную позицию для наречия *всегда*, в предложении выполняющей функцию обстоятельства времени.

Рассмотрим еще один пример с определительным предикативным оборотом: ... *И кончилось все предприятие полной бестолочью, характерной для всей нашей эскадры* (А.С.Новиков-Прибой). Дополнительный предикат характерной формирует свою структурно-семантическую схему, в которой есть место для субъекта *бестолочь* и актанта с субъектно-адресным значением – *для эскадры*, который в предикативном обороте выполняет вторичную синтаксическую функцию косвенного дополнения.

В заключение следует напомнить основные семантические и конструктивные свойства дополнительного предиката: 1) дополнительный предикат называет дополнительную отраженную ситуацию; 2) самостоятельно формирует структурно-семантическую схему, в которой реализуются его валентные свойства; 3) дважды открывает место для субъекта, если субъекты основной и дополнительной структурно-семантической схемы совпадают, что отмечается в обстоятельственных предикативных оборотах, в определительных оборотах с дополнительным обстоятельственно-причинным значением, как в случае с предикатами *умный* и *трезвый*, а также в определительных оборотах, которые конструктивно относятся к подлежащему. В рамках предикативного оборота, представляющего комбинированную синтаксему, в которой все словоформы выполняют одну синтаксическую функцию, у зависимых от дополнительного предиката словоформ проявляется несовпадение в синтаксическом их предназначении, и они обнаруживают способность употребляться во вторичной синтаксической функции.

ЛИТЕРАТУРА

Введение в синтаксис. Синтаксис словосочетания: методические рекомендации к изучению курса / Авт.-сост. Н.Е.Синичкина. - СПб, 2006.

Газизова Р.Ф. Синтактика частей речи. Учебное пособие. - Уфа: Изд. Баш. ун-та, 1984.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. - М., 2001.

Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г.А.Золотовой. - М., 1998 (2004).

Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. М.: Изд. Московского ун-та, 1979.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. - СПб: Изд. СПбГУ, 1994.

Норман Б.Ю. Синтаксис речевой деятельности. - Минск, 1978.

Проницев В.П. Комплексные синтаксемы в русском языке // Фразеологизм и слово в языке и речи: Сб. статей, посвященный памяти В.П. Жукова. - Великий Новгород: Нов.ГУ им. Ярослава Мудрого, 2007.

Синичкина Н.Е. Конфигурация грамматического предиката в высказываниях с обязательным отрицанием. - СПб., 2002.

Теньер Л. Основы структурального синтаксиса / Перевод с французского И.М. Богуславского и др. - М., 1988.

В.А. Сидоренков
(Великий Новгород)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ТЕКСТ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ

Феномен языковой личности (ЯЛ) привлекает к себе повышенное внимание филологов, а также специалистов в области методики преподавания родного языка в школе. В современной трактовке ЯЛ представлена как многоуровневая и многокомпонентная совокупность языковых способностей (умений) осуществлять речевые поступки разной степени сложности, которые, в свою очередь, классифицируются по видам речевой деятельности и по уровням языка [Караулов 1987: 29].

Языковая личность может рассматриваться как *обобщенный образ* носителя данного языка, систему языковых значений и новых смыслов, представляющих опыт индивида данной культуры. Языковой и речевой потенциал совокупного носителя языка извлекается из опыта индивидуальных языковых личностей и базируется на опыте последних, но и речевая деятельность индивида опирается на языковые традиции социума. *Совокупная ЯЛ вариативна*: возможно территориальное, профессиональное, социальное, культурное, возрастное, половое варьирование ЯЛ.

Подход к учащемуся как языковой личности позволяет разрабатывать новое содержание образования применительно к предмету «русский язык», которое обеспечивает возможность школьникам овладеть четырьмя видами *компетенций*:

- *лингвистической*, включающей знание о языке как общественном явлении и развивающейся системе, о функционировании языка, о лингвистике как науке.
- *культуроведческой*, представляющей совокупность знаний о культуре русского народа, стереотипах его речевого поведения, о номинативных единицах с национально-культурным компонентом значения;
- *языковой*, предполагающей овладение нормами русского языка, а также *качествами* хорошей речи;
- *коммуникативной*, связанной с овладением различными видами речевой деятельности (чтение, письмо, говорение, слушание) в разных сферах общения и формированием коммуникативной культуры школьника.

Антропоцентризм в исследовании содержания и структуры учебного курса способствует успешному решению вопросов интеграции системно-описательного и коммуникативно-деятельностного подходов, так как понятие *язык* включает: а) языковую *деятельность* (процессы говорения и понимания); б) языковую *систему* (словарь, грамматику); в) *языковой материал* (тексты) на данном языке [Щерба 1974: 24-102]

26]. Поэтому здесь отдается предпочтение термину - родной язык, который проясняет своеобразие этого учебного предмета - его базисность по отношению к другим школьным дисциплинам, так как он формирует у школьников общеучебные умения *текстовосприятия* и *текстообразования*, а также является средством саморазвития личности.

Таблица 1.

ТЕКСТ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Тип и особенности текста	Структура коммуникативного ядра личности	Качества хорошей речи
1. Собственно информационный текст описывает событие, ситуацию. Возможно только одно его толкование. Научный и официально-деловой тексты.	<i>Понимание</i> (восприятие на основе синтагматических отношений), которое осуществляется при помощи трех основных умений: умение точно определить тему, идею, направление речемыслительной деятельности. Процесс понимания опирается на волю и способности читателя, на речемыслительную наблюдательность. Важным является умение определять опорные слова и их значения.	<i>Правильность</i> , предполагающая соблюдение норм литературного языка. <i>Точность</i> , при которой значения слов строго соответствуют выражаемым понятиям. <i>Логичность</i> , обеспечивающая соответствие связей значений слов, словосочетаний, предложений законам мышления. <i>Чистота</i> , запрещающая употребление чуждых литературному языку слов и оборотов. <i>Богатство</i> и <i>разнообразие</i> , обусловленное применением многих и разнообразных единиц языка. <i>Доступность</i> , облегчающая восприятие информации, заложенной в тексте.
2. Оценочно-информационный текст описывает событие, ситуацию и содержит авторскую оценку. Допускает три интерпретации: отрицательную - нейтральную -положительную. Публицистический, разговорный тексты.	<i>Принятие</i> смысла текста на основе парадигматических отношений (выбор и обоснование оптимального варианта общения).	<i>Действенность</i> , подчиняющая, увлекающая слушателя или читателя вслед за автором. Уместность, при которой языковая структура приведена в соответствие с условиями общения. Выразительность, воздействующая средствами языка не только на ум, но и на эмоции, поддерживающая внимание и интерес слушателя / читателя.
3. Образно-оценочно-информационный текст «рисует» событие, ситуацию и содержит авторскую оценку. Художественный (прозаический и поэтический) текст. Допускает любое количество толкований.	<i>Проживание</i> события: со-знание, со-участие, со-причастность, со-переживание, со-творчество. Восприятие символических отношений, подтекста на основе обнаружения с помощью метода наложения языкового (словарного) и речевого значений слов.	<i>Образность</i> , формирующая конкретно-чувственное представление о действительности.

В лингвистической литературе существует около 250 различных определений текста, что обусловлено как сложностью самого явления, так и многообразными аспектами его рассмотрения. С позиций *семиотики* текст - произведение культуры (Ю.М. Лотман), осмысленная последовательность любых знаков [Николаева 1990: 507]. Это *широкая* трактовка текста. *Узкая* трактовка текста предложена И.Р. Гальпериным: «Текст - это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

В аспекте коммуникативного подхода «...текст можно определить как речевое произведение, концептуально обусловленное (т.е. имеющее концепт, идею) и коммуникативно ориентированное в рамках определенной сферы общения, имеющее информативно-смысловую и прагматическую сущность (она может быть и нулевой)» [Основы 2000: 9]. В данной дефиниции важно то, что текст: 1) есть речевое произведение, а не языковая единица высшего уровня; 2) имеет концепт (идею, отражающую авторский замысел и формирующую целостность высказывания); 3) обладает стилистической окраской; 4) всегда ориентирован на адресата (даже тогда, когда им является сам автор); 5) несет информацию (смысл) и 6) обладает эффектом воздействия (прагматикой).

Обусловленный *языковой личностью* автора и адресата (Ю.Н. Караулов) текст занимает в речевом акте *центральное* положение: его как центральную коммуникативную единицу определяет *система языка*, он отражает окружающую *действительность*, которая стимулирует автора к его созданию.

В качестве типологии текста может быть предложена следующая, в которой просматривается связь типа текста, структуры коммуникативного ядра личности и коммуникативных качеств речи (см.: **Таблица 1**).

Данная типология текстов является *лингвометодической*: в ней взаимосвязанно представлены *языковая личность* как *субъект* процесса обучения, структура *коммуникативного ядра* личности, а также *качества хорошей речи* учащихся, которые формируются в условиях активного *текстовосприятия* и *текстообразования* [Сидоренков 2001: 69-75].

ЛИТЕРАТУРА

- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
Николаева Т.М. Теория текста // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
Основы текстоведения в школе: Книга для учителя / Под ред. Н.С. Болотновой. Томск, 2000.
Сидоренков В.А. Вариативное обучение русскому языку в антропоцентрическом аспекте // Русский язык на рубеже тысячелетий. В 3-х т. Т. 3. Теория и практика преподавания русского языка: традиции и перспективы. СПб., 2001.
Щерба Л.В. О трех аспектах языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Бела Имревич ТАТАР
(Будапешт, Венгрия)

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ВСЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ?

Разумеется, никак нет. (См. и ср.: В.П. Жуков 1991 и В. П. Жуков, А. В. Жуков 1994) Часть лингвистов считает, что пословицы и поговорки также входят в состав фразеологии.

Другая же часть лингвистов не ставит знак равенства между пословицами и фразеологическими единицами, так как имеется существенная разница в семантическом, грамматическом и в стилистическом отношениях. Ведь даже при беглом просмотре таких единиц, как например, *рука руку моет и обе белы бывают* (=Один другого покрывает в каких-л. нечестных делах.); *умывать руки /умыть руки/* (=Отстраняться, уклоняться от участия в каком-л. деле; снимать с себя ответственность за что-л.); *рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше; как рыба в воде* (=Свободно, непринужденно, хорошо чувствовать себя где-л.); *с волками жить – по волчьи выть* (=Человек бывает вынужден приноравливаться к окружающим, поступать так же, как те, в общество которых он попал, принимать их образ жизни, обычно предоступительный.); *волком выть /волком взвыть/* (=Горько жаловаться, сетовать на что-л., страдая от чего-л.) и мн. др. можно заметить, что «Пословицы в отличие от фразеологизмов выражают законченную мысль, организованы по типу предложения и имеют замкнутую структуру». (Жуков 1991, с.18)

Такое же определение лежит в концепции А. И. Молоткова, утверждающего, что «Пословица, будучи законченным высказыванием структурно организована как предложение (разного типа), например: *овчинка выделка не стоит; большому кораблю большое плавание; куй железо, пока горячо; шила в мешке не утаишь; волков бояться – в лес не ходить ...* и т. п.» (Молотков 1967, с. 15)

Мнение А. И. Молоткова совпадает с мнением В. П. Жукова относительно определения пословицы как единицы языка, и указывая на то, что «пословица выделяется из общей системы предложений русского языка не своей структурной организацией, а своим содержанием», он утверждает, что пословица по своему смыслу является всегда двуплановой и одновременно имеет как прямой план содержания высказывания, точно отражающий значения образующих его слов, так и иносказательный план содержания высказывания, который (последний), однако, нисколько не соответствует значениям составляющихся его слов. Этим своим иносказательным планом и

сближается с фразеологизмом с той лишь разницей, что в основе содержания высказывания лежит суждение, а в основе лексического значения фразеологизма – определенное понятие. «От фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-грамматическом отношении: они представляют собой законченное предложение. В основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения. Поэтому пословицы и поговорки не могут быть носителями фразеологического значения, которое присуще фразеологизмам». (Жуков 1991, с. 9)

Являясь единицей языка, фразеологизм состоит из двух или более грамматически связанных и семантически спаянных слов-компонентов, лишенных своего основного номинативного значения; он обладает такими же семантическими, грамматическими и стилистическими особенностями, как и слово, значит, носит лексемный характер. Главным критерием является *фразеологичность*, под которой понимается совокупность всех семантических свойств, приобретших словосочетанием или сочетанием слов в процессе фразеологизации (т. е. появление, переосмысление, исчезновение внутреннего образа, закреплённое метафорического, метонимического или синекдохического значения, появление фразеологически связанного значения и т. п.). (Ср.: Татар 1992, с. 24–26)

Будет небезынтересно познакомиться с мнением В. П. Жукова – автора-составителя известного «Словаря русских пословиц и поговорок» относительно разницы между пословицами и поговорками. Он считает, что под термином *пословица* следует понимать краткое народное изречение, имеющее одновременно «буквальный и переносный (образный) план или только переносный план» и законченное предложение. *Поговорка* также является кратким народным изречением, однако, имеющим только буквальный план, и в грамматическом отношении представляет собой законченное предложение. (Жуков 1991, с. 11)

Суммируя вышеизложенное, можно установить, что если пословица и поговорка, будучи предложением, выражает суждение, а слово, будучи лексемой, выражает понятие, то фразеологизм, имеющий лексемный характер, также выражает определенное понятие. Если принять за основу такую аксиому, то в круг фразеологизмов **не могут быть включены все** пословицы и поговорки, **все** крылатые выражения, **все** сложные слова, **все** устойчивые словосочетания, **все** парафразы, **все** литературные сравнения и другие сложные синтаксические образования, которые, по мнению некоторых лингвистов, могут быть рассмотрены в т. н. «широком смысле» и могут быть включены в состав фразеологии, допуская, вместе с тем, наличие фразеологизмов в т. н. «узком смысле». Разумеется, такая постановка вопроса уже в корне является абсурдной, т. к. если принять за основу аксиому о принадлежности фразеологии к лингвистическим дисциплинам (а об этом уже нет спору), то как же можно говорить о фонетике или же, о морфологии в широком или же в узком смысле?

(Такое представление о фразеологизмах имело место еще в то время, когда не было четко определено место фразеологии как лингвистической дисциплины, когда все сложные образования, имеющие переносное или же метафорическое значение в целом или же компоненты в отдельности. Поэтому не случайно появилось около дюжины названий, обозначающих как фразеологизмы, так и нефразеологизмы, как, напр., устойчивые словесные комплексы, фразеологизированные образования, фразеологические выражения, идиомы, идиоматические выражения, фразеологическая единица, устойчивые словосочетания и т. д. Среди них наиболее распространенным считается в международном плане термин «идиома», что является результатом не весьма точного освещения значения этого слова. Под термином «идиома» следу-

ет понимать элемент идиоматического языка, что обозначает «народный язык», «диалектный язык». (Даль 1881–1882; H. W. Fowler, F. G. Fowler 1969) Он вошел в употребление благодаря забвению основного номинативного его значения «диалектное слово», «диалектное выражение». Так как первоначально существовал лишь народный язык, со всеми его диалектами, то, разумеется, стали называться идиомами. Впоследствии это название закрепилось в языке некоторых лексикографов и других лингвистов многих стран, несмотря на то, что между значениями терминов *идиома* и *фразеологизм* имеется существенная разница. Ведь фразеологизмы встречаются не только в народном, диалектном языке, но также и в литературном, причем в довольно большом количестве. Таким образом, термин *идиома* для обозначения фразеологизма как такового не может отражать объективную действительность. Тут же отметим, что вышесказанные замечания приведены не для строгой критики; они носят только информативный характер.)

Такое двоякое понимание фразеологии может быть объяснено еще и тем обстоятельством, что сама фразеология как лингвистическая дисциплина сначала была отнесена к синтаксису, затем к лексикологии и только благодаря учению была выделена в самостоятельную дисциплину, однако, к этому времени уже возникли разные теории об «узком» и о «широком» смысле рассмотрения фразеологии.

Вопрос этот усугублялся еще и недостаточностью изучения источников русской фразеологии. Ведь источником для фразеологии могут быть **сложные слова** (возникшие на базе сочинительных словосочетаний, как, напр., *взад и вперед* = *взад-вперед*; *печки да лавочки* = *печки-лавочки*; *хлеб да соль* = *хлеб-соль* и т. п.), **устойчивые словосочетания** (*братъ верх, над кем; делать вид; детское время* и др.), **литературные сравнения** (*как бочка; как из ведра; как мышь на крупу* и др.), **парафразы** (*воспрянуть духом; восходящая звезда; всеми фибрами души* и др.), **крылатые выражения** (*ворона в павлиньих перьях; есть порох в пороховницах; рыльце в пуху* и др.) так и **пословицы и поговорки** (*в ногах правды нет; вот тебе бог, а вот порог; держать язык за зубами* и др.).

Здесь следует учесть один важный фактор: во фразеологию могут переходить лишь те лингвистические единицы, которые уже прошли процесс фразеологизации. Здесь уместно вспомнить о характерном для всех развитых современных языков явлении редукции, при которой новое словосочетание может претерпевать весьма существенные структурные и семантические изменения. Такой процесс может длиться 5, 10, а то и больше лет. (Ср. Saussure 1967, с. 119, 127, 131) Достаточно вспомнить о появлении фразеологизма *в футляре* (из произведения А. П. Чехова «Человек в футляре»), являющемся результатом редукции двусоставного предложения, приобретенного фразеологически связанное значение.

Исходя из вышесказанного, можно предполагать, что такое странное, двоякое понимание сущности фразеологии, как русской, так и иноязычной, возникло и закрепилось в сознании некоторых лингвистов либо вследствие недостаточного изучения теории об источнике фразеологии, либо просто, по традиции, как, напр., в английской фразеологии, хотя, следует отметить, имеются соответствующие термины для всех типов фразеологизмов.

Нет сомнения в том, что в современном русском языке существуют пословицные фразеологизмы, однако, под этим названием следует понимать **отнюдь не все** пословицы и поговорки, а только те, которые полностью или частично прошли процесс фразеологизации. Процессу фразеологизации могут подвергаться пословицы в целом, сохраняя свою основную форму; но может фразеологизироваться либо

первая, либо вторая часть. Однако сама пословица или поговорка, ставшая таким образом источником для того или иного фразеологизма, продолжает жить в языке и функционировать в речи параллельно с фразеологизмом. Их смысловое различие порою становится возможным лишь благодаря тщательному анализу широкого фразеологического окружения.

Например, от пословицы *в ногах правды нет* происходит фразеологическая единица *в ногах правды нет*, они **сходные** как в структурном, так и в семантическом отношениях и обладающие аналогичной стилистической характеристикой: обе они имеют структуру предложения, имеют значение 'просьба садиться'; 'не стоит стоять, лучше сесть', и обе разговорного стиля. Под влиянием различных семантических факторов **процесса фразеологизации**, а также при содействии экстралингвистических факторов иносказательный план выражения высказывания **пословицы** переходит в определенное понятие, выраженное такой же структурной формой, лишенной того суждения, которым она обладала прежде: появляется новая лингвистическая единица – **фразеологизм**. (Жуков 1991; Молотков 1967)

К фразеологизмам, происходящим от пословиц и поговорок без структурного изменения, относятся еще и такие, составляя **первый тип** собственно **пословичных фразеологизмов**: *и смех и горе* (=Одновременно и смешно и грустно; весело и печально; трагично.; адв.); *игра не стоит свеч* (=Затрачиваемые на что-л. усилия, средства никак не оправдываются. О не оправдывающем себя деле, занятии.; глаг.); *из огня да в полымя* (=Из одной неприятности в другую, еще большую.; адв.); *ищи ветра в поле* (=Не вернешь обратно, не найдешь.; глаг.); *клин клином вышибают / вышибать* (=Уничтожить результаты какого-л. действия или состояния теми же средствами, которые это действие или состояние вызвали.; глаг.); *на воре шапка горит* (=Кто-л. невольно или случайно сам обнаруживает, выдает то, что больше всего хочет скрыть.; глаг.); *ни богу свечка ни черту кочерга* (=Ничем не выделяющийся, средний, посредственный человек.; субст.); *свет не клином сошелся*, на ком, на чем (=Кто-л. или что-л. не является единственным, есть еще и другие, из которых можно выбирать.; глаг.); *семь верст до небес и все лесом* (=Очень много /наговорить, наобещать/; адв.); *скатертью дорога* (=Убирайся вон, или, куда угодно; пусть уходит, убирается, никто не будет удерживать. Пожелание избавиться от кого-л.; глаг.); *сколько лет, сколько зим* (=Как давно! Восклицание при встрече с кем-л., кого давно не видели, с кем давно не встречались.; межд.) и др. (Ср.: Бирих и др. 1998; Жуков 1991; Молотков 1967)

Ко второму типу пословичных фразеологизмов относятся те, которые происходят **от первой части пословицы**; здесь иносказательный план полностью суживается и переходит в чисто понятийное значение, определяя тем самым и соотносительность с соответствующей частью речи: от пословицы 'бабушка еще надвое сказала: либо дождик, либо снег, либо будет, либо нет' происходит фразеологизм *бабушка еще надвое сказала* (=Неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли, осуществится ли.; глаг.); от пословицы 'с кем хлеб-соль водишь, на того и походишь' > *водить хлеб-соль*, с кем (=Находиться в приятельских, дружеских отношениях.; глаг.); от пословицы 'за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь' > *гоняться за двумя зайцами* (=Преследовать одновременно две разные цели.; глаг.); от 'дым столбом, а огня не видно' > *дым столбом* (=Шум, гам, беспорядок, суматоха.; субст.); от 'как с гуся вода небывалые слова' > *как с гуся вода* (=1. кому. Нипочем, безразлично; не производит никакого впечатления, никак не действует на кого-л.; ничего не делается кому-л.; глаг. и адв. 2. с кого. Легко, быстро, бесследно исчезает, забывается что-л.

кем-л.; глаг.); от 'как собака на сене: сама не ест и другим не дает' > *как собака на сене* (=Не пользуется сам чем-л. и другим не дает пользоваться.; глаг.); от 'молодо-зелено, погулять весело' > *молодо-зелено* (=Неопытный, неискушенный, несведущий в чем-л., легкомысленный по молодости лет.; адв.); от 'собаку съел, а хвостом подавился' > *собаку съел*, на чем, в чем (=1. Имеет, приобрел большой опыт, навык, основательные знания в чем-л.; глаг. 2. Опытный.; адв.); от 'старого воробья на мякине не проведешь' > *старый воробей* (=Очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек.; субст.); от 'воду в ступе толочь – вода и будет' > *толочь воду в ступе* (=Заниматься чем-л. бесполезным, попусту тратить время.; глаг.); от 'убить бобра – не видать добра' > *убить бобра* (=1. Обмануться в расчетах, предпочтя плохое хорошему или худшее лучшему.; глаг.) и др. (Ср.: Жуков 1991; Молотков 1967)

К третьему типу пословичных фразеологизмов следует отнести те фразеологизмы, которые происходят **от второй части** пословицы; здесь наблюдается такое же семантическое явление, какое происходит у пословичных фразеологизмов второго типа. К ним относятся следующие: от пословицы 'что было, то прошло, и быльем поросло' происходит фразеологизм *быльем поросло* (=Навсегда забыто.; глаг.); от 'это еще вилами по воде писано' > *вилами по воде писано* (=Неизвестно еще, будет так или нет, удастся ли, осуществится ли.; глаг.); от 'на сердитых воду возят' > *возить воду*, на ком (=Взваливать на кого-л. тяжелую, непосильную работу, обременять работой кого-л.; глаг.); от 'на леченом коне далеко не уедешь' > *далеко не уедешь*, на чем, без кого, без чего, с кем, с чем (=Многого не достигнешь, не добьешься.; глаг.); от 'ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами' > *держат язык за зубами* (=Молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях.; глаг.); от 'мужик задним умом крепок' > *задним умом крепок* (=Характеризующийся запоздлой реакцией на что-л.; не способен вовремя сообразить, найти ответ, принять нужное решение.; адв.); от 'сидеть, как на иголках' > *как на иголках* (=В состоянии крайнего волнения, нервного возбуждения, беспокойства (быть, сидеть).; адв.); от 'легко ловить рыбу в мутной воде' > *ловить рыбу в мутной воде* (=Извлекать выгоду из чьих-л. затруднений, корыстно пользоваться какими-л. неурядицами, беспорядками, неясностью обстановки.; глаг.); от 'пьяному и море по колено' > *море по колено*, кому (=Все нипочем, ничто не страшно для кого-л.; глаг. и адв.); от 'игла в стог попала – пиши пропало' > *пиши пропало* (=Неизбежна неудача, потеря.; субст. и глаг.); от 'над нами не каплет' > *не каплет* над кем (=Нет никаких причин спешить, торопиться; успеется.; глаг.) от 'вспомним молодость – тряхнем стариной' > *тряхнуть стариной* (=Сделать или поступать так, как раньше, прежде, как в молодости.; глаг.); от 'утопающий и за соломинку хватается' > *хвататься /схватиться/ за соломинку* (=Ища спасения, выходя из затруднительного положения, прибегать к последнему, крайнему средству, которое помочь не может.; глаг.); от 'из спасибо шубы не сошьешь' > *шубы не сошьешь*, из чего (=Никакой пользы не получишь от чего-л.; глаг.) и нек. др. (Ср. Бирих и др. 1998; Жуков 1991; Молотков 1967)

Разумеется, **не все пословицы и поговорки** подвергаются процессу фразеологизации; они и впредь продолжают жить в языке и выполняют речевую функцию в речи, как, напр., *без меня меня женили; без труда не вытащишь и рыбку из пруда; бумага все терпит; был муж, да объелся груш; быть бычку на веревочке; в тихом омуте черти водятся; в Тулу со своим самоваром не ездят; рука руку моет и обе белы бывают; у семи нянек дитя без глазу; чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало* и т. п. (Ср.: Жуков 1991)

В заключение отметим два любопытных явления: все фразеологизмы, происходящие от пословиц и поговорок (за исключением лишь некоторых) являются однозначными (моносемантическими) и преобладающее их большинство относится к просторечному стилю. Причины этого явления, как нам кажется, следует искать в глубокой ускоренности и застывшей семантике пословиц и поговорок такого типа в народном языке, которые препятствовали их дальнейшей метафоризации и свободно-го переосмысления.

ЛИТЕРАТУРА

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Спб., Изд. «Фолио-Пресс», 1998.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. М., «Русский язык», 1991.

Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. Изд. 3-е, переработанное. М., «Просвещение», 1994.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1–4. Изд. 2-е. Спб., 1880–1882.

Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М., «Советская Энциклопедия», 1967.

Fowler H.W., Fowler F.G. /Edited/ The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford. „Clarendon Press”, 1969.

Saussure F. de. Bevezetes az altalanos nyelveszetbe. Budapest, „Gondolat”, 1967.

Т.И.Томашевич,
Т.С.Жуковская (Гродно, Беларусь)

ОБ АРХАИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОБЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)

Белорусская фразеология как раздел науки о языке сегодня достигла высокого уровня развития благодаря известным трудам Ф.М.Янковского, А.С.Аксамитова, И.Я.Лепешева, В.И.Коваля, Н.А.Даниловича и др. Однако её истоки изучены недостаточно. Разумеется, с выходом многотомного «Гістарычнага слоўніка беларускай мовы» средневековый фразеологический пласт стал более доступен и очевиден как в плане семантическом и структурно-грамматическом, так и в выявлении источников изучаемых оборотов.

О научной значимости исторического исследования фразеологического яруса свидетельствуют работы русских и украинских ученых (В.Л.Архангельского, О.В.-Горшковой, Г.А.Селиванова, М.Ф.Палевской, Р.Н.Попова, М.М.Копыленко, В.П.Жукова, Л.Г.Скрыпник, Л.И.Коломиец и др.). Здесь уместно замечание В.П.Жукова, что «языковеды, изучающие состав и изменение устойчивых образований в более ранний исторический период, неизменно придерживаются расширительного понимания фразеологии. Напротив, лингвисты, анализирующие фразеологические единицы по произведениям XVIII–XIX вв., нередко относят к фразеологии лишь такие составные единицы языка, которые охвачены сквозной деактуализацией компонентов» (Жуков 1986, с. 63).

В настоящей статье мы рассматриваем некоторые причины архаизации ФЕ (фразеологических единиц) старобелорусского языка, содержание которых не сводится к сумме исходных значений слов-компонентов. Разделяем точку зрения А.В.Жукова, согласно которой «компонент выполняет по отношению к фразеологизму не только формально-строевую роль, но потенциально способен нести разнообразную семантическую нагрузку» (Жуков 2002, с. 10). Этот вывод ученого подтверждается в процессе этимологизации и установления причин архаизации ФЕ.

Заметим, что в литературе по фразеологии по-разному рассматриваются причины архаизации ФЕ. А.И.Молотков, например, считает, что выходят из употребления преимущественно те ФЕ, смысловое содержание которых связывается «с понятиями, уходящими из жизни» – *забрить лоб* ‘взять в солдаты’, *христова невеста* ‘монахиня или немолодая женщина, не бывшая замужем’ (Молотков 1971, с. 33). Не соглашается с этим мнением А.И.Федоров. Он отмечает, что в данном случае устарели не

понятия, а их мотивированность, тот образ, который заложен в подоснове содержания фразеологизмов (Фёдоров (б) 1973, с. 19). Фразеология, согласно А.И.Федорову, «удовлетворяет потребность носителей языка в экспрессивности. Поэтому исчезают те фразеологизмы, которые утратили подоснову содержания (этимологическое содержание, внутреннюю форму)» (Федоров (б) 1973, с. 114). Однако нельзя безоговорочно допустить, что во всех случаях выходят из употребления ФЕ, утратившие этимологическое содержание. Об этом свидетельствуют труды Ф.М.Янковского, И.Я.Лепешева, Н.М.Шанского, Р.Н.Попова и др. Например, в современном белорусском языке имеется множество оборотов, внутренняя форма которых раскрывается лишь в результате кропотливых этимологических поисков: *глядзець на паповы сані* ‘очень плохо себя чувствовать’ (о больном), ‘собираться умирать’, *плесці смаленага (смольнога, смаловага) дуба* ‘говорить лишь бы что, нести вздор’, *шарварку адрабляць* ‘работать спустя рукава, не думая о результатах; лишь бы работать, лишь бы отбывать повинность’ и др. (Янкоўскі 1978, с. 244).

Бесспорно, фразеологизмы отражают быт или понятия определенной среды в известную эпоху. Многие фразеологизмы по своему происхождению связаны с обычаями людей, их занятием в прошлом, повериями, культурно-историческими изменениями в обществе. Актуальные в своё время события, явления, факты были подосновой семантики многих ФЕ. Утрачивалась актуальность – затемнялась внутренняя форма фразеологизмов. Во многих случаях эти фразеологизмы выходили из употребления.

Например, утратой актуальности факта, который отражался внутренней формой, можно, видимо, истолковать архаизацию фразеологизма *на конь вшчсти* ‘начать, начинать военные действия’. Это выражение встречается не только в белорусской письменности, его выявили исследователи общевосточнославянской и старорусской фразеологии (А.Г.Ломов, Г.А.Селиванов, Н.Г.Самойлова, Л.Я.Костючук и др.). В средневековый период внутренняя форма выражения была достаточно прозрачной: первоначально значение его было связано с участием конницы в войне, а отсюда с необходимостью воинам «вшчсти» на коня (с кем, против кого): штожь ты братъ нашъ слышавшы тую нашу пригуду, противъ нашего неприятели *на конь вшчль* еси (АЗР, 1, 212, 1500); по всякому твоему дллу помочью нашою готовы бытии, и къ осподарству, и готовы есмо для тебе брата нашего сами своєю головою *на конь вшчсти* (АЗР, 11, 21, 1507); тому нашоу неприятели отпор чинити, Бога вземши на помочь, вжо хочемъ *на конь вшчсти* (АЗР, 11, 115, 1514).

Фразеологизм *на конь вшчсти* образовался в результате переосмысления свободного словосочетания. Характерная особенность его структуры – употребление субстантивного компонента в винительном падеже. Как отмечает В.И.Борковский, употребление старого винительного падежа для существительных, обозначающих одушевленные предметы, было нормой для древнерусских грамот XV–XVI вв. Первые примеры употребления форм родительного падежа для этой категории слов засвидетельствованы в языке грамот первой четверти XVI в. (Борковский 1949, с. 374).

С войсковым обычаем – выходить, выезжать (на конях) на поединок, «на пляцъ» перед битвой – связано происхождение фразеологизма *на пляцъ выеждчати (вымыкатися)*. Перед предстоящим сражением, битвой воины демонстрировали свою выучку. Со временем изменился план содержания отмеченного словосочетания. Оно метафоризировалось, закрепившись в языке как идиома в значении ‘начинать полемику, вступать в словесный поединок’: смеете теперъ такъ многихъ светыхъ и побожныхъ отецъ потварати и ганити, а зъ своимъ змышленнымъ и никуды несслыханымъ соборомъ *на пляцъ выеждчати* (Отвѣтъ, 1109, 1598–1599); а ижесь съ нимъ *на*

пляць выехалъ ку обельженю чловека цнотливого (АПФ, 571, 1599); *вемъ, што мо- вите выеждчае на пляць съ* Карфагенскимъ соборомъ (АПФ, 554, 1599).

В древних текстах встречается вариантная форма этого фразеологизма – *на гарць выежджати* (сравним: бел. гарцаваць): Пригляди сяжъ, хрестиянине милый, тому Филялетови, если ся тотъ почуваль, што съ твоею конъфедерациею такъ часто *на гарць выежджалъ* (АПФ, 849, 1599). Свидетельством того, что данное выражение образовалось на основе переосмысления свободного словосочетания, является следующий пример: грекове теды и французове, которые были в месте первой противко туркам на вытечку або *гарцы выенждчали* (Бельск, 385 б).

Отражением былого обычая присягать на суде (о свидетелях) или же во время, когда определенная личность брала на себя конкретные обязательства, является ФЕ *крестъ целовати*. Этот вид присяги был распространен не только в религиозной, но и в светской среде. В памятниках письменности встречаются варианты – *крхстъ цѣловати*, *хрестъ цѣловати*, *крыжыки цаловати*. Примеры: через мусь... до пришедги нагнанные *хрестъ цѣловати* мусели (АЗР, V, 92, 1654); приехавши воеводѣ нашому къ Полоцку, первого дня *крестъ цѣловати* Полочаномъ на томъ, штобъ безъ ихъ справы... не карати (АЗР, III, 18, 1547); лепей бы ся очевисте справити, анижъ заочне прысегатися и *крыжыки цаловати* (АПФ, , 703–705, 1599).

Употребление выражения *крестъ целовати* в памятниках письменности Западной России свидетельствует о сохранении старых традиций письменного языка – одной из особенностей в развитии делового языка Литовского государства. Наибольшую стойкость в этом отношении, как замечает Ф.С.Попков, проявили периферийные канцелярии восточных областей, что абсолютно закономерно, так как они принесли в Литву культуру письменного слова (Попков 1947, с. 43).

ФЕ *крестъ (хрестъ, крыжыки) целовати* вступала в синонимические отношения с ФЕ *роту выдавати* ‘приносить присягу’ (о служебных лицах, которые занимали официальную должность): а ввозный *роту выдавати* маеть (Ст., 1588, 173).

Возникновение фразеологизма *ставити на гладких* обусловлено языческим обрядом присяги на камне. Л.И.Коломиец отмечает, что «образ камня известен древнейшей символической клятве, произнесенной во время «роты» между болгарами и воинами Владимира» (Коломиец 1976, с. 85). Н.Жданов в результате анализа отрывка из летописи 985 года (И рѣша Болгаре: «толи не будетъ межю нами мира, оли камень начнетъ плавати, а хмель почнетъ тонути») пришел к выводу, что «это – слова, сказанные при заключении мирного договора, слова, связанные с «ротой». Это – клятва, так сказать, мировым порядком» (Жданов 1904, с. 293). Высказанное Л.И.Коломиец мнение, что «на гладких ставали клятвопреступники» (88, 85), подтверждается контекстом: Альбо зъ братствомъ Львовскимъ нехай где *на гладкихъ станеть*, – покажутъ и тые вся его (кѣдыжъ лепшей всихъ тые о томъ ведають), яко давно онъ патрыарховъ вырекся (АПФ, 703–705, 1599).

Отголоском древнего обычая – ссылаться в спорном вопросе на показания и свидетельства авторитетной личности – является фразеологизм *приставити (ставити) шапку*. Истец ставил шапку к известным свидетелям, а ответчик или приставлял к ним шапку, или не хотел приставлять. Шапку ставили не только к людям, но и к вещам. За свои показания свидетель ручался головой (Коломиец 1976, с. 111–112). Таким образом, в юридической практике белорусов «шапка» применялась в процедурах свидетельства и присяги: *шапку* до людей добрых *приставилъ* (БА, II, 9, 1530); а тотъ заруки не приметь, и тежъ, коли одинъ *шапку приставилъ*, а другой не приставилъ: въ томъ имъ вину и пересудъ отложилъ (АЗР, II, 112, 1514).

Широко использовалась ФЕ *шапку кинути (вергнути)* ‘предложить заклад в спор-

ном деле, просить местных властей засвидетельствовать этот заклад': Старец Шыпяньский... *шапку кинуль* (АВАК, XVIII, 126, 1594). А с выдачку, коли ся оба два выдадутъ и оба *шапками вергнутъ* (АЗР, II, 34, 1307).

«Шапка» в старину была символом доверия к человеку, его достоинства, независимости в обществе, а также занимаемой должности. Например, если возникала необходимость кого-либо обвинить, лишить человеческого доверия, то с подозреваемого снимали шапку в наиболее людном месте (Коломиец 1978, с. 14). Отсюда становится очевидной внутренняя форма современного бел. фразеологизма *даць па шапцы* 'лишить занимаемой должности' и 'побить, поколотить' кого-либо.

Некоторые фразеологизмы, на наш взгляд, стали архаичными, так как не смогли выйти за рамки первоначальной сферы употребления, стать достоянием живого народного языка. В сочинениях полемистов, например, в значении 'оказаться в неприятном положении' употребляется фразеологизм *влѣзти до матнѣ* (сравним совр. бел.: трапіць у нерат). Авторы полемических произведений иронически белорусов и украинцев. Отсюда *угнати (управити) до матнѣ* обозначало 'превратить в католика, окатоличить': А для большей въ томъ всемъ свободы, отступники, хотячи казни за свое отступство зникнути и хотячи насъ тымъ snadней *до матнѣ...угнати* (Ап., 1768, 1599); а такъ насъ до тоежъ матнѣ... *управити* помышляеть (Ап., 1042, 1599).

Причиной архаизации определенной части фразеологического состава явилась абстрактность внутренней формы фразеологизмов, в силу чего семантика их не имела достаточно конкретной мотивировки. Среди таких ФЕ: *бога за ноги ухватити* 'считать себя победителем в спорном деле', *пускати уши на торгъ* 'интересоваться, собирать сплетни', *боки ростыркати* 'объедаться; наживаться за чей-либо труд', *на ножки выставити* 'обнародовать' что-либо, *костки вмиштовати* 'ссорить кого-либо между собой, ссраливать' кого с кем, *змхрити локтемъ вхтру* 'биться, драться'. Сравним в контексте: Присягли бы были, же уже *бога за ноги ухватили*, и въ гору высокую вылетѣти мѣли (АП., 1730, 1599); *пусти только уши на торгъ*, оставь другое ухо стороне, доведаетъся и большей того, ани ся тутъ написано (АПФ, 841, 1599); а такъ абы ся зъ нихъ зодрала тая машкара и тое одѣнье овчье, въ которое ся убираючи, не только люди простыи зводятъ, але хлѣбомъ собѣ неналежнымъ *боки ростыркають* (Ап., 1150, 1599); чомужъ, отче владыка, такъ смѣле и беспечне замыдляєшь очи, и *на ножки выставити* а праве всему свѣту свою несхвалную оцукровати усилиуешь згodu? (Отв., 404, 1598); же ихъ духовные, умыслне межи ихъ *костки вмиштуючи*, одныхъ за другими уставичне вадять (Ап., 1720, 1599); чы не стояль то ты на тотъ часъ чеха, чы не *змхрылесь* то ты былъ *локтемъ вхтру*, и чы не с тенѣмъся то ты потыкаль (АЮЗР, УП, 275, 1599).

В значении 'не уважать, не признавать' кого, 'не считаться' с кем употреблялась ФЕ *за печь ткати* (семантический эквивалент – за печью местце указывати). ФЕ *за печью усести* означала 'отойти на задний план, не претендовать на повышенное внимание к себе': зъ духовенствомъ Римскимъ сварылистеся и на чоло ихъ ставили, а теперъ ихъ *за печь ткаете* (АПФ, 681, 1599); штося дотычетъ местца в раде, же насъ омылили, где ся зъ насъ насмееваешь, и подъ покрывкою титулы собачие приписуешь, и зъ ребятами *за печью местце указуешь* (Ответь, 1115, 1598–1599); бы даль Богъ, яко оно мовять и *за печью усести*, а нижели тутъ на земли сведкое поваги заживати, на соймы бегати, трудитися (АПФ, 687, 1599).

В показанных трех фразеологизмах употребляется компонент *печь*. Все они – результат переосмысления свободных словосочетаний. Как известно, высокопоставленные чины в представительной раде занимали передние ряды, а те, кто был

ниже по местоположению в обществе, садились на задние ряды – у двери, около печи, что считалось унижением собственного достоинства, оскорблением. Высказанное мнение подтверждается фактами из древней письменности: пришло бы их милостямъ подобно и по овыхъ каштолянахъ, которыи и передъ тымъ съ таемной рады выходили, гдѣколвек у *дверіи* або за *печью седѣти* (Ап., 1732, 1599).

Утрата реалии, обозначаемой фразеологическими единицами, вызвала архаизацию последних. Это же явилось причиной выхода из употребления некоторых единиц, относящихся к разряду государственно-административной фразеологии. В своё время они обозначали различные социально-политические и экономические понятия, явления окружающей действительности. Среди таких ФЕ – единицы с субстантивным компонентом *право*: *у право вступати* ‘судиться’, *досмотрети право* ‘прореагировать на жалобу’, *волати до права* ‘вызывать в суд’, *виймати съ права* ‘отнять права’; с глагольным компонентом *дати*: *вину дати* ‘обвинить’, *просоку дати* ‘провести расследование; поощрить за поиск’, *дати право* ‘привлечь к ответственности’; с компонентами *впасти*, *вздати*: *упадывати въ нестаное* ‘быть в ответе за неявку на суд’, *впасти въ баницю* ‘осудить изгнанием’, *упадывати въ рэчы* ‘проигрывать судебный процесс’ и др.

На архаизацию фразеологизмов существенное влияние оказывали системные связи: связи, отношения фразеологизмов между собой и их компонентов со словами свободного употребления. Научное понимание языка как системы и исследование системных связей в нем сформировалось относительно давно. А.А.Потебня в свое время пришел к пониманию системности языка, обратил внимание на градацию языка и речи, на знаковый характер языка. В настоящее время относительно глубоко изучены системные связи на семантическом уровне. В этом плане заметно выделяются работы Ю.Д.Апресяна, посвящённые дистрибутивному анализу семантики слов, установлению значения семантически контактирующих слов (Апресян 1962). Заслуживает особого внимания изучение данной проблемы на фразеологическом материале в связи с архаизацией фразеологических единиц, так как процесс их устаревания обусловлен «и влиянием фактов языка, которые связаны с семантикой фразеологизма или его компонентов» (Федоров 1973 (а), с. 20–21).

Нельзя не согласиться с Д.Н.Шмелевым, который считает, что «сколь бы ни была затемнена мотивированность фразеологизма (мотивированность через исходное словосочетание), она никогда не стирается настолько, чтобы последний превратился полностью в «внесловное» образование. Дело не доходит до того, чтобы все компоненты фразеологизма стали никак не сопоставимы с «обычными» словами. Ведь даже *ни зги, ни бельмеса, с панталыку* и т.п. отсвечивают для нас отраженным значением целого – именно как определенные формы слов (ср.: *щец, дровец*)» (Шмелев 1977, с. 302). Полного разрыва между семантикой фразеологических компонентов и соответствующими словами лексической системы, на наш взгляд, не существует. Семантика последних – основа фразеологической семантики (Федоров 1973 (б), с. 21; 93, 6; 91, 13).

Анализ фразеологического материала древнего белорусского языка позволяет считать, что компоненты фразеологизма во многом соотносятся со словами лексической системы и могут реагировать на изменения, которые переживают эти слова в содержании, форме и сферах бытования. Постоянство состава компонентов и модели их сочетаемости в форме фразеологизма, обусловленное его семантикой, придает фразеологизму устойчивость. Но эта устойчивость относительна. Факты свидетельствуют о том, что:

– выход из употребления слова в результате его архаизации вызывает замену

соответствующего этому слову компонента ФЕ, хотя, правда, происходит это непосредственно;

– во многих случаях архаизация слова влечет за собой архаизацию фразеологизма, компонентом которого оно является;

– в процессе исторического развития языка отдельные слова утрачивают некоторые свои значения (имеются в виду многозначные слова). Это отражается на судьбе фразеологизмов, возникших из словосочетаний, в составе которых употреблялись данные слова с характерными в своё время значениями.

В старобелорусском языке бытовала фразеологическая единица *на шротъ губу пустивши* ‘нагло, нахально, без угрызания совести, не соблюдая правил этикета’ (обвинять, «обмывать» кого-либо). Что касается её компонентов, внутренней формы, то сегодня невозможно увидеть ни прежнего осмысленного свободного словосочетания, ни употребления его в языке. Фразеологизм обращает на себя внимание компонентом *шротъ*. Слово *szrot* заимствовано из немецкого языка, где оно употребляется в значениях ‘дробь’ и ‘мука грубого помола’. В старобелорусском языке лексема *шротъ* употреблялась и в значении ‘кусок (мяса)’ (Скурат 1974, с. 146): мяса купили тымъ же жолнеромъ *шроты* три (ИЮМ, VIII, 36, 1691).

Можно предположить, что на первоначальной стадии фразеологизации словосочетание *на шротъ губу пустити* в метафорическом плане выражало характеристику процесса потребления куска мяса (*пускать губу на шротъ* – значит, жадно, неаккуратно есть, вызывая отвращение у окружающих). На основе этого образного представления выражение пережило семантический сдвиг. Оно стало характеризовать человека, который в процессе общения с другими людьми ведет себя неприлично: кого-то обвиняет без основания, на кого-то клеветает и т.д. Сравним в контексте: Але што покажеть таковому, который, *на шротъ губу пустивши*, не только на людей зацныхъ... Але и самому помазанцеви Божому, его королевской милости на многихъ местахъ скрытее примаваляеть (АПФ, 867, 1599).

В современном белорусском языке слово *шрот* в значении ‘кусок (мяса)’ не употребляется. Архаизация данного значения явилась причиной архаизации фразеологизма. Общеизвестно значение лексемы *шрот* – ‘свинцовые шарики, дробь’. Однако совсем недавно она стала употребляться в значении ‘комбикорма в гранулах’.

Из комплекса древних значений слова *жывоць* ‘жизнь, имущество, животные, часть тела’ в памятниках письменности значительно чаще употребляется эта лексема в значении ‘жизнь’. В современном белорусском языке это значение не исчезло бесследно. Оно изредка встречается в отдельных произведениях художественной литературы, в определенных условиях, при необходимости придать стилю архаичный характер: Мусіць, думаў, тут вечны *жывоць*, Аж іначай падумаў сам бы (Ф.Багушэвіч, Не ўсім адна смерць). Андрэй чытае *жываты* святых (Ф.Багушэвіч, Балада).

Компонент *жывоць* является обязательным в составе многих фразеологизмов средневековья: *дати жывоць* ‘погибнуть, умереть’, *жывоць провадзіць* (вести) ‘жить’, *до жывоцка* ‘до последних дней жизни’, *пасля жывоцка*, *па жывоце* ‘после смерти’ и др.

В современном белорусском языке этих фразеологизмов нет. Утрата словом *жывоць* значения ‘жизнь’, по всей вероятности, обусловила архаизацию выражений. Со значением ‘часть тела’ слово *жывоць* вошло в состав словосочетания *падарваць* (*надарваць*) *жываты* (*жывоць*), которое оказалось фразеологическим и является живой единицей языка.

Широкий семантический диапазон имело слово *стопа*. В значении ‘след’ оно входило в состав словосочетания *въ стопы плевати*, которое в результате фразеоло-

гизации получило значение ‘ненавидеть кого-либо не только в присутствии, но и в отсутствии; вспоминать, отзываться о ком-либо с негодованием’: Ани напотомъ по тотъ часъ, яко Русинъ Римляниномъ... Ани на знакъ взгарды *въ стопы плевати* не можетъ (Листъ, 993, 1598).

Слово *ступень* (*стопень*) в древнем белорусском языке употреблялось как ‘шаг’ и ‘пункт правила, статута’. Оно было компонентом таких фразеологизмов, как: на (*при*) *остатнемъ ступени* (*стопню*) ‘в самое последнее время, в последнюю минуту’ (перед смертью, расправой), *до остатнего стопня* ‘по закону, по всем правилам’ (наказать). Примеры: А кдымъ вже былъ на *остатнемъ стопню* на шибеницу, еще былъ напминанъ отъ зацныхъ людей (АВАК, XVIII, 52; 1582); *пры остатнемъ ступени* своемъ, поведайте, и въ собе жадныхъ речей таемныхъ, идучи зъ сего света, нихто... не таите (АВАК, XVIII, 43, 1582); на *остатнемъ стопню* своемъ волашь (АВАК, XVIII, 52, 1582); отправу чинити... ажъ до *остатнего стопня* (Ст., 1588, 90).

Вышли из употребления фразеологизмы с компонентом *уста* (*вста*). На лексическом уровне эта лексема обозначала ‘губы’. В памятниках встречаются такие фразеологические единицы: *до устъ не братии* ‘не разговаривать’, *уста ко устами* ‘один на один’, *вложити во уста* ‘заставить кого-либо говорить, высказывать своё мнение’ *зъ устъ вышла* ‘что-либо стало известным из чьих-либо слов’.

В современном русском языке *уста* – живая единица, поэтому закономерно наличие в нем многих фразеологизмов с этим компонентом: *из первых уст*, *из уст в уста* (сравним: бел. *з вуха на вуха*), *вкладывать в уста* и др.

В значении ‘хоронить, захоронить’ в старобелорусском языке функционировал фразеологизм *погребъ чинити*. *Погребъ* – ‘погребение’: абысте ни одного съ такихъ непослушныхъ въ дома ихъ не ходили... *погребовъ* умерлымъ не *чинили*, при церквахъ *погребати* тѣлъ... не допускали (Ап., 1778, 1599); а не было бы маѣтности его тѣло поховати, тогды... со скрынки братскоѣ *погрѣбъ чинити* (АЗР, IV, 23, 1589).

Примеры свидетельствуют о том, то фразеологизм *погребъ чинити* вступал в синонимические отношения со словами *погребати*, *поховати*. Он почти ничего не прибавлял к семантике этих лексем и вышел из употребления как описательная единица.

Устарели также фразеологизмы с компонентом *гробъ* – *гробу предати* ‘похоронить, захоронить’, *до гробу провадити* ‘заботится о чьей-либо старости до смерти’.

Архаичным оказалось слово *зверхность* (*звирхность*) ‘власть, сила’ – ушли в пассив и фразеологизмы *зверхность* (*звирхность*, *звирхности*) *ростягати* ‘подчинять’ кого, ‘брать верх’ над кем, *зверхность* *уживати* ‘расширять свою власть, преобладать’ над кем-либо: але *зверхность* надъ нами силомоцьо *ростягають* (Ап., 1788, 1599): папѣжъ Римскій надъ всего свѣта костелы и бискупы *зверхности* мѣлъ *уживати* (Ап., 1474, 1599).

Таким образом, одни фразеологизмы – их большинство – в процессе развития белорусского языка были и остаются живыми его единицами, другие – вышли из употребления. Анализ последних показывает, что архаизация во фразеологии – явление причинно-следственное. Происходят различные культурно-исторические изменения в обществе, предаются забвению былые обычаи, обряды, поверия – изменяется и облик фразеологического фонда языка. Однако архаизация фразеологизмов зависит не только от экстралингвистических причин. Она обязательно обусловлена и внутриязыковыми процессами, в частности историей употребления, судьбой компонентов как слов лексического уровня, воздействием лексической системы языка на компоненты фразеологизмов, которое происходит потому, что компоненты ФЕ так или иначе сохраняют свой лексемный характер, несмотря на все семантические изменения, которым они подвергаются.

Исследование проблемы архаизации фразеологизмов в отечественной и зарубежной лингвистике даст возможность более глубоко выяснить природу компонентов ФЕ. Отмеченные причины архаизации ФЕ, разумеется, являются далеко не исчерпывающими, однако учитывать их нужно.

СОКРАЩЕНИЯ

АВАК – Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею, тт. 1–XXXIX. – Вильно, 1865–1915.

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, тт. 1–V. – СПб., 1846–1853.

Ап. – Апокрисисъ, albo отповѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ. – Вильня, 1598.

АПФ – Антиризисъ или Апологія противъ Христофора Филалета. – В кн.: Русская историческая библиотека, т. XIX. Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. 3. – Пб., 1903.

АЮЗР – Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. 1. – СПб., 1863.

БА – Беларускі архіў, тт. 1–3. – Менск, 1927.

Бельск. – Летописецъ то есть кроиника, з розныхъ многихъ а досветчоныхъ авторовъ и историковъ диалектомъ русскимъ есть зложена. – Рукопись Государственной публичной библиотеки имени М.Е.Салтыкова-Щедрина, F. IV. 688.

Зап. – Записки русского географического общества по отделению этнографии, т. V. – СПб., 1873.

ИЮМ – Историко-юридические материалы, извлеченные из архивных книг губерний Витебской и Могилевской, вып. 1 – XXXII. – Витебск, 1871–1906.

Листъ – Листъ Ипатія Потея... – В кн.: Русская историческая библиотека, т. XIX. Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. 3. – Пб., 1903.

Отв. – Ответъ (отпись) Клирика Острожского Ипатію Потею 1598 года. – В кн.: Русская историческая библиотека, т. XIX. Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. 3. – Пб., 1903.

Ответъ – Ответъ (отпись) Ипатія Потея Клирику Острожскому 1598–1599 года. В кн.: Русская историческая библиотека, т. XIX. Памятники полемической литературы в Западной Руси, кн. 3. – Пб., 1903.

Ст. 1585 – Статут Великого княжества Литовского. – Вильна, 1588.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. К вопросу о структурной лексикологии. – Вопросы языкознания. 1962, № 3, с. 38–47.

Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. – Львов, 1949.

Жданов Н. Сочинения, т. 1. – СПб., 1904.

Жуков В.П. Русская фразеология. Учебное пособие для вузов. – М., 1986.

Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. Проспект. – Великий Новгород, 2002.

Коломиец Л.И. Фразеология украинского языка второй половины XVI – первой половины XVII стст. (Генезис и стилистическое использование). – Дис. ... д-ра фил. наук. – Нежин, 1978.

Молотков А.И. Основы русской фразеологии: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1971.

- Попков Ф.С.* Исследование о лексике западнорусских грамот. – Дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1947.
- Скурат К.І.* Даўнія беларускія меры (лексічны аналіз). – Мн., 1974.
- Федоров А.И.* (а). Русская фразеология и её изучение по источникам: Автореф. дис. ... д-ра фил. наук. – Л., 1973. – 32 с.
- Федоров А.И.* (б). Развитие русской фразеологии в конце XVII – начале XIX в. – Новосибирск, 1973.
- Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. – М., 1977.
- Янкоўскі Ф.М.* Беларуская мова. 3-е выд., дапр. – Мн., 1978.

Л.М.Якишук
(Гродно, Беларусь)

О ТВОРЧЕСКОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологизмы представляют собой благодарный материал для творческого их употребления в художественной литературе и публицистике. По своей лингвистической природе фразеологизмы являются исполнителями ряда как узуальных функций, т.е. внутренне присущих фразеологической единице независимо от контекста, так и окказиональных, которые приобретаются фразеологическими оборотами в контексте соответственно эстетическим задачам автора (функция создания юмора и сатиры, функция создания градации, функция сюжетной основы произведения, заголовочная функция, функция заключительного аккорда и т.д.). Творческое употребление фразеологических единиц может затрагивать их содержание, внутреннюю форму, этимологический образ, который лежит в основе того или иного оборота, внешнюю оболочку, а то и может осуществляться на нескольких уровнях одновременно.

Удачное, меткое стилистическое употребление фразеологизма, охарактеризованное Б.А.Лариным как «артистический» способ, создает сильный комический или другой эффект, который воздействует на сознание читателя и побуждает его более эмоционально воспринять написанное. Непривычное, нетрадиционное употребление того или иного оборота, обыгрывание его формы и содержания притягивает внимание и к контексту, создает яркую, запоминающуюся картину.

Стилистическое употребление фразеологизмов может сопровождаться семантическими или структурно-семантическими изменениями самих оборотов. Среди субстантивных фразеологизмов выявлено немало случаев творческого употребления с двумя этими видами изменений.

Так, например, семантическим изменениям подвергаются фразеологические обороты при употреблении фразеологизма в необычном для него значении. В соответствии с художественной задачей писатели иногда могут употреблять фразеологизмы в несвойственных им значениях, однако это должно отчетливо восприниматься как стилистический прием и служить решению определенной эстетической задачи. В противном случае такое употребление противоречит требованиям правильности речи и квалифицируется как нарушение нормы.

Фразеологизм *воўчае мяса* употребляется как высказывание недовольства коном, собакой и соответственно употребляется только в отношении животных. М.Лынь-

ков расширяет семантику этого оборота и употребляет его с необычным значением в таком предложении: «Іч ты їх, пачалі дурняў шукаць, я вас адвучу ад такой звычкі назаўсёды, *воўчае мяса!*.. Не людзі, а шчанюкі, даруй ты божа...». Здесь применение фразеологизма *воўчае мяса* в отношении людей выражает чрезвычайно презрительное отношение старого охранника к фашистам, которые предлагали ему деньги за то, чтобы он их выпустил. Называя их *воўчае мяса*, старик не просто высказывает недовольство ими, а показывает, что эти люди своими поступками принизили себя до уровня животных. Это видно и в дальнейшем контексте: «не людзі, а шчанюкі», который одновременно объясняет, оправдывает употребление фразеологизма с нехарактерным для него значением.

К приемам употребления фразеологизмов с семантическими изменениями относятся также переосмысление фразеологизма в диалогической речи, комическая расшифровка фразеологизма, прием создания семантического параллелизма, развертывание метафорического контекста на образной основе фразеологизма, столкновение двух фразеологизмов, сопоставление фразеологизма и соответствующего ему свободного словосочетания, антитезное противопоставление фразеологизмов, столкновение фразеологизма и созвучного с его компонентом слова, употребление на фоне фразеологизма его компонентов и др.

Рассмотрим приемы структурно-семантического употребления субстантивных фразеологизмов, т.е. приемы, при которых изменения затрагивают не только смысловую, содержательную, но и внешнюю, формальную сторону фразеологизма.

Замена компонента другим словом. Использование этого приема авторами художественных и публицистических произведений вызвано предъявляемыми контекстом требованиями творческой переделки фразеологической единицы, приспособления ее к описанной ситуации. При условии удачной мотивированной замены компонента фразеологизм часто приобретает юмористическое звучание, повышается его экспрессивность: «Калі б нават думалі інакш, дык не ведалі дакладна, у якім шпіталі яго шукаць. Ды, урэшце, хто гэта будзе браць на сваю галаву ці, праўдзівей, на ногі гэтакі клопат?» (К. Чорный).

В стихотворных произведениях замена компонента может обуславливаться требованиями рифмы и ритма; например, Р.Бородулиным во фразеологизме *тоўсты кашалёк* субстантивный компонент заменен на *каліта*: «Пясняр трупярыняў і магіл прывык да *тоўстай каліты* і радыёактыўны пыл ператварае ў залаты». При замене компонента фразеологизма в подтексте сохраняется прототипный, исходный оборот, который также воспринимается читателем. Столкновение этих двух оборотов вне контекста, в сознании человека, наложение их один на другой создает стилистический эффект.

Усложнение фразеологизма словом свободного употребления. Выявлены два пути реализации этого приема. Во-первых, к одному из компонентов фразеологизма может присоединяться пояснительное слово, которое уточняет этот компонент: «Мы дакладна і пэўна, Самі бясчубыя, падпускалі *чырвоных* чубатых *пеўняў* Пад стрэхі панскія вечныя...» (Я. Сипаков). Во-вторых, к началу или концу фразеологизма может присоединяться «довесок» из слов свободного употребления, который поясняет компонент или весь фразеологизм: «О, ты цяпер кум *каралю і свят міністру*... лёгкай і харчовай прамысловасці» (П. Мисько).

Фразеологическая зевгма. При фразеологической зевгме происходит одновременная реализация компонентом фразеологизма своей функции как части фразеологического комплекса и значения, присущего ему на уровне слова. Это становится

возможным при объединении «слова и фразеологизма в одной синтаксической конструкции с формально однородными, но логически несочетаемыми, разнородными членами» (Лепешев 1998, с. 222).

Среди субстантивных фразеологизмов самым любимым авторами оборотом для реализации приема фразеологической зевгмы стал *камень за пазухай*: 1) *За пазухай у яго камень, а не ў пячонках* (А.Макаёнок); 2) *Ох ужо гэты камень! У аднаго ён на сэрцы, у другога – у нырцы, у трэцяга – за пазухай* (В.Шевченко); 3) *У кожнага сваё: у каго камень на сэрцы, а ў каго – за пазухай* (газета «Літаратура і мастацтва»). В первом примере в рамках компонента *камень* реализуется его функция деактуализированного слова в составе фразеологизма и лексическое значение слова *камень* ‘твердое соляное образование в некоторых внутренних органах’ (в этом значении слово *камень* употребляется в форме множественного числа). Во втором примере присутствует конструкция из трех частей: деактуализированное слово *камень* как компонент фразеологизма *камень за пазухай*, слово *камень* со значением ‘твердое соляное образование...’ и деактуализированное слово *камень* как компонент несоотносительного с частями речи фразеологизма *камень на сэрцы* (у каго). В третьем случае имеем дело с «чисто фразеологической» зевгмой, когда один компонент реализуется как часть двух фразеологизмов.

Фразеологическая зевгма в этих и в других случаях выступает как средство создания комического впечатления.

Объединение слова свободного употребления с частью фразеологизма «основывается на двупланной реализации слова свободного употребления, на столкновении и переплетении двух смысловых контекстов. Определенное слово, омонимичное с фразеологическим компонентом и реализованное в одном из своих значений, выступает и как часть фразеологизма» (Лепешев 1984, с. 135).

Этот прием часто реализуется на стыке двух реплик, когда к слову, употребленному первым собеседником в словарном значении, второй собеседник неожиданно добавляет компонент, и вместе эти слова начинают восприниматься как фразеологизм: «[Квінда:] Дарэчы! Што за чалавек гэты парторг? [Болгас:] *Сцяна!* Форменная *сцяна!* [Квінда (іранічна):] *Кітайская?*» (Х.Шинклер).

Объединение слова свободного употребления с частью фразеологизма может происходить и в одной синтаксической конструкции. Пример такого творческого употребления фразеологизма *мядовы месяц* находим в стихотворении А.Кулешова «Ліст з палону»: «Любы мой!.. Развіталася сонца з зямлёй. Пацямнелі дубровы... 3-за дубоў узыходзіць мой страшны, мой *месяц мядовы*». Р.Шкраба так охарактеризовал обыгрывание этого фразеологизма: «Оборот, который от частого употребления сделался чуть ли не штампом, здесь зазвучал с такой силой, что видишь перед собой не только буквы и слова, а живую явь. Здесь оборот *мядовы месяц* одновременно и фразеологизм, и конкретный образ ночного светила, которое видит девушка через решетку вагона».

Использование образной основы фразеологизма. Этот прием подразумевает разрушение структуры фразеологизма и использование его внутренней формы, образа, который лежит в основе фразеологической единицы: «Вадзім зірнуў на Клімчука, цішком усміхнуўся. Цікава назіраць за чалавекам, які па натуры воўк і накінуў на сябе авечую шкуру» (М.Гамолка). В этом предложении использована образная основа фразеологизма *воўк у авечай шкуры*.

Как видим, деформация фразеологического оборота при этом стилистическом приеме не переступает ту грань, при которой фразеологизм становится неузнавае-

мым. Он хоть и не присутствует в контексте в своей обычной форме, все же остается тесно связанным с ним. Часть компонентов фразеологизма сохраняется, и благодаря этому, через сопоставление этих компонентов и использованной в контексте образной основы, фразеологизм сразу воспринимается в сознании читателя: «...Упершыню ўрад заявіў аб тым, што ён вядзе не проста палітыку роста зароботнай платы, а прыступіў да своеасаблівай гульні – да размеркавання бубліка, якога няма, а толькі дзіркі ад яго» (газета «Народная воля»). В этом примере стилистически обыграна внутренняя форма фразеологизма *дзірка ад абаранка*. Несмотря на разрушение структурной организации этого оборота и замену компонента *абаранак* на семантически близкий компонент *бублік*, прототипный оборот с легкостью воссоздается.

ЛИТЕРАТУРА

Лепешаў І.Я. Праблемы фразеалагічнай стылістыкі і фразеалагічнай нормы. Мінск, 1984.

Лепешаў І.Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы: Вучэб. дап. для студэнтаў філал. фак-таў ВНУ. Мінск, 1998.

*А.Н. Зеленов
(Великий Новгород)*

ФРАЗЕОЛОГИЗМ В РОЛИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

Данное автором тексту название (заглавие, заголовок) является «символическим словесным выражением концепта, получающего свое воплощение в тексте» [Степанова 2006: 257]. Фразеологизм в составе заголовка, а также заголовок -- трансформированный (преобразованный, измененный) фразеологический оборот не такое уж редкое явление в печатных средствах массовой информации.

С позиции Новгородской фразеологической школы фразеологизм определяется как «воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний (непредикативного или предикативного характера), обладающий целостным (или реже -- частично целостным) значением и сочетающийся со словом» [Жуков 2006: 6]. Фразеологизм, выступая в роли газетного заголовка, оказывается более эффективным текстообразующим средством, чем слово, словосочетание или предложение, так как фразеологическая подсистема «в силу своей изначальной образности, выразительности, а также нередко присущих ей оценочности, номинативно-познавательной ценности и антропоцентричности не только содержательно обогащает, облагораживает языковую личность, но придает и самой речевой деятельности говорящего или пишущего неповторимое семантическое своеобразие, красочность, динамизм, эмоциональность и коммуникативную действенность» [Жуков 2006: 39].

Оценочно-информационный заголовок [Зеленов 2007: 53] на базе фразеологического оборота определяет основную семантическую составляющую -- авторскую оценку сообщаемой информации, так как «...чем сильнее развито в том или ином фразеологизме модальное значение оценки, тем менее способен такой фразеологизм выполнять собственно назывную функцию, и наоборот» [Жуков 2006: 162]. Это легко устанавливается в сравнении с другими заголовками материалов этой же тематики: «Миллиарды на ветер. Европа пережила самый сильный ураган с начала века» («I—КириллI—обесточил дома жителей Новгородской области» (Lenta.ru, 19.01.2007), «в Москве будет шторм и метель» («Комсомольская правда», 19.01.2007), «Москве обещают «хороший ураган» («Труд», 19.01.2007), «Ураган остановил нефтепровод I—ДружбаI—» (Lenta.ru, 19.01.2007), «Число пострадавших от I—КириллI— в Евро-

пе возросло до 29 (Lenta.ru, 19.01.2007), «В Европе бушует I—КириллI—» («Московский комсомолец», 18.01.2007).

Привлекательность использования фразеологизма в роли заголовка также обеспечивается повышенной познавательной ценностью [Жуков 2006: 30] фразеологической единицы.

Фразеологизмы (семантический центр заголовка) составляют около 20%, трансформированные -- около 80% всех заголовков печатных СМИ. Заголовки -- трансформированные фразеологизмы, как правило, имеют подзаголовки, состоящие из отдельного предложения: автор интуитивно осознает, что номинативная единица подверглась изменению и это изменение должно быть каким-либо образом мотивировано («Забор преткновения. В Южном Бутове произошло очередное обострение конфликта между местными жителями и властями города» - Lenta.ru, 24.05.2007).

Фонетические («Перед кем метать I—диссерI—»), а также графические («Book о бок») сближения текстового заголовка и фразеологической единицы делают узнаваемым исходный фразеологизм и актуализируют его значение, которое и определяет тип заголовка (оценочно-информационный) и особенности газетного текста, что способствует успешному восприятию информационного материала.

Степень трансформации фразеологизма, выступающего в роли заголовка, может быть различной: от минимальной, или формальной, когда незначительно изменяется один из его компонентов («Чех был на волоске...» -- висеть (держаться) на волоске (на ниточке), до максимальной, когда неизменным остается только один из компонентов фразеологической единицы («Перед кем метать «I—диссерI—» -- метать бисер перед свиньями).

Часто встречается семантическая трансформация фразеологического оборота: «Опять не соберем костей?» -- «Труд», 07.10.2006 (статья о травмоопасном сезоне из-за осенней слякоти, а в Словаре -- КОСТЕЙ НЕ СОБЕРЕШЬ. Будешь уничтожен, погибнешь. КОСТЕЙ НЕ СОБРАТЬ. [ФСРЯ 1986: 443]), смысл текста -- можно разбиться насмерть; «Мокрое место» -- «Новая Новгородская газета», 25.04.2007 (статья о попытке самосожжения в знак протеста к «ОСАГО», так как у инвалидов на страхование не хватает денег, + на месте акции осталась лужа от тушения огня, а в Словаре -- МОКРОЕ МЕСТО ОСТАНЕТСЯ от кого. Прост. Будет совсем уничтожен. Обычно как угроза. [ФСРЯ 1986: 245]). Смысл текста -- «ОСАГО» может привести к тому, что многие автолюбители не смогут ездить на машине. На первый план здесь выступает внутренняя форма фразеологизма, что и определяет общую тональность публикации.

Метод аппликации (наложения) [Жуков 1978: 12], если его представить как набор последовательных операций - свободное словосочетание ®® фразеологизм ®® заголовков-фразеологизм ®® текст, - обеспечивает читателю максимально возможное понимание авторской позиции за счет пересечения актуального и этимологического значений фразеологического оборота. В этом случае происходит антиципация (упреждение) разворачивания текстовой информации за счет фразеологического значения, а также внутренней формы фразеологической единицы.

1. Фразеологизм в составе заголовка

1.1. Древние люди *обвели* ученых *вокруг пальца*

ОБВОДИТЬ ВОКРУГ ПАЛЬЦА кого; ОБВЕСТИ (ОБЕРНУТЬ) ВОКРУГ ПАЛЬЦА кого. Разг. Употр. при подлежа. со значением лица. Ловко, искусно обманывать, проводить кого-либо). [ЛФСРЯ 2003: 317]. Повышенная познавательная ценность.

1.2. Наши фигуристы потеряли *пальму первенства*

ПАЛЬМА ПЕРВЕНСТВА (мн. ч. не употр.). Полное превосходство, явное пре-

имущество в чем-либо. Пальму первенства отбивать (отбить), отдавать (отдать). (с.). [ЛФСРЯ 2003: 344]. Повышенная познавательная ценность.

1.3. Страсбург *умыл руки* – «Lenta.ru» 02.11.2006 (Европейский суд по правам человека отказался рассматривать «дело Холодова»).

УМЫВАТЬ РУКИ. УМЫТЬ РУКИ. Отстраняться, уклоняться от участия в каком-либо деле; снимать с себя ответственность за что-либо [ФСРЯ 1986: 495]. УМЫВАТЬ (УМЫТЬ) РУКИ <в чем>. Неодобр. Употр. при подлежа. со значением лица. Отказываться от участия в чем-либо; устраняться от ответственности [ЛФСРЯ 2003: 491]. Повышенная познавательная ценность.

2. Заголовок -- трансформированный фразеологизм

2.1. Чех был *на волоске*...

У «Челси» двух вратарей с поля вынесли санитары

ВИСЕТЬ (держаться) НА ВОЛОСКЕ (на ниточке). ПОВИСНУТЬ НА ВОЛОСКЕ (на ниточке). Оказываться в опасности, под угрозой гибели. [ФСРЯ 1986: 69]. Повышенная познавательная ценность.

2.2. Миллиарды *на ветер*

Европа пережила самый сильный ураган с начала века

БРОСАТЬ (ПУСКАТЬ) НА ВЕТЕР (ПО ВЕТРУ) что; БРОСИТЬ (ПУСТИТЬ) НА ВЕТЕР (ПО ВЕТРУ) что. Употр. при подлежа. со знач. лица и управляет преимущ. сущ. деньги, миллионы, тысячи, добро, состояние, имущество, сто, двести и т.п. Зря, безрассудно тратить (деньги, имущество и т.п.) [ЛФСРЯ 2003: 59]. Повышенная познавательная ценность.

2.3. *Памятники раздора*

Согласно планам московских властей, в столице в скором времени будет установлено сразу несколько памятников

ЯБЛОКО РАЗДОРА между кем, между чем. Книж. Повод, причина ссоры, споров, серьезных разногласий. [ФСРЯ 1986: 539]. Повышенная познавательная ценность.

2.4. *Рука руку намылит*

Чиновники ищут коррупцию в парламенте, а депутаты – в министерствах

УМЫВАТЬ РУКИ. УМЫТЬ РУКИ. Отстраняться, уклоняться от участия в каком-либо деле; снимать с себя ответственность за что-либо [ФСРЯ 1986: 495]. УМЫВАТЬ (УМЫТЬ) РУКИ <в чем>. Неодобр. Употр. при подлежа. со значением лица. Отказываться от участия в чем-либо; устраняться от ответственности [ЛФСРЯ 2003: 491]. Повышенная познавательная ценность.

МАРАТЬ РУКИ об кого, обо что. Разг. Употр. при подлежа. со значением лица. Связываться с кем-либо, вмешиваться в какое-либо неприятное, нестоящее дело [ЛФСРЯ 2003: 247]. Повышенная познавательная ценность.

2.5. Перед кем *метать «диссер»*

Сколько стоит стать кандидатом наук?

МЕТАТЬ БИСЕР ПЕРЕД СВИНЬЯМИ. Прост. Употр. при подлежа. со значением лица. Напрасно разъяснять, доказывать тому, кто не понимает или не хочет понять. [ЛФСРЯ 2003: 251]. МЕТАТЬ [рассыпать] БИСЕР ПЕРЕД СВИНЬЯМИ. Прост. Напрасно говорить о чем-либо или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять. [ФСРЯ 1986: 246]. Повышенная познавательная ценность.

2.6. *Book о бок*

Любовь к чтению будут воспитывать даже у новорожденных

БОК О БОК. 1. Совсем рядом, близко один возле другого (идти, ехать, находиться и т. п.). 2. Вместе (жить, работать, бороться). [ФСРЯ 1986: 41]. Повышенная познавательная ценность.

тельная ценность.

Заголовок-фразеологизм и заголовок -- трансформированный фразеологизм как текстообразующее средство относятся к оценочно-информационному типу и выполняют разнообразные коммуникативные функции:

1) привлекают внимание читательской аудитории, а также ориентирует потенциальных читателей в материалах издания;

2) выступают в роли путеводителя, поскольку оказываются весьма информативными (в ряде случаев -- информативно достаточными: читатель пытается лишь уточнить некоторые факты);

3) активизируют фоновые знания адресата;

4) участвуют в создании интриги, вовлекая читателя в языковую игру;

5) обеспечивают антиципацию (упреждают восприятие и понимание текста);

6) пропагандируют, агитируют, формируют адекватное отношение к предлагаемому материалу;

7) обслуживают равноправный диалог субъектов общения, обусловленный особенностями языковой личности автора и потенциального читателя (пол, возраст, социальный статус, фоновые знания, возможные читательские предпочтения и др.).

ЛИТЕРАТУРА

Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. -- М., 1978. -- 160 с.

Жуков В.П. Русская фразеология: Учеб. пособие. 2-е изд. испр. и доп. / В.П. Жуков, А.В. Жуков. -- М., 2006. -- 408 с.

Зеленов А.Н., Сидоренков В.А. Газетный заголовок как текстообразующее средство // Фразеологизм и слово в языке и речи. -- Великий Новгород, 2007. -- С. 48-55.

ЛФСРЯ: *Жуков А.В.* Лексико-фразеологический словарь русского языка. -- М., 2003. -- 603 [5] с.

Степанова В.В. Слово в тексте. Из лекций по функциональной лексикологии. -- СПб., 2006. -- 272 с.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. Под ред. А.И. Молоткова. -- М., 1986. -- 543 с.

*А.А. Романов
Л.А. Романова
(Тверь)*

ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПАРАДИГМЕ ПСИХО- СЕМИО-СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА

Обращение к теоретическому наследию, созданных в XX веке и оказавших влияние на ряд различных смежных с психологией дисциплин, например, на социологию, лингвистику, культурологию, когнитивистику, социальную антропологию и др., представляется сегодня не только актуальной, но и перспективной задачей по целому ряду причин. Прежде всего, такое обращение позволяет выяснить и понять истоки возникновения целого ряда важных оригинальных идей, подходов и методов, получивших свое распространение в лингвистике, в психологии и в других гуманитарных науках. Выбранная линия анализа позволяет оценить роль и влияние, которое теории смежных дисциплин оказали на психологию и которое они могли бы оказать, будучи осознанными ею в полной мере. С этих позиций, если воспользоваться идеями представителей парадигмы социального конструкционизма (эпистемиологического конструктивизма / конструкционизма в духе Ф. Варелы и У. Матураны), можно было бы способствовать расширению и обогащению дискурсивных ресурсов лингвистики и психологии, обновлению некоторых психологических идей и большей рефлексии ею собственных оснований.

В этой связи приходится констатировать, что знание некоторых значимых и влиятельных «не-психологических» теорий XX столетия становится просто необходимым при анализе таких современных психологических направлений как социальный конструкционизм, дискурсивная психология, нарративная психология и нарративная дискурсология, диалогическое «я» и т.д. В этом плане значительный интерес представляет теория речевых актов (ТРА), которая позволяет лучше понять контекст возникновения целого ряда идей, широко используемых сегодня в парадигме социального конструкционизма, а именно - при исследовании дискурсивных ресурсов психологии в целом, и в лингвопсихологии в частности.

Не вдаваясь в общий обзор (об этом подробнее см.: Романов, 1981; 1986; 1988; 2005; 2006а, раздел 4: перформативы, перформативная гипотеза, анализ перформативных высказываний), важно иметь в виду, что развитие положений этой теории в парадигме конструкционизма происходило как в плане расширения сферы их прямого назначения (логико-семантический и прагматический анализ высказывания, конверсационный анализ, теория значения и референции и т.п.), так и в плане их большей радикализации и расширения областей их применения – от СМИ до архива

рекламных практик. Важно иметь в виду, что сегодня теория речевых актов в научном направлении одного из ее лидеров Дж. Р. Серля (см. также работы Дж. Л. Остина, З. Вендлера, П. Строссона и др.) преобразована по своей сути в целую философскую концепцию сознания в плане описания и изучения интенциональных состояний говорящей личности в интерактивном (дискурсивном, диалогическом) пространстве (Серл, 2002). Следует также учитывать и тот факт, что сегодня многие из ее понятий уже прочно вошли в обиход философской, психотерапевтической, лингвистической и логической речи. Среди них наиболее распространенными являются само понятие речевого акта, понятие перформатива и констатива, понятие иллокутивной силы высказывания, коммуникативной интенции и других понятий.

Идеи теории речевых актов получили широкое распространение в конце XX века в странах Западной Европы и США в исследовательском направлении под общим названием междисциплинарного дискурса, более известного сегодня в философии, социологии и психологии под наименованием радикальный конструкционизм.

Как известно, основное положение конструкционизма сводится к тому, что так называемая *объективная реальность* является продуктом человеческого общения, что знание не обретается пассивным образом, а активно конструируется познающим субъектом (когнитивным агентом), представляет собой философское обобщение, сделанное на основе конкретного фактического материала, добытого целым рядом наук, среди которых лингвистика и психология (лингвopsихология) занимают ведущие места (Матурана, Варела, 2001; Varela, 1979; 1997). В свою очередь, теоретические и методологические принципы радикального конструкционизма, примененные в практике психологии и психиатрии, позволили, например, специалистам из Института исследований психики в Пало-Альто добиться существенных результатов на пути разрешения проблем, возникающих во взаимоотношениях как между людьми в повседневной жизни, так и между государствами, различными культурами и идеологиями.

Проявление особого интереса к процессу социального конструирования мира обуславливает пристальное внимание к постижению мира значений, посредством которых он репрезентируется и осознается. По этой причине очевиден интерес представителей конструкционистской парадигмы к дискурсу и его анализ в рамках социальной психологии (социального контекста), его «привязка» к контексту взаимодействия участников социальной (институциональной) интеракции. Поэтому очевиден и путь анализа - через изучение (описание) различных типов дискурсов, влияния на них социального контекста и языка как детерминированных культурой феноменов становится возможным постижение подлинных смыслов человеческой жизни (Матурана, Варела, 2001; Varela, 1979; 1997).

С позиции представителей парадигмы конструкционизма, дискурс в наиболее общем виде представляет собой систему утверждений, конструирующих объект без какого-либо строго системного аналитического метода в рамках парадигмы дискурсного анализа или дискурсного подхода.

Дискурсный подход, опирающийся на идеи социальной конструируемости мира, дает возможность рассматривать природу межличностного взаимодействия (социальной интеракции), институциональной коммуникации не просто как процесс, который подчиняется какой-то универсальной схеме, будь то линейная модель взаимодействия как обмена информацией или порождения неких смыслов (Джерджен, 2003). В рамках дискурсной парадигмы (подхода) утверждается, что межличностное взаимодействие, в котором участвуют субъекты, достаточно сложно (а, может быть, даже и невозможно в полном объеме) изучать объективными методами, так как внутренний мир его участников представляет собой своего рода неприступную кре-

пость (т.е. объект, не раскрывающийся полностью для анализа другим, извне) для так называемых объективных методов. Поэтому и предлагается самим субъектам взаимодействия участвовать в его изучении, так как именно они (субъекты) являются истинными носителями того смыслового поля, которое нельзя нащупать, если выключить их из исследовательского контекста (см.: Бурдые, 2001).

В последние годы достаточно интенсивное развитие получило особое направление дискурсного анализа, которое рассматривается как комплексная (целостная, «холистическая», по Кену Уилберу) производная социальной психологии и теории коммуникации. Основная доктрина данной ветви дискурсного анализа реализуется в явном направлении на антиреализм и конструкционизм, с определенным переносом акцента на способ, при помощи которого создается описание мира, событий, внутренней психической жизни человека (субъекта). Основополагающим моментом данного способа является, с одной стороны, позиция собеседников дискурсной интеракции, а с другой стороны, – позиция исследователя и его версий о событиях, явлениях и ситуациях. Таким образом, в процессе применения исследовательских процедур названного метода акцентируется (подчеркивается) своеобразное столкновение с реальностью и как результат – сам дискурс предстает в роли объекта исследования.

Обращая внимание на ролевые позиции самих собеседников как участников дискурсного взаимодействия и исследователей такого дискурсного взаимодействия, следует иметь в виду, что в дискурсном анализе особая роль принадлежит идее рефлексивности, предполагающей пристальное внимание к способу, с помощью которого вербально (текстово, в виде фиксированных текстов как знаковых в широком понимании образований) создается версия, избирательная связность или бессвязность, историческая последовательность, представляющая (в виде языкового конструкта) или на самом деле устанавливающая объективную реальность.

Такой подход к анализу дискурса позволяет рассматривать дискурс как тексты, включенные в социальную практику, в «реальное бытие языка», по В.Н. Волошинову, с учетом «его словесного и внесловесного трения» (Волошинов, 1930; 1931). Совершенно очевидно, что при таком подходе акцент делается не на язык как абстрактную сущность с его лексиконем и грамматическими правилами, не на систему дифференциальных признаков (как в структурализме Ф. Соссюра) и не на свод правил трансформаций (в духе Н. Хомского), хотя названные аспекты играют свою специфическую, важную роль, особенно в практике психотерапевтической коммуникации. Однако в этом плане, напротив, особая роль отводится дискурсу как средству взаимодействия. И тогда анализ дискурса представляет собой именно анализ того, что делают люди. К этому следует добавить, что в рамках дискурсного анализа подчеркивается особая роль риторической и аргументативной организации беседы и текста (Лакан, 1995; Романов, 1988; 1995; 2006; Романов, Черепанова, 1999; Морозова, 2005).

Отличительной особенностью *дискурсного подхода* является признание того факта, что психологические феномены обладают общественной и коллективной реальностью (см.: Лакан, 1995; Петренко, 2004; Burr, 2003; Gergen, 1997; Harre, 1989; Varela, 1979; 1997). При этом отмечается, что *язык, организуясь в дискурсы, начинает обладать собственным влиянием на способ переживания людьми, в том числе и психологами, на способ переживания окружающего мира и взаимодействия с ним*. Именно язык включает большинство базовых категорий, используемых для понимания людьми самих себя, эмоционально влияя на действия мужчин и женщин, репродуцируя пути определения собственной культурной идентичности (Лакан, 1995; Лабунская, 1989; Носкова, 2006). Отмечается также, что когда мы говорим о любом феномене, мы оперируем отдельными их значениями и паттернами, которые представлены в сознании в

форме словесных описаний, наделенные субъективно уникальным своеобразием, определяющим, в конечном итоге характер интерпретации объектов. Если в сознании объекты представлены в форме словесных описаний, постижение смыслов, которыми оперирует человек во взаимодействии с миром, становится возможным только посредством выяснения особенностей их формирования (Лакан, 1995; Петренко, 2004; Burr, 2003; Gergen, 1997; Harre, 1989; Varela, 1979; 1997). Поэтому понятна ориентация представителей дискурсного подхода на анализ текстов.

По мнению представителей дискурсного подхода в конструкционистской парадигме, традиционные психологические методы не могут в должной мере ухватить семантические процессы, реализуемые в языке реальной жизни не как статичные фиксации неизменных смыслов, а как творение этих разделяемых смыслов в их постоянном взаимодействии и изменении (Петренко, 2004). Именно фиксация (схватывание) языка как действия составляет отличительную особенность дискурсной психологии. Оно становится возможным лишь при условии целесообразности рассмотрения проявлений социальной жизни как текстов, к которым можно применить инструменты дискурсного анализа (Лакан, 1995; Бурдые, 2001; Harre, 1989; Varela, 1979; 1997).

Вот почему приоритетность дискурса и обуславливает становление в качестве основного объекта исследования языковой фактор. Язык, по мнению представителей дискурсного подхода, организован в дискурсы (некоторые исследователи называют их «репертуарами репрезентаций», комплексными наборами репрезентаций), направляющие поведение людей, и содержит основные категории, используемые людьми для самопонимания (см.: Лакан, 1995; Бурдые, 2001; Матурана, Варела, 2002; Harre, 1989). Дискурсы не просто описывают окружающее социальное пространство, они создают его карту, причем субъективную, которая акцентирует внимание на одних факторах и искусственно принижает значение других (Найсер, 1981). Исходя из этого, люди при помощи дискурса выстраивают свою собственную картину мира, конструируя тем самым представления и репрезентации по своему вкусу, часто неосознанному. Следовательно, дискурсы воспроизводят окружающую нас реальность в трансформированном виде.

Примером такого «творения действительности» (конструирования реальности) субъектом можно с полным правом считать явление перформативного дискурса в теории речевых актов (ТРА). Целесообразно напомнить, что именно теория речевых актов предложила известный тезис о том, что посредством слов мы не только *описываем* реальность, но и *творим* ее. «Сказать что-либо значит сделать что-либо» - этот тезис, сформулированный Дж.Л. Остином, обращает внимание на некоторые недооцениваемые возможности языка. В работах Дж. Л. Остина, Э. Кошмидера, В.Н. Волошинова отмечалось, что многие из наших высказываний не столько описывают, сколько производят (конституируют, учреждают, «делают», «создают») некие конвенциональные (условные) положения дел, имеющие определенные («перлокутивные», посткоммуникативные) последствия для говорящего. К таковым, например, можно отнести произнесение просьб, приказов, советов, извинений, всевозможных договоров, принятие резолюций (постановлений), обещаний, клятв, объявления войны и т.п.

Дж.Остин назвал данный класс высказываний *перформативными* (пер-формативами – от англ. to perform: «делать, совершать»), отличая их от описательных, или *констативных* высказываний (констативов) с предназначением утверждения описательной сущности своих действий. Заметим - и не только речевых. Например, произнесение конструкции «Я вызываю вас на дуэль» является совершением акта вызова на дуэль (сатисфактивного акта или сатисфактива: см. Романов, 1981; 1984; 1988; 2005) как результата конструирования (сотворения) говорящим определенной ситу-

ации, ведущий к определенным последствиям для автора, является, безусловно, перформативным. Но произнесение высказывания «Я бегу» не является актом совершения бега, а является всего лишь формой описания, но не конструирования, говорящим процесса, о котором сообщает говорящий.

Поэтому в отличие от констативов перформативные высказывания ничего не конструируют, не сообщают и не констатируют, а совершают нечто с определенным эффектом и результатом (или с результирующим эффектом: Романов, 1981; 1984. Действительно, произнося выражение «я клянусь», говорящий субъект ничего не сообщает о себе в связи со своей клятвой, он просто дает клятву, принимая на себя определенные обязательства следовать тем условиям, которые он создал, сконструировал своим языковым выражением. Поскольку перформативные высказывания не являются описанием действий субъекта или утверждением о совершении им действия, а само произнесение данных высказываний является осуществлением некоторого акта, или действия, то они, по мнению Дж.Л. Остина, не являются ни истинными, ни ложными. Они являются «аутореферентными» единицами, т.е. такими единицами, которые одновременно являются и фактом языка, и фактом создаваемой ими действительности. Другими словами, перформативные выражения – конструкции являются тем, что они есть, а именно – фактом, реальностью, созданной говорящим при помощи таких высказываний. Более того, через перформативы язык реализует особую, присущую только им функцию, функцию осуществления действия и конструирования своей, перформативной, действительности. В этом плане перформативные высказывания, функционируя в сконструированной ими действительности, выступают в качестве определенного знака-медиатора в его суггестивной, магической ипостаси (Романов, 2006), реализация которого в полном объеме требует выполнения определенных условий ритуального взаимодействия (Романова, 2001).

Справедливости ради следует отметить, что идеи Дж.Л. Остина о наличии целого ряда языковых выражений, которые долгое время в логике и философии принимались за описательные, в действительности не являются сообщениями о фактах и вовсе не предназначаются для описания реальности, высказывались в работах по аналитической философии (см.: Аналитическая философия, 1993). Более того, как отмечают представители названного философского направления, многие традиционные философские проблемы были следствием именно этой ошибки: за прямые утверждения о фактах ошибочно принимались такие высказывания, которые замысливались как нечто совсем иное и которые лишь косвенным образом соотносились с прямыми утверждениями / суждениями.

Идея ТРА о наличии в обыденной, философской и научной речи не-описательных, перформативных высказываний получила развитие в различных научных парадигмах, например, в лингвистической парадигме «перформативной гипотезы», где во главу угла ставится перформативность как «техническое» владение речевым исполнением (от англ.: *performance*), которое имеет место при реальном употреблении языковых выражений в конкретных ситуациях, или в парадигме социального конструционизма и была переосмыслена в гораздо более категоричном виде.

Более того, в целом ряде работ названных научных парадигм обосновывается положение, согласно которому перформативен вообще весь язык и, следовательно, все наши высказывания о чем бы то ни было являются также перформативными (критику и обзор данного положения см.: Романов, 1984; 1986; 2006; Романова, 2001). Представители указанного направления считают, что в глубинной сфере языковой конструкции представлен абстрактный перформативный предикат «говорить», который является составной частью любого высказывания. Так, например, высказы-

ние «Идет дождь» может быть представлено в следующем виде: «Я *говорю*, что идет дождь». Функция такого предиката заключается в том, чтобы выражать модальность утверждения – «Я *утверждаю* то, что я говорю, что идет дождь». В этом смысле язык используется говорящими субъектами не столько с целью простого изображения или описания какого-либо положения дел, сколько для осуществления неких конвенциональных социально-осмысленных действий в системе отношений, в которые включены говорящие (ср. Gergen, 1994).

Примечательно, что высказанные положения оказываются также справедливыми и в отношении «психологических высказываний» субъекта, т.е. высказываний о некотором положении дел во «внутреннем мире» человека. Особый интерес в этом плане вызывает, например, язык эмоций, так как используемые говорящим эмоциональные высказывания являются не столько обозначениями, сколько элементами «исполнения, осуществления» эмоции/эмоций. Действительно, произнося выражения «я раздражен», «я люблю тебя», «я взбешен» и т.п., говорящий не пытается в действительности описать некоторую скрытую область сознания или состояние нейронов, а, скорее, он стремится осуществить отношение между самим говорящим и конкретным адресатом его сообщения. Характерно, что сами эти выражения являются лишь одним из элементов «более широких действий, включающих движения конечностей, голосовые интонации, выражения глаз и т.д.» (Джерджен, 2003: 44; ср. также: Романов, 2004). С этой точки зрения, по мнению Кеннета Гергена, язык эмоций представляет собой не набор обозначений и категорий, отсылающих нас к ненаблюдаемым характеристикам субъективности или особого рода «эмоциональной сферы», а набор перформативов (Gergen, 1994). Если следовать этой позиции, то следует признать, что эмоциональные выражения являются не собственностью отдельного человека, а, скорее, частью конвенциональных отношений между людьми. В этом смысле они схожи с культурными ритуалами: «Гнев понятен лишь как реакция на определенные действия (например, оскорбление, выражение враждебности). Но после того как гнев разыгран, другой не может поступать, как ему заблагорассудится; конвенция обязывает его, например, принести извинения, начать оправдываться или тоже разозлиться». Кроме того, в терминах осуществления социальных отношений, взаимобмена и конвенций можно объяснить не только эмоции, но и когнитивные процессы, установки, «я» и, в целом, сознание (Джерджен, 2003: 44; также: Gergen, 1994).

Очевидно, что представители социального конструкционизма ставят под сомнение саму возможность описаний чего-либо вне определенной перформативной активности, вне социальной практики использования тех или иных дескрипций. Надо признать, что подобный скептицизм имеет под собой основание. Дело в том, что уже сам Дж.Л. Остин в своих более поздних работах посчитал категоричным строгое разведение обоих видов высказываний, выделив некую промежуточную группу группы глаголов, которые могут быть отнесены и к перформативам, и к констативам. На этом основании он склонялся к пониманию констативов как высказываний со скрытой (или включенной на глубинном уровне) перформативной частью. И если первоначально Дж.Л. Остин предполагал, что существуют высказывания, которые не являются конструирующими действиями (констативы), то позднее он стал подчеркивать, что констативы – это также речевые действия, которые могут быть использованы для конструирования перформативной гипотезы (см.: Серль, 2004).

Используя высказанные Дж.Л. Остином идеи, радикальные конструкционисты редуцировали его наблюдение о скрытой перформативной части и пришли к выводу, что любое описание является частным случаем перформатива (Gergen, 1997; ср. в этой связи лингвистическую гипотезу абстрактного перформатива и дискуссию по

этому поводу в: Романов, 1984; 1986; 1988; 2005). По признанию К.Гергена, осуществляя научное описание, объяснение, теоретизирование, люди также совершают определенного рода перформативную активность, некоторое разыгрывание чего-либо с помощью языка по установленным заранее правилам. Всевозможные описания, объяснения, доказательства и другие виды обыденной и научной деятельности используются людьми как своеобразный ход в игре социального взаимодействия и обмена: «Слова сами по себе не описывают мир, но поскольку они функционируют успешно в рамках ритуала, основанного на отношениях, они начинают служить в качестве «описаний» в рамках правил данной игры» (Gergen, 1994: 87).

В этой связи была предпринята попытка поставить под сомнение изобразительную концепцию языка, согласно которой язык функционирует как карта или картина, как изображение мира. Критика этой концепции основывается на одном из центральных тезисов конструкционистской метатеории, согласно которому язык не обладает свойством миметичности (подражательности или способности к порождению автокопий; о миметике и ее единице см.: Броди, 2001). Этот тезис подразумевает, что язык практически перформативен и полностью конститутивен. Поэтому названные свойства языка и он сам используются сообществами собеседников в целях осуществления определенного рода отношений, в том числе и для локального утверждения реального и правильного использования языковых конструкций в рамках институциональной коммуникации (см.: Джерджен, 2003). Применительно к проблеме научного описания использования языковых конструкций это означает, что оно (утверждение) может рассматриваться в качестве картины или зеркала только в рамках отдельной игры или процедуры, в которой говорящий наделяет его данной функцией (Gergen, 1994). Идея теории речевых актов о признании границ применимости понятия истинности для оценки высказываний оказалась для представителей социального конструкционизма полезной и плодотворной. Как уже отмечалось выше, понятие истины вообще не применимо по отношению к перформативным высказываниям, так как они не являются утверждением о каких-либо фактах. Как и любое другое человеческое действие или поступок, перформативное высказывание может быть успешным (удачным, эффективным) или неуспешным, но оно не может быть истинным или ложным. Поэтому даже нечестное обещание или нелегитимный договор не рассматриваются с позиций истинности/ложности, так как они могут представлять скорее недействительный, неэффективный, «неудавшийся» договор или обещание без соответствующих полномочий, чем ложный или неистинный речевой акт обещания или договора.

Вместо дихотомии «истинность/ложность» в оценке перформативных высказываний ТРА предложила использовать понятие «успешности» перформативных выражений. Успешными считаются такие выражения, которые приводят к желаемому (запланированному) эффекту. Успешность перформативного высказывания зависит, как отмечает Дж.Л. Остин, от целого ряда условий, названных «условиями удаchi». К их числу, в частности, относятся такие условия как наличие конвенциональной процедуры, наличие своеобразных правил игры, по которым производится высказывание (обещание, клятва, завещание и т.д.), а также соблюдение этих правил говорящими. Среди других условий успешности значимыми являются такие условия, как наличие у говорящего мыслей, чувств и подлинных намерений совершить соответствующие поступки (условие искренности). При этом отсутствие соответствующих мыслей, чувств, намерений означает не то, что мы имеем дело с «неистинным» описанием событий внутренней жизни, а то, что участники коммуникативной интеракции реализуют (конструируют) недействительные (иные, за предела-

ми мира, сконструированного действительными выражениями) речевые действия (Остин, 1987; 1993; Austin, 1961; 1963; 1979). Из этого следует, что в зависимости от типа недействительных речевых действий (или перформативных неудач), неуспешные высказывания могут трактоваться также как недействительные, неправомерные, ошибочные, неискренние и т.д.

Итак, перечисленные основные тезисы теории речевых актов оказались достаточно плодотворными для исследовательских идей парадигмы социального конструкционизма. Прежде всего, ТРА продемонстрировала неоправданность рассмотрения истины как универсального параметра, характеризующего любые высказывания. Она (теория) подвергла критике то «всеобщее помешательство», которое долгое время было связано с представлением, будто бы высказывания бывают либо истинными, либо ложными (Austin, 1961), ибо «под тем, что мы называем «истина», по сути дела скрывается не только простое качество или отношение и не только что-то одно, а целая область самых разных оценок» (Austin, 1961: 234).

Именно идеи «истинности» высказываний нашли свое отражение в конструкционистской критике, одно из принципиальных мест которой занимает как раз критика понятия «истины» (истинных психологических описаний, теорий, концепций). По мнению представителей конструкционизма, «не может быть трансцендентально привилегированных описаний того, что мы считаем существующим. Нет никакой специфической конфигурации слов или выражений, которые единственно подходят к тому, что мы называем миром, располагающимся «там» либо «здесь»» (Джерджен, 2003: 77; Gergen, 1994). Кеннет Герген отмечает в этой связи, что представление о возможности «истинных» описаний некоей внеязыковой реальности основана все на той же изобразительной, или корреспондентной концепции языка, в которой язык трактуется как средство *перевозки, переноса* истины. Но при этом, с позиций социального конструкционизма изобразительная (манифестационная) правильность высказываний не ставится во главу угла, и высказывания не оцениваются по неким абстрактным и идеализованным стандартам соответствия.

Безусловно, идеи ТРА о предпочтении практической ценности языка разделяются представителями социального конструкционизма. Соответственно, с прагматической точки зрения оцениваются всевозможные психологические описания. При этом те или иные описания личности принимаются не потому, что они «истинны», а скорее потому, что как «осмысленные интерпретации они предлагают значимые варианты деятельности» (Джерджен, 2003: 59). С этой точки зрения, спрашивать нужно не о том, правильно ли или нет говорящий субъект *изображает* «психологическую реальность», соответствуют ли ей данный способ использования слов (терминов, высказываний), а спрашивать нужно о том, что участники взаимодействия *выигрывают* от такого их использования. В самом общем виде, конструкционизм, как считает Кеннет Герген (Gergen, 1994), подводит к постановке вопроса о том, что говорящий субъект выигрывает или теряет от его способа жизни, который следует из того или иного взгляда?

Совершенно очевидно, что поставленный вопрос в полной мере отражает прагматическую концепцию значения языковых выражений. Истоки прагматического подхода в парадигме социального конструкционизма к анализу высказываний вообще и перформативных высказываний в частности, который характерен и для ТРА, и для теории языка, имеют своей основой философскую концепцию языка Л. Витгенштейна. Как известно, именно с влиянием его поздних работ связывается переход в науках о языке от анализа преимущественно семантики слов и предложений к анализу употребления высказываний, т.е. к прагматике или целевому предназначению самих

высказываний с целью установить, что стоит за использованием слов и высказываний, к выявлению того, кто, как, зачем и с какой целью, с каким коммуникативным намерением (интенцией, иллокутивной силой, если воспользоваться терминологией ТРА и перформативного дискурса), с какими личностными установками их использует говорящий субъект в интерактивном пространстве социального взаимодействия.

Л. Витгенштейн отмечал, что значения языковых выражений нужно выводить не из внеположной им реальности (т.е. фрагмента определенной референтной ситуации), а из способов их употребления говорящими, из мира тех языковых игр, в которые играют люди при помощи этих выражений. Для Л. Витгенштейна понятие языковой конструкции означает понятие способ его применения (или мир его применения). При этом он отмечал, что если, например, мы хотим раскрыть значение понятия «представление», то нам следует спрашивать не о том, что такое представление или же что происходит, когда человек что-то представляет, а о том, как употребляется слово «представление» (Wittgenstein, 1922). В этой связи важное значение для социального конструкционизма приобретает его известный тезис о том, что атомарная языковая единица, например слово, получает свое значение лишь в контексте предложения, лишь в отношениях с другими словами, т.е. в мире соответствующий конструкций. Ср. также идею Дж. Л. Остина о значении перформативного глагола, которое реализуется только в рамках перформативной матрицы или конструкции (подробный анализ см.: Романов, 1984, 1986, 2006).

Развивая эти положения, представитель социального конструкционизма Кеннет Герген указывает, что использование слова в той или иной игре зависит от использования игры в рамках более широких коммуникативных, культурных систем или паттернов. Потому слова получают свое значение в зависимости от способа, которым они функционируют внутри человеческих систем отношений. Язык порождает свои значения в человеческих отношениях способами, посредством которых он функционирует в паттернах отношений и оценка существующих форм дискурса заключается в оценке паттернов культурной жизни; такие оценки предоставляют голос другим культурным анклавам (Gergen, 1994: 52-53). Иначе говоря, «поскольку «то, что существует», не предъявляет никаких требований к нашему языку, слова получают свое значение при использовании в человеческих отношениях. В этом смысле высказывания подобны улыбкам, рукопожатиям и объятиям; они представляют собой формы действия, обретающие свое значение в человеческой координации» (Джерджен, 2003: 78).

Очевидно, что в парадигме социального конструкционизма тенденция к прагматизации использования языковых выражений и речевых актов приняла свой весьма радикализованный вид. Особенно это касается референциальной специфики использования языковых выражений. Так, по мнению Кеннета Гергена, использовать ментальный язык референциально означает нагружать его необоснованными, сбивающими с толку следствиями (Gergen, 1994). Поэтому конструкционистская критика референциальной специфики речевых актов в ТРА направлена как раз на то, чтобы выбить почву из-под тех психологических теорий, которые безапелляционно полагают существующими референты используемого в них ментального языка.

К. Герген прямо говорит о референции как явлении социального ритуала, а о референциальной практике (к примеру, практике отсылки к некоей «психологической реальности») - как о социально-исторически обусловленной данности. Все это означает лишь одно: отказ от взгляда на ментальный язык как на референциальный указатель неких внутренних положений дел и рассмотрение его как значимой социальной функции, как составляющей черты социальных отношений (Gergen, 1994). В своем крайнем варианте конструкционистская точка зрения допускает возможность

разработки такого теоретического способа понимания психических процессов, «в котором ментальные предикаты функционируют *нереференциально*, а основной точкой опоры при объяснении служат социальные процессы» (Gergen, 1994: 66).

Этот крайний вариант конструкционизма с учетом высказанных идей ТРА попытался реализовать один из представителей социального конструкционизма Ром Харре. По его мнению, вообще не существует никакой особой ментальной, психологической реальности или специфических ментальных структур, которые могут выступать в качестве референтов для нашего психологического языка (Harre, 1989). Согласно взглядам Р. Харре, единственной человеческой реальностью - помимо физической и физиологической - является реальность разговора (дискурса), социального взаимодействия, символически опосредованного взаимодействия между людьми. Элементами этой реальности разговора или разговорной практики являются как раз *речевые акты* - некие встречные социальные действия, связывающие индивидов между собой. Этим и обусловлено пристальное внимание представителей парадигмы социального конструкционизма к идеям ТРА, так как именно анализ речевых актов призван и способен прояснить то, что исследователи привыкли называть «психологическими феноменами» (Harre, 1989: 451-452).

Подводя итог сказанному, можно заключить следующее:

1. Анализ положений теории речевых актов (ТРА) позволяет лучше понять контекст возникновения некоторых идей, которые используются сегодня в конструкционизме.
2. Развитие положений ТРА в парадигме социального конструкционизма осуществлялось в двух основных направлениях, а именно – а) в плане расширения сферы прямого назначения речевых актов (логико - семантический анализ высказывания, теория значения и референции и т.п.) и б) в плане их дальнейшей радикализации. Кстати сказать, по признанию одного из ее лидеров Дж.Серля (2002), сегодня теория речевых актов уже практически преобразована в целую философскую концепцию сознания (Серл, 2002), что, конечно же, выходит за рамки исходной теории речевых актов.
3. Очевидно, что многие из понятий теории речевых актов уже прочно вошли в обиход философской, психологической (главным в образе, психотерапии), лингвистической и логической речи. Прежде всего, это само понятие речевого акта, понятие перформатива, понятие иллокутивной силы высказывания, коммуникативной интенции и т.д.
4. Многие положения ТРА послужили основанием для возникновения нового направления в парадигме социального конструкционизма, именуемого культуральной конструктивистской психологией. Ее контуры ее были обозначены в ряде каталитических диалогов на протяжении последних 20 - 30 лет в социально-гуманитарном знании, направленных на понимание значимости культурального конструктивизма.
5. На сегодняшний день не существует какой-либо одной «теории социального конструирования», как не существует и сформировавшегося ряда предписывающих «конструктивистских практик».
6. Описание, которое дает говорящий субъект (агент) миру или самости, находит свое происхождение во взаимоотношениях. Язык обретает способность к значению из тех способов, которые люди используют для координации самих себя и мира для них. Любой дискурс произрастает из сообщества пользователей языка, и каждый конструкт, который люди принимают, является сингулярным объектом в разных аспектах. Сообщество физиков может определять объект как «конфигурацию атомов», рекламщики описывают его как «легкий и прочный», историки искусства как «модернистский». Именно благодаря такого рода взаимоотношениям наши миры создаются: через то, что мы воспринимаем как полезное, ценное, заслуживающее внимания, конституируются наши обязательства. Благодаря взаимоотношениям мы

можем в любое время начинать процесс реконструирования мира (Gergen, 1994).

7. Дискурсивно конституируемые традиции являются и существенными, и опасными. Как только мы включаемся в координацию, мир становится «значимым» для нас. Мы обретаем идентичность как конкретные люди со своими интересами, целями, идеалами и пристрастиями. Оценка ценностей появляется именно в процессе наших взаимоотношений, мы генерируем их, определяем свой выбор, обособляем себя от других.

8. Через коммуникативные взаимоотношения мы можем генерировать новую упорядоченность значений, из которых появляются новые формы действий. Так как значение является продуктом мыслительной деятельности человека, в случае возникновения сомнений в отношении их пригодности к существующим условиям координации действий они всегда открыты для трансформации, нового мира, по мере которой мы приглашаем к новой сфере действий.

9. Конструктивизм является антифундаментализмом. Не существует фундаментальной реальности или очевидных оснований, направляющих любую форму интеллектуальной активности в области исследований социальных наук. Возможны различные теории, методы и практики, каждая из которых отражает те или иные традиции, те или иные формы жизни (Gergen, 1994; также: Haege, 1989).

10. Очевидно, что эти и другие проблемные вопросы служат основанием для возникновения культуральной конструктивистской психологии или культурального конструктивизма. И хотя многие вопросы в этом направлении остаются еще не до конца разрешенными и не столь еще очевидна область применения нарождающейся научной парадигмы, тем не менее, по выражению, Кеннета Гергена, можно говорить о ряде обобщений, способных лечь в основу формирования парадигмы социокультурального конструктивизма.

ЛИТЕРАТУРА

- Аналитическая философия: Избранные тексты. – М., 1993.
Броди Р. Психические вирусы. – М., 2001.
Бурдые П. Практический смысл. Пер с франц. – СПб., М., 2001.
Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. – Л., 1929.
Волошинов В.Н. Конструкция высказывания // Литературная учеба, 1931. № 3. – С. 65–87.
Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. – Минск, 2003.
Лабунская В.А. Психология экспрессивного поведения. – М., 1989.
Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М., 1995.
Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания. – М., 2001.
Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М., 2005.
Найсер У. Познание и реальность. Пер. с англ. – М., 1981.
Носкова С.Э. Прагматика дискурса малых форм. – М., 2006.
Остин Дж.Л. Значение слова // Аналитическая философия: Избранные тексты. – М., 1993. – С. 105–121.
Остин Дж.Л. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. Пер. с англ. – М., 1987. – С. 48–95.
Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал, 2002. – Т. 23, № 3. – С. 113–121.

- Романов А.А.* О перформативах в речевом акте // Содержательный анализ основных языковых единиц. Сб. научн. трудов. - Барнаул, 1981. – С. 140 – 151.
- Романов А.А.* Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Сб. научн. тр. – Калинин, 1984. – С. 86 – 92.
- Романов А.А.* Иллокутивные индикаторы прямых и косвенных речевых актов // Речевые акты в лингвистике и методике. – Пятигорск, 1986. – С. 195 – 200.
- Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М., 1988.
- Романов А.А.* Грамматика деловых бесед. – Тверь, 1995.
- Романов А.А.* Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной семиотики. – М., 2004. – С. 3 – 158.
- Романов А.А.* Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М., 2005.
- Романов А.А.* Лингвистическая мозаика. Избранное. – М., 2006.
- Романов А.А., Черепанова И.Ю.* Суггестивный дискурс в библиотерапии. – М., 1999.
- Романова Е.Г.* Перформативные единицы в ритуальных актах суггестивной коммуникации. – М., 2001.
- Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170 – 194.
- Серль Дж.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 195 – 222.
- Серль Дж.Р.* Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. Пер. с англ. – М., 1987. – С. 96 – 126.
- Серль Дж.* Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика. – М., 1982. – С. 179 – 202.
- Серль Дж.* Открывая сознание заново. – М., 202.
- Austin J.L.* Philosophical Papers. – Oxford, 1961. – P. 220 – 239.
- Austin J.L.* Zur Theorie der Sprechakte. 2 Aufl. – Stuttgart, 1979.
- Austin J.L.* Performative – Constative // Philosophy and ordinary Language/ - Urbana, 1963. – P. 22 – 54.
- Burr V.* Social Constructionism. - London: Psychology Press, 2003.
- Gergen K.J.* Realities and Relationships: Soundings in social Construction. — Cambridge (MA), 1994.
- Harre R.* Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European journal of social psychology. - 1989. Vol. 19. N 5. -P. 439–453.
- Sadock J.R.* Towards a Linguistic Theory of Speech Acts. – New York, 1974.
- Searle J.R.* Meaning and Speech Acts // Philosophical Review, 1962, vol. 71. – P. 423 – 432.
- Searle J.R.* Austin on Locutionary and Illocutionary Acts // Philosophical Review, 1968, vol. 77. – P. 405 – 424.
- Searle J.R.* Was ist ein Sprechakt? // Schmidt S.J/ Pragmatik 1. – Munchen, 1974. – S. 84 – 102.
- Searle J.R.* Sprechakte. - Frankfurt/M., 1971.
- Varela F.J.* Principles of Biological Autonomy. – New York, 1979.
- Varela F.J.* Patterns of Life: Intertwining Identity and Cognition // Brain and Cognition. - Vol. 34, 1997. – P. 72 - 80.
- Wittgenstein L.* Tractatus logico-philosophicus. – London, 1922.
- Wunderlich D.* Studien zur Sprechakttheorie. - Frankfurt/M., 1976.

*В.И. Макаров
(Великий Новгород)*

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ВОПРОСЕ ИГРЫ «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?»

Вопрос игры «Что? Где? Когда?» представляет собой особый речевой жанр – разновидность загадки, основанной в коммуникативном плане на негласном подразумевании того, что используемые в нем факты относятся к прецедентным, то есть значимым в контексте русской культуры и языка (даже в других странах эта игра распространена в среде людей, генетически и в языковом плане связанным с русской культурой).

Если использовать схему характеристики речевого жанра, предложенную Т.В. Шмелевой (Шмелева 1997), то вопрос «Что? Где? Когда?» следует отнести к информативным жанрам. Коммуникативная цель – обмен информацией в игровой форме. Автор текста исходит из пресуппозиции, что адресат способен, пользуясь своим запасом знаний, извлечь из вопроса необходимую для ответа на него информацию. Следует указать, что уровень знаний адресата мыслится как минимум несколько более высоким, чем средний, а на крупных турнирах с участием элитных команд уровень вопросов еще более усложняется. Обладает вопрос «Что? Где? Когда?» и специфической формой языкового выражения: имеются представления относительно оптимального объема вопроса, есть типовые фразы, например, «мы не просим вас назвать...», «назовите абсолютно точно...». Стоит отметить, что игроки не любят сравнения своих вопросов с загадками и говорят: «Мы не отгадываем вопросы, мы их берем».

Вопрос «Что? Где? Когда?» в идеале строится по принципу «неизвестное об известном», то есть прецедентные феномены используются в вопросе либо в качестве предполагаемого правильного ответа, либо в качестве вспомогательного момента, помогающего правильно ответить на вопрос. Пример первого подхода:

Город Ветлуга стоит вовсе не на Волге, а на ее притоке, который так и называется Ветлугой. Однако описание Ветлуги в путеводителе «Поволжье» в точности совпадает с описанием другого города, который, как нам всем известно, находится на правом берегу Волги, хотя на самом деле его там нет. Что это за город?

Ответ: Васюки. Ильф и Петров взяли описание Ветлуги для своих Васюков.

Само по себе количество городов, которые могут находиться на берегу Волги, достаточно велико. Однако предполагается, что отвечающий должен для ответа огра-

ничить множество возможных городов теми, которые обладают качеством прецедентности. Кроме того, этот город не существует в действительности, следовательно, его надо искать в художественной литературе. Как мы понимаем, в русском языковом сознании роман «12 стульев» занимает большее место, чем неизвестный роман рядового писателя, в котором также могут упоминаться волжские города.

Пример второго подхода:

Это имя стоит в заглавии одного из трудов Сенеки. Один известный его обладатель совершил путешествие, посетив Москву, Поволжье, Крым и Кавказ. Другой запомнился нам своим неприятием кулинарного продукта. Есть у них тезка и в «Войне и мире». Какая у него там фамилия?

Ответ: Курагин.

Комментарии: Имя – Ипполит. Воробьянинов и «Какая гадость эта ваша заливная рыба».

Имя Ипполита Матвеевича Воробьянинова, намек на путешествие которого содержится в тексте вопроса, должно вывести на правильный ответ. Отметим, что в данном вопросе встречаются намеки и на другие прецедентные тексты – «Война и мир» и (если понимать термин текст широко) фильм «Ирония судьбы».

Как отмечает Ю.В. Караулов, существуют следующие виды прецедентных феноменов: цитата, название произведения, имя автора, имя персонажа (Караулов 1987, с. 218). По классификации В.В. Красных, к прецедентным феноменам (ПФ) относятся: прецедентное имя (ПИ), прецедентная ситуация (ПС), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентный текст (ПТ). (Красных 1998, сс. 50-102.) Эта классификация представляется более удобной, так как позволяет включить в рассмотрение более широкий круг феноменов.

В настоящей статье рассматриваются вопросы «Что? Где? Когда?», связанные с романом «12 стульев». Принцип их создания требует использования прецедентных феноменов, обладающих сверхличным характером, актуальных в когнитивном плане, апелляция к которым постоянно возобновляется.

Естественно, что в реальных текстах довольно трудно отделить друг от друга различные типы ПФ, они переплетаются, вызывают друг друга. Тем не менее, классифицируем вопросы «Что? Где? Когда?» именно исходя из существующих типов ПФ. В спорных случаях отнесение к тому или иному типу будет производиться по доминантному смысловому признаку.

1. Вопросы, требующие в качестве ответов прецедентные имена (ПИ).

В одном из современных фантастических романов действует высокоразвитая цивилизация, разбросавшая семена жизни на многих планетах. Представитель этой цивилизации называется так же, как и герой произведения, создание которого описано в другом романе. Кто помогал герою романа в создании этого произведения?

Ответ: И.М.Воробьянинов.

Поиск возможного ответа в данном случае сужается до круга героев ПТ. По умолчанию предполагается, что героем, которого требуется назвать, может быть персонаж известного произведения. Остается только подобрать персонажа, отвечающего другим названным в вопросе признакам.

«Неркой звали суку, которую он купил за двадцать рублей, на Миусском рынке в Москве. Он замыслил свести бульдожку с крутобоким, вечно чихающим кобелем секретаря управдома, а регулярно получаемый от избранной четы приплод отвозить в Москву и с выгодой продавать любителям...». Затея тоже провалилась,

но, несмотря на это, вспомните ЕГО имя.

Ответ: Отец Федор (не вошедшие строчки в «12 стульев»).

Этот вопрос требует интуитивно определить по стилю произведение, а затем вычислить героя, подходящего по манере поведения.

2. Вопросы, в которых прецедентные имена (ПИ) используются в качестве под-сказки.

Первые и вторые в разных поверьях и произведениях находились на пути к богатству. Образованные от них глаголы с одинаковой приставкой означают угрозу и операцию крепежа. С ними также связаны фамилии двух подруг, у которых некий параметр различался в 6 раз. Чему был равен наименьший из этих параметров?

Ответ: 30.

Комментарии: Это щуки и собаки. Глаголы – прищучить и присобачить. Эллочка Щукина и Фима Собак. В древнескандинавском эпосе щука является хранительницей кладов. Эллочка Людоедка знала 30 слов, а Фима Собак – около 180.

В этом случае через имена персонажей и анализ их взаимоотношений мы должны припомнить и то, что требуется ответить (по терминологии игроков «Что? Где? Когда?»), «пуант»).

Эти два человека – тезки. Перед именем каждого стоит разная степень родства, но в обоих случаях ее буквальный характер по отношению к ним, по меньшей мере, спорен. Первый известен своим проживанием в сельской местности и общением с представителями фауны. Второй был горожанином и по последним известным о нем сведениям в конце своих странствий также общался с представителями местного животного мира на профессиональную тему. Назовите продукт, сыгравший в итоге роковую для него роль.

Ответ: Колбаса.

Комментарии: Двое – дядя Федор и отец Федор. Первый в Простоквашино общался с котом Матроскиными и пр. животными, а второй – на горе с птицами, предлагая им покаяться, до тех пор, пока не прилетела орлица и не отобрала у него колбасу.

Это еще один вопрос, где обыгрывается схожесть имен персонажей. Правда, в данном случае они относятся к разным произведениям, которые, надо отметить, входят в состав ПТ русского языка.

3. Вопросы, требующие в качестве ответов прецедентные выражения (ПВ).

В одном из арбатских переулков есть ресторан под названием «Нью-Васюки», на вывеске которого изображен сеятель облигаций. Несколько лет назад в ресторане случился пожар, в результате которого он серьезно пострадал. Однако на следующий же день в окне здания появилась жизнеутверждающая надпись из двух слов, подразумевающая, что ресторан не собирается закрываться. Что же там было написано?

Ответ: «Заседание продолжается».

Как свидетельствуют словари крылатых слов (напр., Берков В.П. и др. 2005), романы «12 стульев» и «Золотой теленок» вызвали к жизни множество соответствующих единиц, большинство из которых находится в активном речевом обороте. В вопросе в качестве ответа предполагается одно из самых известных из них.

У Станислава Лема в одной из кибернетических стран его знаменитой «Кибериады» всем гражданам при виде короля было положено кричать «Как хорошо!» или «Хорошо как!». Для малышей, правда, эти выкрики были заменены сочетани-

ем, хорошо знакомым всем, кто хотя бы раз читал «о шикарной чмаре» из Варсонофьевского переулка... Произнесите его!

Ответ: «Хо-хо!»

Комментарии: «Шикарная чмара», по выражению беспризорника – это Элочка Людоедка.

В данном случае говорить о полноценном прецедентном выражении можно с некоторой натяжкой, однако обычный запрос в сети Интернет на любом из поисковых порталов подтверждает, что, по крайней мере, выражение «хо-хо» обладает заметной воспроизводимостью.

4. Вопросы, в которых прецедентные выражения (ПВ) используются в качестве подсказки.

Эта знаменитая фраза, принадлежащая Ильичу, в первоисточнике, как нам хорошо известно, отсутствует. А Юлий Ким вложил ее в уста... Чьи?

Ответ: Остапа Бендера.

Комментарии: Фраза «Что наша жизнь? Игра!» принадлежит, как и все либретто «Пиковой дамы», Модесту Ильичу Чайковскому. А в фильме М. Захарова «12 стульев», песни к которому писал Ким, Остап поет: «Что наша жизнь? Игра! И кто ж тому виной, Что я увлекся этою игрой?».

В вопросе присутствует прием, который «знатоки» называют «покупкой». Необходимо сначала понять, что имеется в виду не «Ильич», связанный с политикой, затем вспомнить, в чем состояло расхождение между текстом Пушкина и либретто оперы и в конце вспомнить о существовании фильма (известно, что Юлий Ким – поэт, много написавший для кино). Как мы можем убедиться, в данном вопросе используются не только прецедентные выражения, но и прецедентные имена и отсылки к различным прецедентным текстам.

Вероятно, вы помните надпись, которую Остап сделал в Дарьяльском ущелье: «Киса и Ося здесь были». Что интересно, люди, которых Маяковский называл Киса и Ося, действительно были в июле 1927 года на Кавказе. Назовите их имена и фамилии.

Ответ: Лиля и Осип Брик.

А здесь мы сталкиваемся с интересной ситуацией, когда при помощи ПВ из литературного текста мы выходим на ситуацию из реальной жизни. Стоит, наверное, упомянуть, что наряду с ПВ здесь в качестве подсказки фигурирует прецедентная ситуация.

5. Вопросы, требующие в качестве ответов описание прецедентной ситуации (ПС).

Песня Селин Дион из «Титаника» в 1998 году вытеснила с первого места не менее известную песню Элтона Джона «Свеча на ветру». Символично, что статья об этом называлась «Шопен вышел из моды». В некоем литературном произведении фигурирует фирма, работники которой являются коллегами составителей этого рейтинга. Название этой фирмы вызывает ассоциацию с мифологией. Чем занималась эта фирма?

Ответ: организацией похорон.

Комментарий: Похоронное бюро «Нимфа».

В качестве подсказки здесь используется прецедентное имя (причем в различных разновидностях), а ответ содержит описание реальной ситуации по аналогии с описанной в литературном произведении.

Блестящий русский офицер Александр Ксаверьевич Булатович провел свои мо-

лодые годы весьма бурно и романтично. В составе войск Менелика II он участвовал в Каффском походе. Первым из европейцев исследовал русло реки Омо (Ньям) вплоть до впадения ее в озеро Рудольф. Однако после возвращения в Россию судьба его делает крутой поворот. Александр Ксаверьевич принимает постриг, и с этой поры становится известен под именем отца Антония. А под каким прозвищем он стал достоянием «золотого фонда» советской литературы?

Ответ: Гусар-схимник – персонаж «12 стульев» Ильфа и Петрова.

В этом вопросе дается сравнительно развернутое (для подобного жанра) описание биографии реального исторического лица и предлагается найти ее литературный аналог. Закономерно, что подразумевается выход отвечающим на ситуацию из известного произведения, хотя в мировой литературе возможно было бы отыскать еще несколько подобных случаев. В качестве подсказки, правда, в скрытом виде, используется ссылка на ПТ.

6. Вопросы, в которых прецедентная ситуация (ПС) используется в качестве подсказки.

Арчил Гомиашвили, сыгравший О.Бендера, сейчас содержит ресторан-казино, который входит в десятку самых престижных в мире. В конце каждого месяца он проводит среди посетителей игру «12 стульев». В одном из 12-ти стульев действительно находится приз. Разновидностей приза всего две: бриллиант и ... Назовите вторую разновидность приза.

Ответ: Путевка в Рио-де-Жанейро.

Очевидно, что описанные в романах «12 стульев» и «Золотой теленок» ситуации (поиск бриллиантов и желание Бендера уехать в Рио-де-Жанейро) должны послужить выходом на верный ответ.

«Здорово, приятель! – крикнул Остап. – Давненько не виделись!» С каким персонажем романа «12 стульев» так по-приятельски здоровался Остап?

Ответ: Со стулом.

Довольно интересный пример вопроса типа «уберите, все, что не подходит, и останется верный ответ». Достаточно убедиться в том, что никто из живых персонажей романа не может особо рассчитывать на такое обращение Бендера, и остается главный неживой «персонаж», который действительно достоин приятельского обращения.

7. Вопросы, требующие в качестве ответов названий прецедентных текстов (ПТ).

В первом издании на английском языке один известный роман назывался «Diamonds to Sit On», то есть «Бриллианты, на которых сидят». Назовите этот роман.

Ответ: «12 стульев».

Легкий, с точки зрения знатока, вопрос, построенный на малоизвестном факте, относящемся к известному произведению.

Ариадна Эфрон, печально констатируя, что после героико-революционной эпохи начала 20 века довольно скоро настала эпоха обывательская, противопоставляет два классических произведения, относящиеся к этим эпохам. Причем название второго произведения состоит из названия первого и еще одного слова. Назовите оба произведения.

Ответ: «Двенадцать» Блока и «Двенадцать стульев».

Это более сложный вопрос, требующий перебора прецедентных текстов с похожими названиями. В ответе требуется назвать два прецедентных текста.

8. Вопросы, в которых прецедентный текст (ПТ) используется в качестве подсказки.

«Неркой звали суку, которую он купил за двадцать рублей на Миусском рынке в Москве. Он замыслил свести бульдожку с крутобоким, вечно чихающим кобелем секретаря управдома, а регулярно получаемый от избранной четы приплод отвозить в Москву и с выгодой продавать любителям...». Затея тоже провалилась, но, несмотря на это, вспомните ЕГО имя.

Ответ: Отец Федор (не вошедшие строчки в «12 стульев»).

Этот вопрос уже приводился нами как иллюстрация к типу заданий, требующих выхода на ПИ. Тем не менее, он является также хорошим примером вопроса, где для ответа необходимо распознать стиливые особенности цитируемого ПТ.

Их случайная встреча имела самые трагические последствия. А вот на страницах «12 стульев» и «Золотого Теленка» они присутствуют не встречаясь. Тот, что упомянут в «12 стульях», является сатирой на контрабанду в РСФСР тех времен. Тот же, что упомянут в «Золотом Теленке», является сатирой на советский бытовой антисемитизм. Назовите обоих.

Ответ: Титаник и Айсберг.

Это уже совершенно другой тип вопроса. Во-первых, ПТ здесь упомянут в явном виде, во-вторых, его можно считать иллюстрацией того, как обыгрываются практически все прецедентные феномены разом. Это и прецедентная ситуация (гибель «Титаника», усы Ипполита Матвеевича), и прецедентное имя (тот же «Титаник»).

Итак, мы убедились в том, что имеющаяся классификация ПФ вполне работоспособна в отношении исследуемого речевого жанра.

В заключение хотелось бы отметить, что вопросы игры «Что? Где? Когда?» представляют собой интересный и практически неисследованный пласт речевой деятельности, который способен дать пищу для размышлений представителям многих направлений современной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

- Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88 - 98.
Караулов Ю.В. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
Берков В.П. Мокиенко В.М. Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2005

РАЗДЕЛ 2. РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ А.В. ЖУКОВА

*И.Я.Лепешев
(Гродно, Беларусь)*

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД О МОНОГРАФИИ В.П.ЖУКОВА И А.В.ЖУКОВА «РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» (М., 2006. 408 С.)

Имя Власа Платоновича Жукова, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора филологических наук, профессора, вызывает у белорусских языковедов, особенно тех, кто интересуется фразеологией и паремиологией, исключительное почтение. Он для нас – неоспоримый авторитет. Никто из ученых не сделал столько для становления фразеологии в качестве самостоятельного раздела лингвистики, как В.П.Жуков (1921–1991).

Помнится, с каким неослабным интересом и большой пользой для себя читал я его статьи, которые время от времени появлялись на страницах московских научных журналов, сборников всесоюзных конференций. Каждая статья маститого ученого, а также монографические труды и словари – «езда в незнаемое», новые открытия в области фразеологии и паремиологии. В русской лексикографической практике не имеют аналогов его четыре широкоизвестных словаря (некоторые написаны в соавторстве): «Словарь русских пословиц и поговорок», «Фразеологический словарь русского языка», «Школьный фразеологический словарь русского языка», «Словарь фразеологических синонимов русского языка».

Мне посчастливилось непосредственно познакомиться с Власом Платоновичем: он был официальным оппонентом при защите мною кандидатской диссертации (1973) и докторской (1985). Меня пленили не только его великая ученость, но и откровенность, искренность, добросовестность, непосредственность, человечность. И честность. Он однажды на вопрос корреспондента: «Какие черты в ученом Вы считаете главными?» – ответил: «Те же, что и в любом другом человеке. Прежде всего, честность. Настоящий честный человек честен абсолютно во всем. Ну и, конечно, преданность своей цели». Между нами установились товарищеские отношения, изредка мы переписывались. Мои коллеги и я несколько раз участвовали в научных конференциях и симпозиумах, что проводились в Новгородском пединституте (университете) кафедрой русского языка, которую 30 лет возглавлял В.П.Жуков. И он со своими коллегами неоднократно выступал на конференциях в Гродненском университете. Как говорилось в «Вестнике Новгородского государственного университета» (2004, № 29, с. 131), «приятно и важно отметить созвучность основных теоретических положений двух фразеологических школ – Новгородской В.П.Жукова и Гродненской И.Я.Ле-

пешева».

В 1978 г. вышла в свет книга В.П. Жукова «Семантика фразеологических оборотов» (кстати, ее тираж, даже по тогдашним меркам, довольно значительный: 58 000 экземпляров). Это было, несомненно, новое слово в тогда еще молодой отрасли языкознания – фразеологии. Здесь впервые глубоко и по-новому рассматривается семантика русских фразеологизмов. Автор раскрывает структуру фразеологического значения через его сопоставление с лексическим значением, подробно рассматривает такие смыслообъединяющие признаки фразеологического значения, как категориальное и оценочное. В отдельной главе книги семантические свойства фразеологических компонентов соизмеряются, сравниваются с соответствующими признаками однозвучных слов свободного употребления. Еще в одной главе выясняются парадигматические и синтагматические отношения фразеологических единиц, на богатом фактическом материале исследуются фразеологическая полисемия в сопоставлении с многозначностью слова, явление вариантности и фразеологическая синонимия, сочетаемость фразеологизмов и т.д. В процессе изложения основных проблем фразеологической семантики нередко учитываются противоположные точки зрения, «с тем чтобы, во-первых, показать явление во всей его сложности, а во-вторых, раскрыть проблематичность вопроса с расчетом на творческую реакцию читателей». Анализируя значение фразеологизма, автор пользуется оригинальным методом аппликации (наложения), с помощью чего устанавливается степень деактуализации компонентов в фразеологизме.

Этот же метод фразеологической аппликации является основой исследовательской базы второй монографии В.П. Жукова – «Русская фразеология» (М., 1986). Книга издана с министерским грифом как учебное пособие для студентов-филологов. В основном она опирается на тогдашнюю программу курса «Современный русский язык». Но в книге, кроме того, рассматривается ряд вопросов, которые дополняли и дополняют существующую программу. Здесь, например, исследуется вопрос о систематизации фразеологических единиц разной степени сложности, освещается новое положение фразеологизмов в языковой системе, показываются основные пути их образования, подробно анализируются фразеологизмы в семантическом, морфологическом и синтаксическом плане, дается типологическая характеристика компонентов, слов-компонентов и слов-сопроводителей, в связи с чем определяется шкала переходности (промежуточности) фразеологических единиц, и т.д.

Новое издание этой книги, которая сейчас рецензируется здесь, отличается от предыдущей прежде всего тем, что она значительно дополнена. Третья часть издания принадлежит перу сына Власа Платоновича – Анатолия Власовича Жукова, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ. Сын, нынешний заведующий той же кафедры того же университета, славно продолжает традиции отца и успешно развивает дальше его фразеологическую концепцию.

В этой книге и новые главы IV, VI, IX, а также параграфы 3, 4, 5, 6, 34 очень важные, насущные, и прежние ничуть не утратили своей актуальности.

Во «Введении», весомом и содержательном (35 с.), сжато обосновывается авторская концепция и, в связи с неразработанностью или неодинаковостью понимания многих исходных положений фразеологической теории, даются где краткие, а где и развернутые определения таких коренных понятий, как фразеологизм, воспроизводимость, идиоматичность, устойчивость, семантическая целостность, деактуализация, компонент, внутренняя форма фразеологизма. Здесь же, в отдельном параграфе, определяется объект фразеологии, ее объем и границы, рассматривается вопрос

о фразеологизме в его отношении к иным языковым единицам, даются пять существенных языковых показателей как подтверждение того, что слова с фразеологическим связанным значением характеризуются лексико-семантической и грамматической самостоятельностью, а поэтому нет никаких оснований включать в фразеологию так называемые фразеологические сочетания (типа *закадычный друг*).

Поскольку многие исследователи выделяют отдельный фразеологический уровень (ярус), во «Введении» показано, что хотя фразеологизмы и имеют смысловые и формальные признаки уровневых единиц (слова и словосочетания), однако сами по себе не образуют отдельного языкового уровня. Рассмотрен вопрос о познавательной ценности фразеологизмов, они разделены в этом отношении на три группы – с нормальной, пониженной и повышенной ценностью; например, к третьей группе принадлежит белорусский оборот *ад яйца адліць* ‘невероятно изворотливо уворовать, присвоить чужое’, ибо в нем число слов в объяснительном минимуме большее за число фразеологических компонентов. Во «Введении» впервые освещаются и такие вопросы, как природа фразеологического знака, фразеологическое богатство и языковая личность.

Первая глава монографии посвящена истории изучения фразеологии в отечественном языкознании. В определенной мере к предыдущей примыкает глава, где анализируются взгляды В.В.Виноградова, Б.А.Ларина, Н.М.Шанского, В.Л.Архангельского на систематизацию фразеологизмов. Предлагается иная, авторская классификация фразеологического материала с выделением пяти основных типов фразеологических единиц, сделанная с применением упомянутого уже метода аппликации. Очень богатый теоретический материал, конкретизированный соответствующими примерами, находим в главе III, где подробно и обстоятельно рассматривается сложный вопрос о разнообразных способах и путях образования фразеологизмов, о причинах и механизме преобразования переменного словосочетания в фразеологизм.

Важное место в рецензируемой монографии занимают идеи фразеологической переходности, намеченные В.П.Жуковым еще в статье «О знаковости компонентов фразеологизма» (1975). Теперь они нашли свое воплощение в IV и VI главах, написанных А.В.Жуковым, а более широко и полно отражены в его монографии «Переходные фразеологические явления в русском языке» (Новгород, 1996), а также в «Лексико-фразеологическом словаре русского языка» (М., 2003).

Под фразеологической переходностью понимается реальная или потенциальная способность фразеологизма в той или иной степени сохранять либо воспроизводить смысловые и формальные свойства исходного словосочетания и его составляющих (слов и морфем). В работе показано, что отдельные «атавистические» проявления в компонентах (например, смысловой центр) объясняются неравномерностью процесса деактуализации. В соответствии с этим вводится базовое понятие семантической редукции, в аспекте которого дается оригинальная типология компонентов, соответствующая различным видам семантической маркированности: категориальной, деривационной, прономинальной, лексической, семной и пр.

В главе VI более-менее подробно рассматриваются под общим понятием фразеологической переходности такие явления, которые трудно, а то и вовсе невозможно подвести под привычные, достаточно жесткие классификационные рубрики. Так, в отдельный параграф выделены фразеологизмы с лексически связанным значением, которые в свою очередь группируются в сем типов (например: *с открытым забралом, по пьяной лавочке*). Еще в одном параграфе исследуются фразеологизмы с общим аналитическим значением (типа: *видеть насквозь, находить общий язык*). О

новизне и содержательности этой же главы говорят сами за себя заголовки других параграфов: «О семантической неопределенности слов и фразеологизмов», «Внутренняя форма и этимология фразеологизмов», «Дефразеологизация в русском языке», «Семантическое пространство слова и фразеологизма» и т.д.

Глава V посвящена семантической характеристике фразеологических единиц. Здесь, как и во многих иных местах книги, нередко внимание сосредотачивается на принципиальных вопросах, довольно спорных и не до конца решенных в современном языкознании. В главе VII дается морфологическая характеристика фразеологизмов, выясняется фразеологическая специфика видовых отношений в оборотах глагольного типа, определяется степень парадигматической активности различных рядов фразеологических единиц. Особенно подробно описаны морфологические свойства глагольных и наречных выражений, дается морфологическая характеристика субстантивным и адъективным фразеологизмам.

Отдельно остановимся на главе VIII – «Синтаксическая характеристика фразеологизмов». Здесь определяются контекстуальные связи фразеологизма со словом, рассматривается управление при глагольных фразеологизмах, описывается структура предложений с глагольной фразеологией. В одном из параграфов главы показано, что фразеологизм как структурный элемент предложения вступает в определенные связи и отношения со словами контекста, подчиняется закономерностям лексико-грамматической сочетаемости. Валентные свойства довольно многих фразеологизмов бывают очень сложными. В позиционно-грамматическом отношении окружение может быть субъектное, объектное, обстоятельственное. С учетом синтаксических отношений между фразеологическими и лексическими единицами выделены и описаны три типа значений: относительно свободное, валентно ограниченное и конструктивно ограниченное.

Отметим, кстати, что некоторые гродненские фразеологи, исследуя субстантивные и адъективные фразеологизмы, отдельно выделили еще один тип фразеологического значения – синтаксически обусловленное значение. Оно характерно для очень многих оборотов, наделенных яркой оценочностью, которые в силу этого специализируются в строго определенной синтаксической функции. Например, многочисленные субстантивные фразеологизмы исключительно или преимущественно выступают в роли именного сказуемого, а также обращения и приложения: «Табе, Андрэй, бачу... завод як *костка ў горле*» (Э.Ярошевич); «А ты, *божыя кароўка*, не кіпі! І язык пачасаць нельга!» (И.Мележ); «*Святая прастата*, Півавараў, мабыць, думаў, што на ваеннай карце ўсё абазначана» (В.Быков). Такие субстантивные обороты, как и слова-существительные с синтаксически обусловленным значением, могут употребляться и в роли подлежащего или дополнения, но при этом обязательно в сочетании с препозиционным местоимением-конкретизатором: «Слухай ты, што табе скажа гэты *пусты млын*» (К.Крапіва); «Калі зловіш гэтага *сукінага сына*, дык цягні ў паліцыю» (Я.Колас).

Завершается книга главой «Русская фразеография» (глава написана А.В.Жуковым). Здесь впервые характеризуются, иногда с показом отдельных недостатков, все современные фразеологические словари русского языка. А их 11, и все они неоднотипные по своему назначению, охвату и источникам материала.

В заключение следует сказать, что эта монография по праву может квалифицироваться как фундаментальное исследование фразеологических единиц русского языка, а изложенные в ней обобщения и выводы целиком применимы и полезны при изучении фразеологии других языков, особенно славянских.

Т.Г.Никитина (Псков)

**РЕЦ.: ЖУКОВ В.П., ЖУКОВ А.В. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ.
УЧЕБ. ПОСОБИЕ. 2-Е ИЗД., ИСПР. И ДОП. /В.П.ЖУКОВ,
А.В.ЖУКОВ. – М.: ВЫСШАЯ ШКОЛА, 2006. – 408 С.**

Новгородская фразеологическая школа встретила 85-летие со дня рождения своего основателя Власа Платоновича Жукова переизданием книги «Русская фразеология».

Сотрудничество фразеологов В.П.Жукова и А.В.Жукова, отца и сына, учителя и ученика, воплотилось в соавторстве, которое обогатило книгу новыми идеями, объединило традиции и новаторство в интерпретации фразеологических категорий.

Книга, которая в течение 20 лет успешно использовалась в вузовской практике преподавания русского языка и была высоко оценена рецензентами - отечественными и зарубежными фразеологами, пополнилась двумя новыми главами, отразившим наиболее масштабные достижения фразеологической науки последнего десятилетия.

Одним из таких достижений является разработка теории фразеологической переходности, с основными положениями которой читатели ознакомятся в изложении ее автора – А.В.Жукова.

Общее понятие фразеологической переходности охватывает нестандартные фразеологические явления, не укладывающиеся в жесткие рамки традиционных классификаций, прежде всего – фразеологизмы с остаточными или приобретенными семантическими свойствами отдельных компонентов.

Ядро фразеологии переходного характера составляют фразеологизмы с лексически связанным значением (обороты *типа играть в молчанку, чудеса в решете, смотреть сквозь пальцы*). Они относятся к наиболее явным, поверхностным формам фразеологической переходности. Автор выстраивает классификацию таких единиц с учетом особенностей лексической и категориальной маркированности компонентов, типа их словарного представления, налагаемости фразеологизмов.

Фразеологизмы с общим аналитическим значением (*беречь свою шкуру, бросаться словами, видеть насквозь* и т.п.) характеризуются лексической маркированностью всех полнозначительных компонентов. Используя терминологическое обозначение, введенное для данного разряда фразеологизмов В.П.Жуковым, его соавтор вполне оправданно уточняет и корректирует отдельные формулировки своего учителя – ведь количественный и качественный состав фразеологизмов этого типа оказался

значительно шире, чем представлялось ранее.

Говоря о семантической неопределенности слова и фразеологизма, А.В. Жуков рассматривает проблемы их семантической диффузности и широкозначности. Анализ смысловой структуры слов и фразеологических единиц (ФЕ) с широким и диффузным значением (*брать в руки* кого, *сходить с ума*, *выносить сор из избы*) проясняет дискуссионные моменты трактовки этих категорий. Примеры употребления таких фразеологизмов подтверждают выводы автора о достаточно определенной семантической конкретизации широкозначного фразеологизма средствами контекста или ситуации, в то время как единицы с диффузной семантикой остаются неопределенными в аналогичных контекстуальных или ситуативных условиях.

При рассмотрении фразеологической переходности в работе не случайно затрагиваются проблемы вариантности и образности ФЕ: по наблюдениям автора, фразеологизмы, обладающие вариативной подвижностью и живой внутренней формой, содержат семно или лексически маркированные компоненты, которые служат своеобразными содержательными «скрепами», связывающими актуальное и этимологическое значение ФЕ, обеспечивающими образную подвижность и в то же время структурно-образное единство фразеологизма: *крутиться (вертеться) как белка в колесе*, *темный (дремучий) лес* и т.п.

Особое внимание автор уделяет явлению дефразеологизации, в процессе которой компоненты ФЕ приобретают полную семантическую самостоятельность и преобразуются в слова с отвлеченным системным значением. Процессы дефразеологизации иллюстрируются такими формами вторичной переходности, как лексико-фразеологическая гибридность, лексико-фразеологический синкретизм, лексическая вариантность и лексико-фразеологическая потенциальность. В целом дефразеологизация представлена в работе как процесс и результат семантико-функционального пересечения и взаимодействия лексики и фразеологии в системе языка. Единственное, что здесь вызывает возражение, – это интерпретация точки зрения В.М. Мокиенко на объем фразеологии.

Рассмотрение явления фразеологической переходности завершается описанием семантического пространства слова и фразеологизма. Автору удается дать четкое определение этому метафорическому составному термину. «Семантическое пространство языковой единицы, – пишет А.В. Жуков, – это ее значение, рассмотренное с точки зрения парадигматических, синтагматических и эпидигматических связей и отношений». Оно, по мнению автора, включает в себя также представление о сумме возможных речевых употреблений языковой единицы и, таким образом, объединяет и одновременно разводит такие традиционные понятия семасиологии, как лексическое значение и употребление слова.

Впервые в учебное пособие по фразеологии включается объемная глава, посвященная проблемам русской фразеографии.

Исторический очерк, представленный в данной главе, отражает основные вехи отечественной фразеографии, начиная с 1967 г., когда был опубликован «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова. Читателям предлагается критический анализ наиболее крупных фразеографических концепций, авторы которых – А.И. Молотков, В.П. Жуков, А.В. Жуков, В.М. Мокиенко, В.П. Фелицына, А.И. Федоров, М.Ф. Палевская, Р.И. Яранцев, В.Н. Телия, В.М. Огольцев – реализуют свои идеи во фразеологических словарях самых разных типов: толковых (академических и учебных), исторических, историко-этимологических и лингвокультурологических, а также в словарях фразеологических синонимов, устойчивых сравнений,

образных выражений.

Представление системы фразеологических словарей было бы неполным без обращения к новаторским фразеографическим проектам, разработанным в Великом Новгороде. Это «Лексико-фразеологический словарь русского языка» А.В.Жукова (2003), который стал лексикографическим воплощением концепции фразеологической переходности, и анонсируемый грамматический словарь фразеологизмов, работа над которым была начата В.П.Жуковым и А.В.Жуковым более 20 лет назад, а актуальность этого проекта со временем только возросла. Первостепенное значение в данном словаре будет уделено грамматической характеристике фразеологизмов, которая должна включать указание на фразеоизменительные и формообразовательные возможности оборотов, характеристику их сочетаемостных свойств и синтаксических позиций в предложении. Подробное описание структуры словарной статьи и образцы разработки фразеологизмов, различных по своим грамматическим параметрам (*Без сучка <и> без задоринки; Белены объелся; Бросать тень; Буря в стакане воды*), позволяют читателю оценить уникальность и целесообразность проекта.

Помимо двух новых глав книга пополнилась § 5–6, которые включены во Введение. Здесь представлена современная трактовка природы языкового знака и место фразеологической подсистемы в сложной и многоярусной структуре языковой личности. Нельзя не согласиться с автором, что фразеологическая составляющая не только содержательно обогащает, облагораживает языковую личность, но придает и самой речевой деятельности говорящего или пишущего неповторимое семантическое своеобразие, красочность, динамизм, эмоциональность и коммуникативную значимость.

Нет сомнения в том, что фразеологи-теоретики, преподаватели-практики и студенты по достоинству оценят обновленную «Русскую фразеологию» (издательство «Высшая школа»), книгу, написанную динамично, эмоционально, с оптимизмом и верой в то, что «красота языка и красота души человеческой спасут мир».

**РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ А.В.ЖУКОВА
(В ТОМ ЧИСЛЕ НА ТРУДЫ, НАПИСАННЫЕ В
СОАВТОРСТВЕ С В.П.ЖУКОВЫМ)**

Т.Г.Аркадьева, В.П.Проничев. // Филологические науки, 2005, № 1. С. 107-111. Рец.: А.В.Жуков. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель. АСТ, 2003. 605 с.

А.Г.Балакай. Школьный фразеологический словарь и некоторые вопросы учебной лексикографии. Рец.: В.П.Жуков, А.В.Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. Изд-е 4-е, дораб. и доп. М.: Просвещение, 2003. 544 с. // Словарное наследие В.П.Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Третьи Жуковские чтения. Материалы международного научного симпозиума 21-22 мая 2004 года. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 505-510.

В.Т.Бондаренко. // Русский язык в школе, 1990, № 3. С. 109-111. / Рец.: В.П.Жуков, А.В.Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. 2-е изд-е, перераб. М.: Просвещение, 1989. 384 с.

К.Гюнтер // Zeitschrift fur Slawistik. Bd. 33. 1988. S. 602-604. Рец.: В.П.Жуков. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.

В.А.Кузьменкова. // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 20. М.: МАКС Пресс, 2001. С. 131-139. Рец.: Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах. Межвузовский сборник научных трудов. Памяти Николая Ивановича Лаврова / Отв. ред. А.В.Жуков. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. 196 с.

И.Я.Лепешев. // Русский язык в национальной школе, 1990, № 3. С. 98-100. Рец.: В.П.Жуков, А.В.Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. 2-е изд-е, перераб. М.: Просвещение, 1989. 384 с.

И.Я.Лепешев. // Русский язык в школе, 1985, № 5. С. 100-101. Рец.: А.В.Жуков. Фразеологическая переходность в русском языке. Учебное пособие к спецкурсу. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1984. 94 с.

І.Я.Лепешаў. Фундаментальная праца // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта, 2007, № 1 (49), серыя 3 «Філалогія. Педагогіка». С. 130-132. / Рец.: В.П.Жуков, А.В.Жуков. Русская фразеология. Учебное пособие. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.

В.И.Макаров. Неисчерпаемый фонд // Новгородский университет, 2003, № 8 (552). С. 14. Рец.: В.П.Жуков, А.В.Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. Изд-е 4-е, дораб. и доп. М.: Просвещение, 2003. 544 с.

В.И.Макаров. Новый словарь // Вестник НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2003, № 25, серия «Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание». С. 122-

123. / Рец.: А.В.Жуков. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель. АСТ, 2003. 605 с.

В.М. (В.И.Макаров). Энциклопедия фразеологии // Время открытий. Научно-популярный журнал. НовГУ им. Ярослава Мудрого, октябрь 2006. С. 18. Рец.: В.П.Жуков, А.В.Жуков. Русская фразеология. Учебное пособие. 2-е изд-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.

В.И.Макаров. Язык в движении // Новгородский университет, 2003, № 27 (571). С. 16. / Рец.: А.В.Жуков. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель. АСТ, 2003. 605 с.

Т.Г.Никитина. Рец.: В.П.Жуков, А.В.Жуков. Русская фразеология. Изд-е второе, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с. // Филологические науки, НДВШ, № 5, 2007.

Л.Скрипник. Новий аспект вивчення фразеології // Мовознавство, 1986, № 4 (118). С. 71-72. Рец.: А.В.Жуков. Фразеологическая переходность в русском языке. Учебное пособие к спецкурсу. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1984. 94 с.

Ю.П.Солодуб. // Филологические науки, 1987. № 5 (161). С. 90-92. Рец.: В.П.Жуков. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.

Б.Тагар. // Studia Russica XI, Budapest, 1987. С. 356-358. Рец.: В.П.Жуков. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.

В.К.Харченко. // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. Вып. 1 (№ 2). С. 114-115. Рец.: А.В.Жуков. Фразеологическая переходность в русском языке. Учебное пособие к спецкурсу. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1984. 94 с.

Р.Эккерт. // Русистика, 1991, № 2. С. 86-88. Рец.: В.П.Жуков, А.В.Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. 2-е изд-е, перераб. М.: Просвещение, 1989. 384 с.

РАЗДЕЛ 3. СПИСОК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ ЖУКОВА АНАТОЛИЯ ВЛАСОВИЧА,ОПУБЛИКОВАННЫХ В 1971-2006 ГГ.

1. О типах значения глагольных фразеологизмов // XXIV Герценовские чтения. Филологические науки. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1971. С. 32-33.
2. Многозначные фразеологизмы с разнотипной смысловой структурой // Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1972. С. 72-77
3. Определение компонентного состава фразеологизма (к вопросу о разграничении глагольно=наречных выражений) // Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1973. С. 144-149.
4. Глагольно-наречные выражения и наречные фразеологизмы // Системность русского языка. Новгород: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 167-182.
5. К вопросу о фразеологическом статусе предложно-падежных выражений // XXVIII Герценовские чтения. Филологические науки. Лингвистика. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1975. С. 59-63.
6. О пересечении грамматического и лексико-фразеологического уровней (на материале идиоматичных предложно-падежных выражений) // Семантика языковых единиц. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1975. С. 36-39.
7. О понятии семантической редукции слова // Тезисы докладов республиканской научной конференции на тему «Актуальные проблемы лексикологии и фразеологии». Баку: АПИРЯЛ им. М.Ф. Ахундова, 1976. С. 40-42.
8. Лексико-семантическое совмещение и его отношение к синтаксису // Тезисы докладов III республиканской научной конференции на тему «Актуальные проблемы синтаксиса современного русского языка». Баку: АПИРЯЛ им. М.Ф. Ахундова, 1977. С. 27-28.
9. Лексико-фразеологическая дифференциация и основные ее разновидности // Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1978. С. 30-35.
10. Объективная фразеология в русском языке // Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1978. С. 43-48.
11. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка. Учебное пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1980. 97 с. (В соавторстве с В.П. Жуковым).
12. Слова-компоненты в составе фразеологизма // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Задачи изучения русской лексики и фразеологии в высшей и средней школе». Орел: ОГПИ, 1982. С. 200-202.
13. К вопросу о фразеологической переходности // Актуальные проблемы русской фразеологии. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1983. С. 5-11.
14. О познавательной ценности фразеологизмов // Актуальные проблемы русской фразеологии. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1983. С. 37-43 .
15. Фразеологическая переходность в русском языке. Учебное пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1984. 93 с.

16. Семантическая типология слов-сопроводителей в русском языке // Лексико-фразеологические связи в литературном русском языке и народных говорах. Курск: КГПИ, 1984. С. 136-147.
17. Фразеология и орфография // Studia Russica, VIII. Budapest: Будапештский ун-т им. Л.Этвеша, 1985. С. 31-53.
18. О «потенциальных словах» в составе фразеологизма // Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1986. С. 13-21.
19. О грамматической деривации фразеологизмов // Фразеологизмы в системе языковых уровней. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1986. С. 13-23.
20. От редактора // Фразеологизмы в системе языковых уровней. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1986. С. 3-4.
21. К вопросу о номинации и деривации фразеологизмов // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. I. Гродно: Гродненский ун-т, 1986. С. 64-67.
22. § 3. Уровневое положение фразеологизмов в языковой системе; § 4. Познавательная ценность фразеологизмов; § 25. Морфологические свойства наречных фразеологизмов; гл. 4. Компонентный состав фразеологизмов // В.П.Жуков. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. СС.21-31, 115-132, 227-240.
23. Семантическая типология компонентов и фразеологическая переходность // Studia Russica, XI. Budapest: Будапештский ун-т им. Л.Этвеша, 1987. С. 10-39.
24. Категориальный синкретизм фразеологических единиц // НДВШ, Филологические науки. 1987. № 2. С. 48-53.
25. Компонент фразеологизма и слово // Русский язык в национальной школе. 1987. № 5. С. 9-14.
26. О словаре фразеологической переходности (на материале русской идиоматики) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Материалы IV Международного симпозиума в рамках заседания Международной комиссии по проблемам славянской фразеологии при Международном комитете славистов. Минск: Наука и техника, 1987. С. 28-30.
27. О словаре переходных явлений в области русской фразеологии // Всесоюзная конференция. Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. Актуальные проблемы подготовки и издания словарей. М.: Русский язык, 1988. С. 71-72.
28. Фразеологизмы переходного типа и их описание в учебном словаре // Актуальные проблемы учебной лексикографии. Материалы общесоюзной конференции. М.: ИРЯ им. А.С.Пушкина, 1988. С. 43.
29. Фразеологическая переходность и ее отражение в словаре // Единство системного и функционального анализа языковых единиц (Из опыта изучения и преподавания иностранных языков). Белгород: БГПИ, 1988. С. 64-66.
30. Образность фразеологических единиц и лексическая маркированность компонентов (в методическом аспекте проблемы). Педагогическое и специально-научное обеспечение учебно-воспитательного процесса в школе, педагогическом вузе. Новгород: НГПИ, 1988. С. 90-91.
31. Вариантность как форма фразеологической переходности // Исследования по общей и дагестанской фразеологии. Махачкала: ДГУ, 1989. С. 51-60.
32. О номинативности фразеологизмов со словами-компонентами // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Ч. I. Гродно: ГГУ, 1989. С. 69-70.

33. Школьный фразеологический словарь русского языка. 2-е изд-е, перераб. М.: Просвещение, 1989. 389 с. (В соавторстве с В.П. Жуковым).
34. Как пользоваться словарем // Школьный фразеологический словарь русского языка. 2-е изд-е, перераб. М.: Просвещение, 1989. С. 3-20. (В соавторстве с В.П. Жуковым).
35. Образность фразеологизма и его вариантность // Актуальные вопросы русской фразеологии (русский язык). Материалы для самостоятельной работы студентов. М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. С. 19-26.
36. Рец.: М.Ф.Алефиренко. Теретичні Харків: Вища школа, 1987. - 135 с. // Советское славяноведение. 1990. № 2. С. 103-105.
37. Словарь фразеологической переходности как особый тип словаря // Лексикология и фразеология: новый взгляд. Раздел «Фразеология». Тезисы 2-ой межвузовской конференции. М.: МГЗПИ, 1990. С. 34-37.
38. К вопросу о параметризации идиом переходного типа // Фразеологическая параметризация в машинном фонде русского языка. М.: ИРЯ АН СССР, 1990. С. 47-52.
39. Фразеологическая переходность в языке и в словаре // Фразеологические словари и компьютерная фразеология. Тезисы сообщения школы-семинара 13-17 ноября 1990 г. Орел: ОГПИ, 1990. С. 96-97.
40. Описание пограничных фразеологических явлений в толковом словаре // Актуальные проблемы разработки нового академического словаря русского языка (Тезисы). 20-22 ноября 1990 г. Л.: ИЯ АН СССР, 1990. С. 43-45.
41. Фразеологическая переходность в языке и в словаре // Проблемы русской и общей фразеологии. Новгород: НГПИ, 1990. С. 38-47.
42. Ядерно-периферийные отношения в сфере фразеологизмов переходного типа // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии (на материале русского языка). Республиканская межвузовская научная конференция. 20-23 мая 1991 г. Тезисы докладов. Ч. I. Новгород: НГПИ, 1991. С. 85-87.
43. Фразеологизм и этимология фразеологизмов // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Материалы IV республиканской научной конференции (15-16 сентября 1992 г.). Ч. I. Гродно: ГГУ им. Я.Купалы, 1992. С. 80-82.
44. Послесловие // Н.И.Лавров. Смысловая структура диалектной фразеологической единицы. Учебное пособие к спецкурсу. Новгород: НГПИ, 1992. С. 80-82.
45. Вариантность фразеологизмов и фразеологическая переходность // Russistik. Berlin:Dieter Lenz Verlag, 1993. №1. С. 31-35.
46. Лексико-фразеологическая гибридность как особая форма переходности фразеологизмов // Семантика языковых единиц. Ч. II. М.: Альфа, 1993. С. 29-32.
47. Метод фразеологической аппликации и его значение для теории фразеологии // Диалектические процессы во фразеологии. Челябинск, 1993. С. 11-12.
48. Фразеологическое значение в аспекте лингвокреативного мышления личности // Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста зарубежной и национальной школы: Сб. тезисов докл. IV Междунар. конф. МАПРЯЛ. Волгоград, 1993. С. 25-26. (В соавторстве с Н.Ф.Алефиренко).
49. Фразеологизмы с лексически связанным значением в русском языке // Идеографический и историко-этимологический анализ русской фразеологии. Псков: ПГПИ, 1994. С. 40-42.
50. Школьный фразеологический словарь русского языка. 3-е изд-е, перераб. М.: Просвещение, 1994. 432 с. (В соавторстве с В.П. Жуковым).
51. Как пользоваться словарем // Школьный фразеологический словарь русского

языка. 3-е изд-е, перераб. М.: Просвещение, 1994. С. 3-20. (В соавторстве с В.П. Жуковым).

52. Внутренняя форма слова и фразеологизма // *Studia Russica XIV*. Budapest, 1990-1994. С. 21-35. (В соавторстве с В.П. Жуковым).

53. Изучение переходных фразеологических явлений в контексте развития фразеологии как науки // *Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы международной конференции*. Т. I. М.: Филология, 1995. С. 167-169.

54. Фразеологизмы с лексически связанным значением в русском языке // *Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки»*. 1995. №2. С. 99-105.

55. Переходные фразеологические явления в русском языке. Новгород: НовГУ, 1996. 132 с.

56. Рец.: Б. Татар. Фразеология современного русского языка. Будапешт: Танкёньвкiado, 1992. - 371 с. // *Russistik*. Berlin: Dieter Lenz Verlag, 1996. № 1/2. С. 118-121

57. О грамматическом словаре фразеологизмов // *Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки»*. 1996. № 4. С. 104-110. (В соавторстве с В.П. Жуковым).

58. Внутренняя форма слова и фразеологизма // Памяти проф. В.П. Жукова. Фразеологизм и слово. Сборник научных трудов. Новгород: НовГУ, 1996. С. 9-17. (В соавторстве с В.П. Жуковым).

59. Метод фразеологической аппликации и его значение для теории фразеологии // Памяти проф. В.П. Жукова. Фразеологизм и слово. Сборник научных трудов. Новгород: НовГУ, 1996. С. 161-166.

60. Развитие лингвистических идей В.П. Жукова. Единство теории и практики // Альманах «Говор». Материалы Всероссийской научной конференции «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее». А4. Фразеологизмы, устойчивые сочетания, термины. Саратов, Сыктывкар, 1996. С. 83-97.

61. О явлении дефразеологизации в русском языке // Русские народные говоры: история и современное состояние. Тезисы докладов межвузовской научной конференции 26-28 ноября 1997 г. Новгород: НовГУ, 1997. С. 33-36

62. О некоторых новых аспектах изучения фразеологической семантики // Пушкинские чтения-98. Материалы межвузовской научной конференции. Санкт-Петербург: ЛГОУ, 1998. С. 38-43.

63. Развитие лингвистических идей В.П. Жукова: единство теории, методологии и практики // *Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки»*. 1998. №9. С. 83-89.

64. Явление дефразеологизации в русском языке // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. I. М.: МГОПУ, 1998. С. 254-256.

65. Фразеологический словарь с грамматическим комментарием // Аспекты вузовской русистики. Тюмень: Изд-во Тюменского университета, 1998. С. 48-57. (В соавторстве с В.П. Жуковым).

66. О явлении дефразеологизации в русском языке // Динамика фразеологического состава языка. Тезисы международной научной конференции. 24-25 ноября 1999 г. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 1999. С. 26-27.

67. О защите русского языка // Кирилло-Мефодьевские чтения. 15-16 июня 1999 г. Сборник материалов международной научной конференции. Луга: Изд-во Крестьянского госун-та им. Кирилла и Мефодия, 1999. С. 29-30.

68. Дефразеологизация в русском языке // *Вестник НовГУ им. Ярослава Мудрого, сер. «Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание»* 2000. № 15. С. 84-91.

69. Явление дефразеологизации в свете процессов фразообразования и словообразования // Фразеология - 2000. Памяти Владимира Леонидовича Архангельского. Ма-

териалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25-26 апреля 2000 г.). Тула, 2000. С. 225 -228.

70. Дефразеологизация в русском языке // *Studia Russica XVIII*. Budapest, 2000. С. 433 -441.

71. О природе фразеологического знака // *Frazeografia Slowianska. Teoria i praktyka, tradycje, terazniejszosc. Tezy referatow miedzynarodowej konferencji naukowej* Opole, 6-8 wrzesnia 2000 r. Pod redakcja Mieczyslawa Balowskiego i Wojciecha Chlebdy. Opole, 2000. С. 24 -27.

72. Рец.: В.Г.Дидковская. Парадигматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке. Новгород, 1997. // *Studia Russica XVIII*. Budapest, 2000. С. 483 -487. (В соавторстве с В.П.Проничевым).

73. О природе фразеологического знака // Актуальные проблемы современной русистики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Памяти В.И.Чернова. 22-24 мая 2000 года. В двух частях. Часть первая. Киров, 2000. С. 93 -95.

74. Идея потенциальности в лингвистическом наследии И.А.Бодуэна де Куртенэ // *Лингвистическое наследие И.А.Бодуэна де Куртенэ на исходе XX столетия. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 15-17 марта 2000 года*. Красноярск, 2000. С. 37 -38.

75. О лексико-фразеологическом словаре русского языка // *Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах*. Памяти Николая Ивановича Лаврова. Великий Новгород, 2001. С. 50 -60.

76. Состав, задачи и структура Лексико-фразеологического словаря русского языка // *Лингвистика в начале XXI века. Материалы научной конференции*. Самарканд, 2001. С.63 -70.

77. Фразеологизмы с общим аналитическим значением // *Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Вторые Жуковские чтения. Материалы Международного научного симпозиума 21-23 мая 2001 года*. Великий Новгород, 2001. С. 25 -27.

78. О лексико-фразеологическом словаре русского языка // *Фразеологизм: Семантика и формы*. Сборник статей, посвященный юбилею профессора кафедры русского языка Курганского государственного университета Валентины Андреевны Лебединской. Курган, 2001. С. 32 -37.

79. Фразеологические сочетания русского языка в свете метода аппликации // *Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли. Материалы научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13-15 ноября 2001 г.* Великий Новгород, 2001. С.90 -91.

80. Очарованный странник русской фразеологии. Слово о Николае Ивановиче Лаврове // *Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах*. Памяти Николая Ивановича Лаврова. Великий Новгород, 2001 С. 5-8.

81. Лексико-фразеологический словарь русского языка. Проспект. Великий Новгород, 2002. 139 с.

82. Фразеологизмы с общим аналитическим значением в русском языке // *Вестник НовГУ, серия «Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание»*. 2002. №21. С. 57 -61.

83. Пословично-поговорочные выражения в семантико-типологическом аспекте // *Фразеология и миропонимание народа. Материалы Международной научной конференции. В 2-х частях. Часть 1. Фразеологическая картина мира*. Тула, 2002. С.53 -59. (В соавторстве с К.А. Жуковым)

84. Школьный фразеологический словарь русского языка. 4-е изд-е, дораб. и доп.

М.: Просвещение, 2003. 543 с. (В соавторстве с В.П. Жуковым).

85. Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель. АСТ, 2003. 607 с.

86. О Лексико-фразеологическом словаре // Лексико-фразеологический словарь русского языка. М.: Астрель. АСТ, 2003. С. 3 -30.

87. К вопросу о типологии пословично-поговорочных выражений // // Studia Russica XX. In honorem Bela Tatar. Budapest, 2003. С. 500 -504. (В соавторстве с К.А. Жуковым)

88. Семантика неопределенности (О словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) // Вестник НовГУ, серия «Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание». 2003. № 25. С. 106 -111. (В соавторстве с К.А. Жуковым) .

89. Рец.: Автор с большой дороги, или Где мёд, там и мухи // Мир русского слова. 2003. № 2 (15). 2003. С. 130 -131.

90. Бела Татар. К 70-летию со дня рождения // Studia Russica XX. In honorem Bela Tatar. Вступительная статья (персоналия). Budapest, 2003. С. 5.

91. Отзыв о «Проекте Словаря русского языка XIX века» // Словарь русского языка XIX века. Проблемы. Исследования. Перспективы. СПб., 2003. С. 164 -165.

92. В.П.Жуков-словарник: прозрения Учителя // Словарное наследие В.П.Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Третьи Жуковские чтения. Материалы международного симпозиума 21-22 мая 2004 года. Великий Новгород, 2004. С. 3 -11.

93. О фразеологизмах с размытым и широким значением // Слово и предложение: лингвистические исследования. Сборник научных статей в честь юбилея профессора В.П.Проничева. СПб., 2004. С. 23 -31. (В соавторстве с К.А. Жуковым)

94. О семантическом пространстве языковых единиц // Актуальные проблемы мовазнауства (да 80-годдзя прафесара І.Я.Лепшава). Гродна, 2004. С. 59 -61.

95. Семантическое пространство языковых единиц // Вестник НовГУ, серия «Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание». 2004. № 29. С. 84 – 88.

96. Послесловие. Книга на все времена // В.П.Жуков. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд-е 11, стереотип. М.: Русский язык-Медиа, 2004. С. 507-509.

97. Послесловие. Золотые россыпи русской речи // В.П.Жуков, М.И.Сидоренко, В.Т.Шкляров. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.П.Жукова. М.: Астрель. АСТ. Ермак, 2005. С. 441-444.

98. О краеугольном камне и камнях преткновения русской фразеологии // Пушкинские чтения. Лингвистические и методические аспекты системных отношений единиц языка и речи. Сборник научных статей. СПб., 2005. С. 92-96.

99. О некоторых насущных вопросах русской фразеологии // Язык. Человек. Общество. Международный сборник научных трудов (к 60-летию профессора В.Т.Малыгина). СПб. - Владимир, 2005. С. 63-71.

100. О семантической неопределенности слов и фразеологизмов // Грани слова. Сборник научных статей к 60-летию проф. В.М.Мокиенко). М.: Элпис, 2005. С. 70-76. (В соавторстве с К.А. Жуковым).

101. Послесловие. Книга на все времена // В.П.Жуков. Словарь русских пословиц и поговорок. Изд-е 12, стереотип. М.: Русский язык-Медиа, 2005. С. 507-509.

102. Фразеологическое богатство русского языка и языковая личность // Актуальные вопросы лексикологии и фразеологии // Сборник научных трудов, посвященный 90-летию со дня рождения В.Л.Архангельского. Тула, 2005. С. 42-48.

103. Лексико-фразеологическая синонимия в системе межуровневых отношений // Язык как система и деятельность // Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию проф. Ю.А.Гвоздарева. 16-17 сентября 2005 г. Ростов-на-Дону, 2005. С. 76-78.

104. Школьный фразеологический словарь русского языка. 5-е издание. М.: Просвещение, 2006. 576 с. (В соавторстве с В.П. Жуковым).

105. Фразеологизмы русского языка, не имеющие лексических синонимов // Слово – сознание - культура. Юбилейный сборник научных трудов к 60-летию доктора филологических наук, профессора Николая Федоровича Алефиренко. М.: Флинта. Наука, 2006. С. 234-239.

106. Русская фразеология. Учебное пособие. Изд-е второе, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с. (В соавторстве с В.П. Жуковым).

107. О некоторых существенных свойствах фразеологизма и семантической классификации фразеологических единиц // Языки и межкультурная коммуникация: актуальные проблемы филологической науки // Международная научно-практическая конференция. 15-17 мая 2006 года. Материалы конференции. Под общей ред. проф. В.Н.Скворцова. Санкт-Петербург: ЛГУ имени А.С.Пушкина, 2006. С. 97-98. (В соавторстве с К.А. Жуковым).

108. О фразеологизации слова и лексикализации фразеологизма // Живое русское слово. Сборник научных статей в честь юбилея профессора Т.Г.Аркадьевой. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ имени А.И.Герцена, 2006. С. 23-26

109. К вопросу о существенных свойствах и семантической классификации фразеологизма // Вестник НовГУ, серия «Гуманитарные науки». 2006. № 36. 2006.С. 55-58. (В соавторстве с К.А. Жуковым).

110. О «четвертом измерении» лексики // Слово. Словарь. Словесность: Из прошлого в будущее (к 225-летию А.Х.Востокова). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, 15-17 ноября 2006 г. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И.Герцена, 2006. С. 75-77.

111. Фразеологизация слова и лексикализация фразеологизма // Филологические науки, НДВШ, № 4, 2007.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ СБОРНИКОВ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

1. Фразеологизмы в системе языковых уровней. Межвузовский сборник научных трудов. Л.: ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1986. 163 с.

2. Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии (на материале русского языка). Республиканская межвузовская научная конференция. 20-23 мая 1991 г. Тезисы докладов. Ч. I. Новгород: НГПИ, 1991. 102 с.

3. Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии (на материале славянских, германских и романских языков). Республиканская межвузовская научная конференция. 20-23 мая 1991 г. Тезисы докладов. Ч. II. Новгород: НГПИ, 1991. 232 с.

4. Памяти профессора Власа Платоновича Жукова. Фразеологизм и слово. Сборник научных трудов. Новгород: НовГУ, 1996. 280 с.

5. Влас Платонович Жуков. Биобиблиографический указатель. Великий Новгород, 2000. 59 с.

6. Слово и фразеологизм в русском литературном языке и народных говорах. Памяти Николая Ивановича Лаврова. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. 195 с.

РАЗДЕЛ 4. БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

СПРАВКА О НАУЧНОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

доктора филологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы, заведующего кафедрой русского языка НовГУ имени Ярослава Мудрого ЖУКОВА АНАТОЛИЯ ВЛАСОВИЧА, 1947 г. рождения, русского.

Доктор филологических наук профессор Анатолий Власович Жуков является одним из ведущих преподавателей и ученых филологического факультета НовГУ. За 32 года работы в НГПИ и НовГУ он прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой русского языка, профессора. В 1991 г. в ЛГПИ имени А.И.Герцена успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Фразеологическая переходность в русском языке». В 1993 г. ему присвоено ученое звание профессора. С 1990 г. и по настоящее время А.В.Жуков заведует кафедрой русского языка.

Автор более 100 трудов по русскому языку, в числе которых «Школьный фразеологический словарь русского языка» (2-е изд-е, перераб. - М.: Просвещение, 1989; 3-е изд-е, перераб. - М.: Просвещение, 1994; 4-е изд-е, дораб. и доп. - М.: Просвещение, 2003; 5-е изд-е. М.: Просвещение, 2006. В соавторстве с В.П.Жуковым), учебное пособие к спецкурсу «Фразеологическая переходность в русском языке» (Л., 1984), монография «Переходные фразеологические явления в русском языке» (Новгород, 1996), «Лексико-фразеологический словарь русского языка» (М., 2003), учебное пособие «Русская фразеология» (2-е изд-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. В соавторстве с В.П.Жуковым), многочисленные статьи, опубликованные в центральных научных журналах в нашей стране, а также за рубежом («Филологические науки», «Русский язык в национальной школе», «Советское славяноведение», «Russistik», «Studia Russica»). На труды А.В.Жукова имеется ряд положительных рецензий (журналы «Филологические науки», 1987, № 5; «Русский язык в школе», 1985, № 5; 1990, № 3; «Русский язык в национальной школе», № 3, 1990; «Мовознавство», 1986, № 4; «Русистика», 1991, № 2; «Studia Russica», XI, 1987; «Вестник ЛГУ», сер. 2, вып. 1 (№ 2), 1987; ZfSl, Bd. 33 (1987), H. 4; «Филологические науки», № 1, 2005; и др.).

Последовательно развивая и углубляя идеи Новгородской фразеологической школы, основанной профессором Власом Платоновичем Жуковым, А.В.Жуков разработал новое и перспективное направление в современной фразеологии - концепцию фразеологической переходности, связанное с комплексным системно-функциональным изучением лексики и фразеологии современного русского литературного языка. В ходе предпринятого широкомасштабного исследования впервые выявлена языковая природа фразеологизмов переходного типа, определен их состав и очерчены

границы, изучены основные формы фразеологической переходности, семантические свойства и словообразовательные потенции фразеологизмов переходного характера, и многое другое. Теоретические разработки автора нашли воплощение не только в его статьях и монографиях, но также во втором, третьем и четвертом изданиях «Школьного фразеологического словаря русского языка», в учебном пособии «Русская фразеология» и особенно в «Лексико-фразеологическом словаре русского языка». Плодотворность теории фразеологической переходности подтверждена подготовкой нескольких кандидатских диссертаций, выполненных под руководством А.В.Жукова.

Научная концепция А.В.Жукова нашла также своих сторонников и последователей среди известных фразеологов нашей страны, а также за рубежом.

А.В.Жуков опытный организатор вузовской науки. Ответственный редактор 5 межвузовских и международных сборников научных трудов по лексикологии и фразеологии. По его инициативе успешно прошли в Новгороде всесоюзная (1991) и ряд международных конференций по фразеологии (Первые (1996), вторые (2001) и третьи (2004) «Жуковские чтения»), а также зональная межвузовская конференция по русской диалектологии (1997). А.В.Жуков - член редакционно-издательского совета НовГУ и редакционной коллегии научного журнала «Вестник НовГУ». В 90-е годы входил в состав Научно-методического совета по русскому языку при РГПУ имени А.И.Герцена.

С 1991 г. он руководит научной работой аспирантов и соискателей. Восемь из них (Т.И.Кошелева, Т.Г.Бурина (Зуева), В.И.Макаров, О.Ю.Машина, А.В.Батулина, Ю.А.Максяшина, Ю.Е.Коркина, С.А.Новичкова) успешно защитили диссертации в открытом в 1997 году диссертационном совете К.064.32.06, а также в докторском диссертационном совете Д 212.168.09, председателем которых был и остается А.В.-Жуков. За 10 лет работы обоих советов прошло 39 защит соискателей из НовГУ имени Ярослава Мудрого, а также других вузов России (Санкт-Петербург, Пушкин, Красноярск, Чита, Кемерово, Новокузнецк, Тюмень, Тула, Псков, Тверь, Севастополь).

А.В.Жуков является опытным вузовским лектором. Он читает лекции, ведет практические и семинарские занятия по различным лингвистическим дисциплинам (современный русский литературный язык, введение в языкознание, общее языкознание и др.), читает спецкурсы по русской лексикологии и фразеологии. А.В.Жуков выступал с чтением лекций и спецкурсов для студентов, аспирантов и преподавателей в других вузах страны, а также за рубежом - в ЛГУ (1985, 1987), КГПИ имени А.М.Горького (1986), МГПУ имени В.И.Ленина (1989), ЛГПИ имени А.И.Герцена (1990), Ишимском педагогическом институте имени П.П.Ершова (1994), Ленинградском государственном областном университете имени А.С.Пушкина (г. Пушкин, 1997, 1998), ТГПУ имени Л.Н.Толстого (1998), Будапештском университете имени Л.Этвеша (1994, 1997, 2000).

Участник многих всероссийских и международных научных конференций по русскому языку.

Более 20 раз выступал в качестве официального оппонента на защите докторских и кандидатских диссертаций в специализированных советах ведущих вузов и научных учреждений России (ЛГУ и СПбГУ, ЛГПИ (РГПУ) имени А.И.Герцена, МГПУ имени В.И.Ленина, ИЛИ РАН (Санкт-Петербург), Орловский государственный педагогический институт, Волгоградский государственный педагогический университет и др.). Неоднократно рецензировал докторские и кандидатские диссертации как заве-

дующий кафедрой ведущей организации.

А.В.Жуков был участником парламентских слушаний на тему «О культурной политике в Российской Федерации и защите русского языка», проходивших в Государственной Думе 6 июня 1995 г.

А.В.Жуков является действительным членом Петровской академии наук и искусств (ПАНИ). Он участник II и III съездов ПАНИ (1995, 1997), член филологической секции этой академии. С 1998 г. ученый секретарь Новгородского отделения ПАНИ.

В 1998 г. А.В.Жукову присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы РФ».

На кафедре русского языка, возглавляемой А.В.Жуковым, трудится большой, работоспособный и творчески активный коллектив. Из 18 членов кафедры 5 докторов наук и 11 кандидатов наук. В 2007 г. планируются защита еще одной докторской и двух кандидатских диссертаций. Членами кафедры, при активном участии самого А.В.-Жукова, изданы учебники, учебные пособия к спецкурсам, словари, монографии, многочисленные статьи, опубликованные в центральных журналах и издательствах России, а также за рубежом. На кафедре работают такие известные ученые, как В.П.Проничев, В.Г.Дидковская, В.А.Сидоренков, В.Л.Васильев, Л.Я.Петрова, В.И.Заика и др. У кафедры вместе с тем хорошие научные перспективы в лице молодых её сотрудников (В.И.Макаров, Т.И.Кошелева, А.В.Батулина, К.А.Жуков и др.). Руководимая А.В.Жуковым кафедра неоднократно занимала призовые места в проводимых руководством университета кафедральных конкурсах. Среди ведущих структурных подразделений университета она, как парвило, имела высокий рейтинг.

А.В.Жуков пользуется заслуженным авторитетом среди студентов, аспирантов и преподавателей факультета. А.В.Жуков является членом ученого совета НовГУ, а также членом ученых советов Гуманитарного института и филологического факультета НовГУ.

Жуков Анатолий Власович (Zhukov A.V.) [21.08.1947, г. Фрунзе Киргизской ССР] – русский языковед; специалист в области лексикологии, фразеологии и лексикографии русского языка. Доктор филологических наук (1991), профессор (1993). Действительный член Петровской академии наук и искусств (1997). Заведующий кафедрой русского языка Новгородского гос. пединститута (1990-1993) и Новгородского гос. университета имени Ярослава Мудрого (с 1993 г.). Заслуженный работник высшей школы РФ (1998).

Родился в семье педагогов. Сын В.П.Жукова. После окончания средней школы учился на факультете русского языка и литературы НовГПИ (1966-1970). В 1970 г. поступил в аспирантуру ЛГПИ им. А.И.Герцена. В 1970/71 гг. находился на действительной военной службе (г. Орша Белорусской ССР). После демобилизации продолжил (1971-1974) обучение в аспирантуре. В 1975 г. защитил в ЛГПИ им. А.И.Герцена кандидатскую диссертацию «Наречные фразеологизмы современного русского литературного языка» (научный руководитель докт. филол. наук, проф. В.И.Кодухов). С 1974 г. на преподавательской деятельности в Новгородском государственном пединституте (с 1993 г. в НовГУ имени Ярослава Мудрого). Доцент (1982). Степень доктора филологических наук присуждена за диссертацию «Фразеологическая переходность в русском языке» (ЛГПИ им. А.И.Герцена) (1991). В 1993 г. присвоено ученое звание профессора. Основные читаемые дисциплины: современный русский литературный язык, введение в языкознание, общее языкознание, спецкурсы по русской фразеологии.

Разработал новое направление в современной фразеологии – концепцию фразеологической переходности, связанное с комплексным системно-функциональным изучением лексики и фразеологии современного русского литературного языка.

Автор более 100 научных работ по русской фразеологии и лексикографии, в том числе 9 книг.

Основные работы

Статьи

- В.П.Жуков-словарник: прозрения Учителя. // Словарное наследие В.П.Жукова и пути развития русской и общей лексикографии. Великий Новгород, 2004.
- О пересечении грамматического и лексико-фразеологического уровней (на материале идиоматичных предложно-падежных выражений) // Семантика языковых единиц. Л., 1975.
- Объективная фразеология в русском языке // Семантико-грамматические характеристики фразеологизмов русского языка. Л., 1978.
- К вопросу о типологии пословично-поговорочных выражений. // Studia Russica XX. In honorem Bela Tatar. Budapest 2003. (Соавтор: К.А.Жуков).
- К вопросу о фразеологической переходности // Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983.
- О познавательной ценности фразеологизмов // Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983.
- Фразеология и орфография // Studia Russica. VIII. Budapest, 1985.
- О «потенциальных словах» в составе фразеологизма // Узуальное и окказиональное в тексте художественного произведения. Л., 1986.
- Семантическая типология компонентов и фразеологическая переходность // Studia Russica. XI. Budapest, 1987.
- Категориальный синкретизм фразеологических единиц // Филолог. науки, 1987, № 2.
- Компоненты фразеологизма и слово // Русский язык в национальной школе. 1987, № 5.
- Внутренняя форма слова и фразеологизма // Studia Russica. XIV-XV. Budapest, 1990-1994. В соавторстве с В.П.Жуковым.
- Вариантность фразеологизмов и фразеологическая переходность // Russistik, 1993, № 1.
- Фразеологизмы с лексически связанным значением в русском языке // Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки», 1995, № 2.
- Фразеологизмы с общим аналитическим значением в русском языке. // Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание». № 21 [Новгород] 2002.
- О грамматическом словаре фразеологизмов // Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки», 1996, № 4. В соавторстве с В.П.Жуковым.
- Развитие лингвистических идей В.П.Жукова: единство теории, методологии и практики // Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки», 1998, № 9.
- О некоторых новых аспектах изучения фразеологической семантики // Пушкинские чтения – 98. СПб, 1998.
- Дефразеологизация в русском языке // Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки: история, литературоведение, языкознание», 2000. № 15.
- О природе фразеологического знака // Frazeografia Stowianska. Teoria i praktyka, tradycje, teraziejszosc. Opole, 2000.

- О фразеологизмах с размытым и широким значением. // Слово и предложение: лингвистические исследования по русскому языку. / Сборник научных статей в честь юбилея профессора В.П.Проничева. СПб. 2004. (Соавтор: К.А.Жуков).

Книги

- Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка. Л., 1980. В соавт. с В.П.Жуковым. 97 с.
- Фразеологическая переходность в русском языке. Л., 1984. 93 с.
- § 3. Уровневое положение фразеологизмов в языковой системе. § 4. Познавательная ценность фразеологизмов. § 25. Морфологические свойства наречных фразеологизмов. Гл. 4. Компонентный состав фразеологизмов // В.П.Жуков. Русская фразеология. М., 1986. С. 21-31, 115-132, 227-240.
- Школьный фразеологический словарь русского языка. 2-е изд-е, перераб. М., 1989, 389 с.; 3-е изд-е, перераб. М., 1994. 432 с.; 4-е изд-е, доп. и дораб. М., 2003. 535 с. В соавт. с В.П.Жуковым.
- Переходные фразеологические явления в русском языке. Новгород, 1996. 132 с.
- Лексико-фразеологический словарь русского языка. М. 2003. 605 с.

Литература о жизни и трудах

- Анатолий Власович Жуков (к 50-летию со дня рождения) // Вестник НовГУ, сер. «Гуманитарные науки», 1998. № 9. С. 100.
- Кто есть кто в современной русистике / Ред. Ю.Караулов, А.Мустайоки. М.-Хельсинки, 1994.
- Кто есть кто в лингвистике XX века. Т. I. Сост. С.В.Лесников. Сыктывкар, 1999. С. 28.

Перепечатано из книги: Анатолий Юдакин. Славянская энциклопедия. Теоретическое, прикладное и славянское языкознание. В 3 кн. Кн. 1. М., 2005. 798 с. С. 680-682.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	4
Н.Ф. Алефиренко (Белгород) ФРЕЙМОВАЯ ОСНОВА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ1	4
С.В. АСАБИНА (ГРОДНО, БЕЛАРУСЬ) О НЕКОТОРЫХ УЗУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М.ЛЫНЬКОВА)	11
А.Г. БАЛАКАЙ (НОВОКУЗНЕЦК) БУДЬ/ТЕ ЗДОРОВ/Ы ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ	17
С.Я. Гехтляр, А.П. Василенко (Брянск) МОДИФИКАЦИИ УСТОЙЧИВЫХ ЕДИНИЦ СОБСТВЕННО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО КОРПУСА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Б. ПАСТЕРНАКА	25
Н.А. Данилович (Гродно, Беларусь) РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОГРАФИИ В БЕЛАРУСИ	34
В.Г. Дидковская (Великий Новгород) ИМЯ НОВГОРОД В ОНОМАСТИКОНЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОГО АССОЦИАТИВНОГО СЛОВАРЯ)	41
К.А. Жуков (Великий Новгород) ОТ ТЕОРИИ КОНЦЕПТА К ЗАРОЖДЕНИЮ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИИ?	46
М.Е. Жукова (Великий Новгород) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЖУРНАЛИСТИКЕ С ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦОМ	51
Л.Г. Золотых (Астрахань) ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА	58
В.Д. Ившин (Москва) НОВЕЙШИЕ РУССКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ДИКАЯ ЗАМЕНА РУССКИХ СЛОВ АНГЛО-АМЕРИКАНИЗМАМИ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ (ПО СОСТОЯНИЮ НА 2007 ГОД)	64
И.Я. Лепешев (Гродно, Беларусь) СИТУАТИВНЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПОСЛОВИЦЫ	70
В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург) О СЛОВАРЕ «ПОСЛОВИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ»	75

Т.Г. Никитина, Е.И. Рогалева (Псков) НАРОДНАЯ ПРИМЕТА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ	86
Л.А. Петрова (Великий Новгород) ТИПЫ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	93
В.П. Проничев, Т.Г. Аркадьева (Санкт-Петербург) РОЛЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В ВЫСКАЗЫВАНИИ ...	98
В.А. Сидоренков (Великий Новгород) ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ, ТЕКСТ И КОММУНИКАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА РЕЧИ	102
Бела Татар (Будапешт, Венгрия) ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ВСЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМАМИ?	105
Т.И. Томашевич, Т.С. Жуковская (Гродно, Беларусь) ОБ АРХАИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАРОБЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)	111
Л.М. Якшук (Гродно, Беларусь) О ТВОРЧЕСКОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ	120
А.Н. Зеленов (Великий Новгород) ФРАЗЕОЛОГИЗМ В РОЛИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА	124
А.А. Романов, Л.А. Романова (Тверь) ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В ПАРАДИГМЕ ПСИХО-СЕМИО-СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКЦИОНИЗМА.....	128
В.И. Макаров (Великий Новгород) ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ВОПРОСЕ ИГРЫ «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?»	140
РАЗДЕЛ 2. РЕЦЕНЗИИ НА ТРУДЫ А.В. ЖУКОВА	146
И.Я. Лепешев (Гродно, Беларусь) ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД (О монографии В.П. Жукова и А.В. Жукова «Русская фразеология» (М., 2006. 408 с.)	146
Т.Г. Никитина (Псков) Рец.: Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология. Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. /В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.	150
Рецензии на труды А.В. Жукова (в том числе на труды, написанные в соавторстве с В.П. Жуковым)	153
РАЗДЕЛ 3. СПИСОК НАУЧНЫХ И УЧЕБНО- МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ ЖУКОВА АНАТОЛИЯ ВЛАСОВИЧА, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 1971-2006 ГГ.	155
РАЗДЕЛ 4. БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ	162

